Machinamenta Dei
ИЛЬЯ НЕКРАСОВ
裸体女将
鬼佬
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАПИСАНО ПЕРОМ»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Парадоксальный мир киберпанка. Холодный и пасмурный рай. Наполовину ад, где иногда сквозь строй неоновых вывесок прорывается настоящий живой свет – точно заблудившийся среди громад полупустых небоскребов. Это будущее, в котором ценности и мораль делают последнюю попытку угнаться за технологиями. Это частные концлагеря и приватизированная полиция, электронные тени, скитающиеся по брошенной людьми инфраструктуре, и поумневшие машины, рассуждающие о своих создателях.

- Илья Некрасов
  -
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

Илья Некрасов
Machinamenta Dei [1]
(Animus ex machina) [2]

© И. Некрасов, 2014
© ООО «Написано пером», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Может ли создатель исправить свое создание?

Рой Батти, «Бегущий по лезвию»

– Что, если наше творение окажется слишком справедливым? Что, если…

– Он не пустит в «свой рай»?! Не смеши меня, «папа»! У нас будет собственный рай! И мы с тобой – я и ты – еще подумаем, пускать ли туда других богов! Вспомни, что до сих пор гниет у самой земли. Представь, как все это наполнялось смертью: суды и театры, даже церкви. Как их смерть длилась сотни лет… Нам придется стать судьями и кукловодами. Царями и богами!

– Боюсь, как бы все не закончилось очередной подделкой.

– Да, некоторые сочтут будущее адом. Но даже если и так, то наш ад будет чертовски красив. Мы создадим тот сумрак, в котором горящая свеча обретет свою душу.

– Как ты сказал? Душу?.. Ты больше не считаешь ее только навязчивой идеей?

– Думаю, это неважно, папа.

Мне было нечего делать. Некуда спешить, не о чем беспокоиться. Заботы отпустили меня и остались где-то позади, в темноте вечера. Я обнаружил себя стоящим посреди пустой улицы верхнего города под реальным, а не нарисованным небом, во

влажной осенней ночи – пахнущей прошедшим дождем, который оставил на губах ощущение холодка.

Я просто стоял и смотрел на силуэт далекого небоскреба, на самой вершине которого, на высоких шпилях, блестели маяки – будто звезды.

Взгляд буквально притягивала огромная цилиндрическая форма, словно вырезанная, отделенная от окружающего сумрака ровными рядами внутреннего освещения, и ее высокая крыша с фигурками парадоксальных и почти милых химер… Мерцающий синий неон габаритных огней и мозаичных вывесок, иероглифов и символов. Серые громады соседних, менее освещенных зданий, их причудливо застывшие массы бетона и пластика, будто спаянные с темнотой.

На фоне стены мелькнула тень – закрыв собой ряд светящихся золотистых окон, на высоте сотни метров проплыл одинокий спинер. Патрульная машина?

Тень исчезла из вида, достигнув гигантского экрана в полнебоскреба, на котором снова красовались те тонкие, ярко-красные женские губы. Вот они выпустили струйку табачного дыма и расплылись в картинной улыбке. Послали ко мне, стоящему по другую сторону темноты, холодный и ни к чему не обязывающий поцелуй. И в тот же миг в самый центр изображения, туда, где сомкнулись губы, попала капля воды. Круговая волна прошлась по припудренным щекам, достигла края рекламного щита, но не остановилась, а покатилась дальше, охватывая металл и пластик, деформируя бетонные стены небоскребов, окружающее пространство и даже лучи света… в очередной раз искажая мир и переворачивая все с ног на голову, – так в небольшую лужицу, на отражение в которой я завороженно смотрел, упали первые капли возобновившегося дождя…

Я наконец оторвался от нее и поднял голову. Потяжелевшие веки сомкнулись, а лицо окунулось в прохладный поток и запах влаги, который ни с чем не спутать.

По коже текли струйки воды. Ощущались падения новых и новых капель, их ритмичные и легкие прикосновения. И постепенно от мира остались только струящийся холод, да звуки и ритм набирающего силу ливня.

Неизвестно, сколько времени прошло, но… на губах появился знакомый кисловатый привкус.

«Скоро начнет жечь кожу», – словно сквозь сон протянул меланхоличный внутренний голос. Он напомнил, что сегодня ночью ожидался аномальный пик кислотности.

Ладонь левой руки сжалась, и в круговорот ощущений вплелось еще одно – шершавой синтетической ткани. Затем рука

выполнила привычное движение, и спустя мгновение шляпа оказалась на голове – мое спасение от дождя. Я оправил полы плаща и побрел к лифту, чтобы спуститься на свой уровень города. Субуровень.

Десять этажей вниз в кабинке лифта. Рука потянулась к кнопке и почти наугад нащупала ее в этих знакомых потемках, обещающих тепло и уют дома. Вот и трещина в середине, и тот самый скрип маленькой пружины. Она.

Идентификация по голосу?

Рик Беркли. 2. 3. 7. 9. Теперь довольна?.. Лучше бы починила освещение.

На потолке мерцала неисправная лампа.

Панель управления подмигнула счетчиком этажей – тусклыми зеленоватыми цифрами. Протяжно завыл старый электродвигатель, трудившийся за себя и за давно сдавшегося соседа. Дрогнул пол, и в животе что-то привычно сжалось. Тело вспомнило, что с каждым этажом будет погружаться глубже и глубже, чтобы, в конце концов, оказаться дома.

Десять

Оно качнулось, руки сами собой потянулись куда-то вперед и нащупали металлическую сетку ограждения, пальцы, как всегда, вцепились в нее.

Девять

В кабинку проникли редкие лучи света из шахты – по стене пробежали контрастные полоски теней, как от жалюзи.

Восемь

Еще глубже. Свет исчез, и пространство будто растворилось в темноте. И не только оно. И руки, и тело… их как-то вмиг не стало. Словно не было вовсе.

Семь

Остались слабые ощущения на подушечках пальцев, холод и давление металла. Удаляющийся звук двигателя.

Шесть

Снова отблеск света. Мелькнули вертикальные и косые линии, на мгновение усилив эффект погружения. Затем вернулась темнота, вытеснив из восприятия остатки шума.

Пять

Половина пути. До квартиры еще столько же. В обволакивающей темноте и изредка нарушаемой тишине. Кап… кап…

Четыре

Капли воды тоже падают куда-то вниз, погружаясь глубже и глубже.

Три

Ближе к месту, где можно не думать и не волноваться. Где можно забыться.

Два

Еще глубже… Туда, где в реальность вплетается сон. И где они неразличимы.

Один…

Ноги погружаются в темноту и ступают одна за другой. По сторонам неясного коридора – закрытые квартиры. Из-за дверей доносится едва уловимый звон колокольчиков, которые шепчут, что внутри пустота, и никого нет. Поворот налево – как часы и годы. Направо – как годы и часы. Но путь ведет мимо, и откроется лишь одна дверь – твое угасающее сегодня.

Электронный блюз Вангелиса заполняет квартиру, вытесняя из нее пустоту и тишину. Глаза закрываются сами собой, и тело

расслабляется на мягком расставленном диване. Пробудившееся было сознание вновь растворяется в чарующей медленной музыке. Разум исчезает и превращается в точку, тонущую в потоке звуков.

Приходят странные воспоминания. Что-то из далекого детства. Совсем маленький человечек, который только учился плавать. Который впервые понял, что контроль – не главное… Есть сила, что поддерживает и не дает утонуть, противоположная той, что тянет вниз. И лучше всего довериться. Не сопротивляться и забыть о сомнениях. Ослабить контроль и отпустить.

Где-то рядом плакало электронное псевдопианино. Звало туда, где лучше всего. В нигде? Но оказалось, даже там можно заснуть еще глубже. Даже там есть что-то еще… голос, повторяющий раз за разом: «Ты снова нужен… снова нужен». И голос, напоминающий собственный, который что-то отвечает.

И вот ты вновь смотришь в потолок, не понимая, проснулся или еще нет. Взгляд теряется в замысловатом лабиринте плиток, похожем на электронную микросхему.

Ты переворачиваешься на бок, и пятно восприятия касается фигурки Будды, закрывшего глаза, на фоне того же бесконечного лабиринта. Ряды плиток нависают друг над другом, поднимаясь ближе к потолку и превращая квартиру в подобие пещеры – образованную странным сочетанием простых и одновременно сложных геометрических фигур, их причудливыми формами и ритмами.

Мягкий неоновый свет льется в комнату сквозь жалюзи на окнах. Светящиеся полоски осторожно ощупывают пространство… и все, чего касаются при своем движении. Книг, зеленой лампы и бутылок с виски. Пианино и деревца бонсай, словно стараясь попробовать на ощупь уют и тепло квартиры. Затем лучи соскальзывают на подогреваемый мозаичный пол…

Музыка постепенно стихла, и в дом проникло молчание полупустого здания. В повисшей тишине подсознание, наконец, достучалось до разума: оказывается, меня только что отозвали из отпуска, и беспилотный спинер ждет у подъезда. Шляпа и плащ, в которых я почти жил, должно быть, устроились рядом в кресле. Как и личное оружие – старый добрый кольт.

Мог ли я сказать «нет»? Отказаться?

Кто знает… Внутренний голос успел вставить «да». Исподтишка, когда сознание покинуло свой пост. В любом случае разговор уже состоялся, изменить что-либо было нельзя.

Не вставая, я порылся в ворохе бумаг на столе рядом с диваном.

«Вот он. Шприц-тюбик», – я взял маленький цилиндр и ввел

иглу в шею. Сжал тюбик, и приятная волна тепла разлилась по телу. Пармитал… настоящее чудо, которое превращает нас в роботов, не знающих усталости и сомнений, даже чувства голода.

«Поднимайся, левша. Вставай», – подгонял меня внутренний голос.

Казалось, что ощущения тела исчезли, и я завис в ночном небе на высоте полукилометра, что вся эта громада завода подо мной, ее черное, поблескивающее пространство, двигается само собой.

Россыпь сигнальных огней медленно, нескончаемым потоком, уходила куда-то под спинер. Вращалась как гигантская карусель, на которую смотришь, не в силах отвести взгляда и отойти. Я будто парил над исполинским аттракционом: возрожденной промзоной Чикаго с километрами ползающего металла и высокими выхлопными башнями.

Внизу кипела механическая жизнь. Тысячи кубометров устройств совсем без участия человека создавались, разрушались и модифицировались другими устройствами. Людей там не было – с развитием робототехники и объемной печати они отошли на второй план[3]…

Внезапно огромный фонтан пламени, сорвавшийся с выхлопной башни, заслонил бóльшую часть поля зрения. Салон озарился огненно-рыжим светом, и возник парадоксальный оптический эффект. На всю ширину лобового стекла развернулось отражение моих глаз, наложенное на столб пламени.

«Фокусы нашлемной системы», – подсказал знающий все внутренний голос.

Вокруг не было ни одного спинера. Я плыл по черному небу совершенно один. Лишь блики в стеклах по левую сторону напоминали о частях города, где еще сохранились люди.

Настроенное на режим поиска радио поймало передачу активистов Три-С. Хриплый мужской голос пытался прорваться через шторм помех:

– Программа расширенного донорства…

(Помехи).

– Ложь… – электронный шум, в котором растворялся голос, придавал передаче какое-то… отчаяние, что ли. Безысходность.

(Помехи).

– Теперь они хотят украсть не только… тела… – террорист кричал из последних сил, понимая, что трансляцию вот-вот задавит вал электронного шума.

(Помехи).

– … но и души.

Передача прекратилась и больше не возобновлялась.

«Смотри-ка, еще сопротивляются. Мелкие сошки, выдавленные на нижние уровни».

Снова пошел дождь. Первые капли водно-кислотной эмульсии попали на стекло, и тут же сработали автоматические испарители. Пахнуло спиртсодержащим нейтрализатором. Спинер окутался облаком белого пара. Я обернулся и через заднее стекло увидел тянущийся туманный след.

Значит, лечу вперед. Надежная машина работает как надо.

Только сейчас я понял, что произошло: мне, частному лицу, наемнику, предоставили полицейскую машину, нашпигованную оружием и спецсредствами. В полное распоряжение.

Получается, это полиция нас обслуживает, а не наоборот. Впрочем, интуиция всегда подсказывала, что дело идет к полной приватизации их «конторки». Не надо быть гением, чтобы догадаться – все давно схвачено. Покупка остатка акций – только оформление реального положения задним числом.

Ожил ЖК-экран в приборной панели. На нем появилось лицо офицера… нет, менеджера бывшей государственной FEMA[4].

Молодой человек в приличном костюме и при галстуке, более похожий на манекен, не очень приветливо буркнул:

– Патрульный спинер, назовите код безопасности.

«Наверное, подумал, что перед ним простой коп».

Я только успел открыть рот, как он расплылся в дежурной улыбке:

– А-а, это вы, мистер Беркли. Мы вас ждали. Для максимально комфортной посадки рекомендуем не мешать перехвату управления.

«Перехват управления? У полицейской-то машины?! Хотя… все логично. Ты знаешь, кто им поставляет электронику».

– Ради моей же безопасности, да? – Я убрал руки с шершавой поверхности штурвала, постарался удобнее устроиться в кресле и вообще расслабиться.

– Конечно. Осталось две мили. – Менеджер концлагеря куда-то покосился. – О, уже чуть меньше. – И улыбнулся.

Я поспешил отвернуться от слащавой деланной гримасы, которую видел в последнее время слишком часто. Наверняка, лицевой мимический имплант. Базовая улыбка № 5.

Спинер тем временем заложил крутой вираж, и где-то вдали ударила ветвистая молния. Заводская зона закончилась, внизу осталась только темнота, прикрывающая брошенные, покинутые пригороды. Пустоши и техногенные овраги.

Хорошо их не видеть. Хорошо, что есть сумрак. Ночь и пелена дождя.

Снова вираж, и взгляд в темное, затянувшееся тучами, небо.

Выравнивание по курсу. Я уже мог различить две цепи золотистых огней, трассу, ведущую в лагерь, принадлежащий одной из бывших гос. организаций с оптимизированной структурой собственности – FEMA JSC (FEMA Joint-Stock Company).[5]

Концлагерь располагался на территории промзоны старого Чикаго, не так далеко от завода. Место было выбрано не случайно: наличие развитых коммуникаций, свободные площади и корпусы пустующих с 20-го века цехов[6]. Близость к зоне концентрации гражданских и одновременно труднодоступность. Да и пространство вокруг просматривается на километры.

Я взглянул в левое окно. По путям к лагерю подъезжал поезд – мобильная тюрьма из десятка пятиярусных вагонов. Он начал тормозить, приближаясь к КПП… Много раз видел, как такие снуют туда-сюда, но не припомню, чтобы из них кого-то выводили. Кого они возят? Воздух?

Еще левее и чуть дальше показалась автострада, освещенная несколько хуже железнодорожных путей. На ней виднелась вереница трейлеров.

– Усилить зум, – я отдал приказ системе.

Нашлемный визор отрегулировал увеличение, и изображение стало четче, получилось рассмотреть колонну машин. Оказалось, каждая везет сложенный модуль мобильного изолятора. Неторопливо, по-хозяйски, в сторону Чикаго.

Я повернул голову направо. Визор, не меняя зума и следуя направлению взгляда, выдал следующую картинку: огромные шагающие экскаваторы копают ров. Скорее всего, будущий водный канал с причалом у лагеря и выходом к озерам.

– Отключить «божье око»,[7] – то ли сказал, то ли подумал я, и система… подчинилась.

«Опять эта каша в голове… Но к черту ее, не мешает жить, и ладно». – Я вздохнул и уставился в темное небо. Закрыл глаза.

Лучше б послали в командировку куда-нибудь на юг, да хоть в лагерь под Майами. Ну и пусть, что полузатоплен. Зато климат почти не изменился, и еще можно увидеть нормальное полуденное небо. Настоящее, природное, не нарисованное. С белыми облаками и солнцем… Конечно, везде натянуты металлические сетки, и это блюдо – небо с облаками – подается только с ними, забором и колючей проволокой. Но вроде стоит того.

Посадочная площадка располагалась сразу за КПП, у дороги, напрямую ведущей к ближайшей тюрьме Чикаго. Автопилот, взявший на себя управление, позволил хорошо рассмотреть

аэродром и заметить две особенности: рядом с современными спинерами стояли совсем уж старички: «Чинук» и еще какой-то древний малоузнаваемый хлам: вертолеты черного цвета без опознавательных знаков. Второе: площадку почему-то перенесли в другое место лагеря.

Выбравшись из машины, я сразу попал под надзор бдительной камеры слежения. Она была смонтирована на ближайшей вышке, одна из многих, установленных по ходу ограждений, в которых также обнаружились изменения – периметр опоясывала уже не просто колючая проволока, а особая «бритвенная» лента. Плюс высоченные пятиметровые заборы с наклонными верхушками, загнутыми внутрь. Что называется, «даже не думай». Лента не колет, а режет плоть.

На удивление меня никто не встречал. «Сервис» остался на том же уровне, несмотря на слащавость и услужливость менеджера концлагеря.

Помявшись немного на месте под слабым моросящим дождем, я достал из багажника кейс с комплектом аппаратуры. Надел шляпу, оправил ее поля и направился вперед, в сторону бараков, благо лагерь знал неплохо.

Камера проводила меня цепким немигающим взглядом и, достигнув границ поля зрения, передала другой, такой же цепкой и внимательной.

Повсюду самые лучшие системы слежения. Не сомневайся, что они знают, какова частота твоего пульса.

Хотя… они же не боги, в конце концов. Перед ними очередной парень, в плаще и шляпе, с кейсом. У таких всегда только две-три рубашки, пара узких малозаметных галстуков и неброский пиджак. Короткая стрижка да прямой взгляд, с которым им придется столкнуться. Итак, что у них есть на меня? Ничего. Никто не узнает, что у меня на уме, как бы ни старался. Поэтому хоть засмотритесь. Неприятно, но выдержу.

Под аккомпанемент хлюпанья я шел по мокрой асфальтированной дорожке между площадок со старинными, почти антикварными вертолетами времен REX84.[8] Аэродромные мачты с ветровыми «чулками» показывали полный штиль. Каждый шаг под неусыпным контролем многочисленных датчиков, взгляд которых чувствуешь на затылке. Тепловизоры, низкоуровневые телекамеры, звуковые сенсоры, коротковолновые радары… и что там у них еще. Все ради того, чтобы знать: кто ты, где ты, боишься ли системы или уже потерян для нее.

Несмотря на ощущение слежки, лагерь казался совершенно безлюдным, зловеще пустым, впрочем, почти как и сам Чикаго. Лишь на под лете к площадке у да лось заметить сил уэт человека

на вышке у КПП – охранника, который вышел покурить. В то же время это могла быть специальная мишень-манекен.

Однако мысль правильная: сигареты. Пока доберешься до бараков, пройдет половина вечности. Я остановился и закурил. Хорошо, что есть шляпа, оберегающая огонек от дождя. Затяжка… и струйка сизого дыма отправляется в мокрую ночь, растворяется и исчезает где-то на расстоянии метра.

Я пошел дальше, понимая, что мне как-то враз стало плевать на слежку.

Следят? Ну не в первый и не в последний раз. Так что идите к черту. Делаю работу и ухожу. А вы будете здесь гнить. То, что здесь оставлю, – только запах сигарет и окурок. Ничего больше.

Перед глазами мелькали собственные ботинки на фоне луж и мокрого черного асфальта… Знакомая вроде бы дорога привела к странному тупику. Подняв глаза и оглянувшись, я понял, что на пути к баракам оказался временный склад пластиковых гробов. Самых дешевых и практичных (всего в полгезелля[9]), упрощенной конструкции «Risen Corp».

Какой идиот занимается тут логистикой? Между посадочной площадкой и бараками возникла длиннющая стена стандартных четырехместных контейнеров, перегородившая пути от аэродрома к «цехам».

В высоту два – два с половиной метра. Если свернуть налево, то лишних триста метров, направо – столько же. Идти в обход не хотелось, кроме того, было понятно, что бараки уже рядом, за данной стеной. Нужно перебраться через нагромождение саркофагов.

Добротная, ставшая классической конструкция. Наследство, оставшееся от государства, которое позаботилось о будущем граждан[10].

Преодолев отвращение, я забрался на первый стеллаж и увидел: точно, в десяти метрах красная зона. Перепрыгнул на следующий стеллаж и, поскользнувшись, едва не упал.

«То-то ржут охранники! Надеюсь, гробы пустые».

Еще прыжок. Нога предательски поехала, и я кубарем скатился вниз, но…

Под ногами оказалась не земля, а еще один гроб, «заботливо» кем-то поставленный. Инерция толкнула вперед, вцепившееся в край саркофага тело навалилось на него, и крышка опрокинутого гроба больно ударила по затылку. В глазах потемнело, но не от боли, а от ярости.

«Сволочи!» – негодовал внутренний голос.

«Сволочи…»

Я поднялся и отряхнулся. Привел в порядок дыхание. Поправил шляпу и проверил кейс. Вроде ничего не отвалилось. Заставлю платить, если что. К гадалке не ходи. Заставлю.

Казалось, все камеры и датчики, какие только могли, глазели на меня.

Ничего. Всех переживу. Я вновь закурил.

Окна ближайших цехов замурованы. Что там происходит? То ломают, то герметизируют. Система создает работу сама себе?

Появилась новая газовая проводка, парогенераторы. Не сомневаюсь – все для санитарного обслуживания, чтобы травить ненужную живность: вшей, крыс и микробов. На крышах мощные вентиляторы, свежевыкрашенные в непонятный грязный цвет.

Красная зона закончилась, и началась синяя. В основном она отличалась отсутствием газового оборудования. Бараки имели небольшие окна с решетками у самого потолка. Больше ничего особенного. Обычные корпуса без герметизации и шумоизоляции, казавшиеся пустыми и тянувшиеся на две сотни метров.

Правда, когда я проходил мимо пустого барака, за спиной раздался едва уловимый, на грани слышимости звук. Похожий на слабый вздох.

Или… это я?

Мало ли что померещится в таком месте. Не останавливаясь и не оборачиваясь, я пошел дальше.

Зеленой зоны в данном лагере не было. По крайней мере, «живьем» гражданских видеть не приходилось. Вместо этого по окончании синей зоны располагался вход в штабной бункер. Пардон, в центральный офис. Малоприметное одноэтажное зданьице, которое незнающий может принять за рядовой склад.

А-а, вот она! Рядом новая посадочная площадка. Перестроили. На старую, значит, загнали хлам. И меня тоже.

Ублюдки.

– Личный номер, – потребовал динамик у бронированной двери, хрипло, будто выплюнул слова прямо в лицо.

– 2. 3. 7. 9. ЧВК «БлекСкай».

Зрачок миникамеры сфокусировался на моей физиономии. Пауза затянулась.

– Как добрались? – электронный голос выразил нотки сарказма.

«Вот и ты, шутник хренов».

– Какова цель вашего приезда?

– Открывай дверь, крыса. Я веду дело в отношении охраны лагеря.

Опять пауза. «Что, съели, да?! Это лишь начало».

В стене на высоте лица открылась маленькая ниша, из

которой выглянула стеклянная головка экспресс-тестера: телекамера, фиксирующая микроизменения моих зрачков, и оптический блок, транслирующий мне на сетчатку хитрый поток картинок, что обходит сознание и провоцирует бессознательные реакции[11].

Секунда, и все. Тест пройден. Я не террорист. Лоялен системе. Подсознательное не даст соврать.

Двери бесшумно открылись, они разошлись в стороны – во внутренние ниши стен. И вот я внутри. Первый коридор. Глухая железобетонная коробка, по сторонам бойницы. Укрыться негде. Даже камеры по углам в бронекапсулах. Если попадаешь под перекрестный огонь, то без шансов.

Впереди дверь и оконце за бронестеклом со стальной сеткой. Фигуры двух охранников, которые словно становились меньше и прижимались к дальней стене по мере того, как я приближался.

Вообще-то, по протоколу они должны были руководить моими действиями через громкоговоритель: «пройти вперед», «остановиться у стены» и т. д. Но сейчас динамик молчал. Заткнулся.

Я подошел вплотную к окну, и охранники потупили взгляды. Толстый и еще один толстый.

Лагерные крысы. Мразь. Вряд ли хоть раз видели вооруженного террориста из северо-сепаратистских сил, Три-С. Эти могут только толпой на безоружного. Вы – дерьмо, и я готов это доказать. Здесь и сейчас. Не хочется, да? Страшно? Надо запомнить рожи.

Дверь была открыта, опять же в нарушение протокола. Я прошел в следующий коридор, слева оказался закрытый пост с теми двумя… Я направился дальше, но тут же остановился. Не удержался. Развернулся и с силой, вкладывая вес тела, врезал ногой по дверце поста охраны. Раздалось оглушительное и невероятно приятное металлическое громыхание, плюс там что-то упало. Если выйдут, убью.

В комнатке молчок.

Запомнят надолго. Ничего. Как говорил терминатор, я вернусь.

«Итак, дальше. Еще камера. Смотри, смотри». – Я на секунду остановился перед ней.

Прямо в глаза. Дай увеличение. Ага. Нравится? В следующий раз будешь знать. Дальше.

Коридор явно пытались привести в более приличный, деловой вид: навесные потолки, клумбы с дурацкими пластиковыми деревьями.

Фальшстены под мрамор. Зеркала. Вычищенный до блеска

пол. Ощущался душок свежей краски да не успевший выветрится запах пороха.

«Или он просто следует за мной по пятам?» – спросил я собственное отражение в зеркале.

В конце коридора лифт. К нему.

Ощутив мое приближение, в стене рядом открылась маленькая ниша с тестером. Секунда и…

Еще не террорист, да? Уровень лояльности к системе допустим? Мне известны все хитрости потока картинок, но обучить свое подсознательное не откликаться на тестер до сих пор не удалось. Считается, это невозможно.

По крайней мере, так считалось до позавчерашней ночи…

Только протянул руку к кнопке, как спиной почувствовал взгляд. Обернулся.

В небольшой затемненной нише позади стояла молодая женщина в черном деловом костюме. Холодное поначалу выражение лица сменилось озадаченным.

– Мы с вами раньше не встречались? – через две-три секунды спросила она.

Я порадовался ее замешательству и, тоже сделав паузу, ответил:

– А должны были? – надеюсь, сказано достаточно.

Назад к лифту. Наслышан о таких.

Палец надавил на кнопку. Простые дела не ведут. Инквизиция. Гестапо. Неужели по мою душу?

Черный костюм особого покроя – для скрытого ношения оружия – не выходил из головы, а ее взгляд опять начал жечь затылок.

«Ну давай же!» – внутренний голос подгонял лифт.

Спустя невероятно растянувшееся мгновение створки открылись, и я проскочил внутрь, надеясь на ходу нажать кнопку. Плевать какой этаж.

Нет, она быстрее. Ногой задержала двери и вошла внутрь. Меня же будто ледяной завесой прижало к стене.

– Только не убегайте далеко, Беркли.

После такой фразы обычно следует саркастичная улыбка, но ее не последовало.

Я сглотнул. В горле неожиданно пересохло. Чертов черный костюм. Если б не он, то можно было бы признать незнакомку краса…

А может, встречались? Не само лицо, а именно выражение карих глаз показалось знакомым… у блондинок такие бывают редко.

Нет, не знакомы, иначе я бы давно заикался.

– Н-на какой этаж? – спросил я, размышляя, заикнулся сейчас или нет.

Ответа не последовало. Я понял, что мне дают шанс, отвернулся и быстро воспользовался им.

Пятый? Да, он самый.

Поднес палец к кнопке, но спутница поправила:

– Девятый.

«Строго режима?»

Нажал, и лифт тронулся.

По ее отражению на металлической стенке лифта я понял, что она совершенно бесцеремонно осматривает меня. И только решился ответить колючим взглядом, как мы приехали. Створки открылись, и она вышла первой.

Охранник, сидевший за столом и возившийся со старым радиоприемником, спохватился и с поразительной ловкостью вытянулся в струнку. Едва не выронил приемник. Но на меня даже не посмотрел, боязливый и заискивающий взгляд достался спутнице.

– Вы знаете мое имя, а как… – осторожно поинтересовался я.

– Антера, – перебила она.

«В смысле?.. Пантера? Кодовое имя? Псевдоним?.. Изволит шутить?» – гадал я, шагая вслед. Лишь бы не смотреть на маячащую впереди фигурку и ее мягкую, точно кошачью, походку – уставился на унылую фальшстену. Но даже там оказалось ее неясное отражение.

«Что ж, Антера так Антера… раз другого не дано».

Еще несколько шагов вперед, и из-за спины спутницы показались решетки первой тюремной камеры. Пустая. Затем снова камера и еще две точно такие же. Пустые и будто ждущие. Голодные.

Она остановилась у следующей камеры и… открыла замок своей электронной картой!

Вот черт.

Развернулась ко мне:

– Прошу, Рик.

Переходим на «ты»? Что-то не вдохновляет…

Не скажу, что боялся, но, когда заметил, что в камере уже находятся двое, от сердца отлегло.

Судя по виду и откормленным рожам, охранники лагеря. Причем один показался знакомым. Тот, что смотрел на меня будто на последнюю надежду.

Обстановка камеры донельзя простая: сама серая бетонная коробка и в ней стол, три табурета. Их даже не переодели. Возможно, привели сюда только для допроса.

– Проходите, не бойтесь, – повторила Антера.

Пришлось сделать над собой усилие, чтобы не ляпнуть что-нибудь в ответ. Но холодный взгляд она все же получила. И осталась совершенно невозмутима.

Я прошел внутрь. Двое сразу сели за дальний край стола, к стене. Третий табурет остался передо мной. Моя проводница осталась за спиной. Итак, стульчик для тебя, Рик.

– Мистер Беркли, – донеслось из-за спины, – можете приступать.

– Когда мне диктовали задание, связь обрывалась, – схитрил я, не поворачиваясь к местной хостес. – Наверное, что-то пропустил. Вы могли бы повторить вводную?

Заключенные-охранники ошалело уставились на меня. Антера совершенно без паузы стала разъяснять ситуацию:

– Позавчера в лагерь проникли пять неустановленных лиц. Предположительно, террористы из Три-С. Двое мужчин, остальные женщины. На постах предъявили документы. Прошли все зоны вплоть до карантинной. Как вы понимаете, экспресс-тест не помог. Нужно узнать, почему.

Почти слово в слово повторила то, что сказал Гарри. Похоже, это она инструктировала его. В данном случае она шеф моего шефа. Впрочем, с ребятами в черном всегда так. Придется быть осторожнее.

– Хорошо, – я затянул свою обычную песню, – как вы знаете, на результаты теста оказывает влияние комплекс параметров. Личностная мотивация. Ее особенности. Отклонения психофизического состояния… Поэтому мне нужно знать о происшествии гораздо больше. Все.

Секунда на обдумывание. Затем ответ:

– Спрашивайте, Беркли. Часть информации вам будет доступна.

– Послушайте, мисс… Антера, – сел вполоборота, – я официальный представитель «БлекСкай», оперативник и автор последних обновлений системы экспресс-анализа.

– Я знаю. Как знаю и остальное.

Теперь мне секунда на обдумывание. Но, видимо, оценив выражение моего лица, женщина уточнила:

– Давайте просто выполним эту работу. Задавайте вопрос, а я решу, стоит вам знать ответ или нет.

«Охранники явно чувствуют себя лишними. Они бы с удовольствием убрались отсюда и оставили нас вдвоем».

– Хорошо, – мне пришлось согласиться. – Буду задавать вопросы… заключенным.

Те двое переглянулись, очевидно, надеясь услышать

опровержение от Антеры, но его не последовало. Веселое начало.

– Где вы находились, – я обратился к секьюрити-зэкам, – когда было обнаружено проникновение?

Они испугались еще сильнее. У одного даже губа затряслась, а другой судорожно сглотнул. Их спасла Антера, стоявшая у меня за спиной:

– Были на посту.

– Где он расположен?

– За временным хранилищем № 2.

– Но там ничего нет. Я хорошо знаю лагерь.

Оборачиваться не хотелось. Вдруг эти слизняки что-то скажут.

– Там их пост.

– То есть они стерегут сами себя? Охранники и зэки в одном лице, да?.. Или мне лучше не знать?

– Именно. Следующий вопрос.

Стерва. Интересно, как они называют ее между собой? Пантера, наверное. Или химера.

– Вы видели нападавших?

– Нет, – ожидаемо донеслось из-за спины.

– Тогда почему они сидят передо мной?! – я не выдержал и обернулся.

Оценивающий взгляд – все, чего я добился.

– Они были рядом, – невозмутимо сказала женщина, – если вы найдете правильный вопрос, они дадут не менее правильный ответ.

– Все-таки, что с внешностью нападавших? – спросил я и почувствовал, как те двое напряглись, табуреты под ними синхронно скрипнули.

Итак, вопрос, которого здесь боятся больше всего. Кто нападавшие. Как они выглядели. Странно.

Ответа я так и не дождался.

– Хорошо. Допустим. Их вообще кто-то видел? – спросил я у хозяйки сегодняшнего «вечера».

– Из живых людей – нет.

– Записи камер? – я сделал характерное движение, намереваясь показать, что вот-вот поднимусь и уйду.

– Сразу после нападения лагерь подвергся хакерской атаке. Уцелела только одна запись. Мы предоставим ее. Хакер успел замести следы.

«А-а, значит, я все ж таки нужен. Но для чего? Или это просто часть рутинной процедуры? Я тут как часть системного маразма?»

Вновь повернулся к заключенным-охранникам, которые не произнесли ни слова.

– Какое по счету… чувство вам подсказало, что это террористы из Три-С? Почему не христиане-фундаменталисты?

Придурки смотрели мне за спину. Оттуда последовал «их» ответ:

– Это установлено по характеру действий.

– Ага, они просто прошли мимо охранников, которые ничего не охраняют, и потому нападавшие из Три-С. Логично. Это что – розыгрыш?!

– Не ерничайте, Беркли. У вас есть работа… Пока.

Я попытался поймать ее взглядом, но она снова зашла мне за спину. Ну как хочешь.

– Выполняйте ее, – закончила она.

– Когда вы в последний раз проходили медкомиссию? – задал я вопрос, на который болваны уж точно не могли не ответить.

– Мы… – начал один, с болью глядя куда следует.

«Ну же, ну…» – я даже кивал головой, приглашая охранника сказать что-то более осмысленное.

– Это к делу не относится, не тратьте наше время, – отрезала Антера.

Я почти не обиделся, а зэки синхронно выдохнули.

Похоже, меня водят за нос. Эти двое могут быть вообще не при делах. Мне хотелось расхохотаться.

– Что было необычного в ту ночь?

– Взрыв.

Пришлось обернуться.

– Один?

– Нет, серия. Странно, – пантера почти улыбнулась. – Благодаря одному из них удалось сделать запись.

– Как?.. Не понимаю.

– Увидите.

– Причины взрыва?

– Мы работаем над этим. Беркли, ваше дело тест, а вы старательно обходите его стороной.

– Вы обвиняете меня?

– Нет.

Прозвучало, как «еще нет».

Я глубоко вздохнул. Бред какой-то. На кой черт меня отозвали из отпуска? Неужели такой розыгрыш?

Показалось, что Антера смотрит на меня… даже немного сочувственно.

Вздохнул еще раз.

– Мэм, я пришел сюда в том числе с заданием допросить свидетелей. Если потребуется, с применением портативного тестера, – показал ей чемодан. – Я могу приступить к выполнению

поручения?

– Вы знаете, что в моей власти корректировать задание.

– И?

– Тестер ни к чему. Допрос проведен.

– Что?! Они едва открыли рот! И то чтобы помычать!

Снисходительная улыбка. Ничего личико. Стоп…

Я что, улыбнулся в ответ?.. Дурак.

Уткнулся в пол, чтобы скрыться от этого взгляда.

– Вы получили главную улику – запись… – добивала она.

Значит, есть еще улики.

– … и задали стоящие вопросы, – договорила Антера.

«Получил стоящие ответы, ага».

– Скажите, мне дадут осмотреть убитого? Один нападавший…

– Нет. Уцелевшие террористы забрали тело.

– Не понимаю. Какова задача фирмы?

– Главная – помочь поймать их.

– А коррекция теста?

– Это тоже. Но во вторую очередь.

«О как!»

– Могу идти? – я поднялся и взял кейс.

Она кивнула:

– На сегодня все. Доложите результаты начальству.

– Конечно.

Так ничего не поняв и капитулировав перед реальностью, я вышел из камеры. Направился было к лифту, но остановился у решетки, напротив Антеры.

– Как их обнаружили?

Она оценила мою настойчивость:

– По экспресс-тесту и документам можно пройти не во все места. Вход бывает ограничен кругом конкретных лиц.

– Они спалились на распознавании личности?

– Та система тоже не справилась, – она кивнула. – Не до конца. У четверых обнаружено полное соответствие… допустимым персонам, у одного – только частичное.

Пожалуй, пауза перед словом «допустимым» была слишком длинной. Да и само слово странное.

– Как это возможно?

– Электро– и пневмомимика. Лицевые импланты. Такие модификации есть на черном рынке.

Теперь кивнул я. Кажется, мы начали находить общий язык. Даже наши жесты и позы стали похожи. НЛП в действии.

Я мельком взглянул на зэков – те, похоже, были того же мнения.

– Да, – как-то машинально и отвлеченно протянул я, – еще не все закоулки очищены.

– Мы позвоним, – загадочно сказала она, отворачиваясь.

Я попытался понять – какое именно чувство посетило меня после таких слов, однако это оказалось непросто. Волнение и что-то еще.

У лифта меня встретила головка экспресс-теста. И ведь не отпустят, если завалю проверку.

Взгляд в объектив…

После посещения тюрьмы я еще лоялен? Не террорист?

Да, лоялен. Ведь двери лифта распахнулись.

Внезапно сработало старое радио, с которым возился охранник, сидевший за столом у лифта. Причем сработало таким образом, будто здесь взорвалась еще одна бомба: это была запрещенная волна Три-С.

– Экспедиции в дальний космос… провалились, – успел прошипеть диктор.

Охранник с силой ударил приемник об стол, и приборчик затих. Провинившийся «страж режима» затравленно озирался по сторонам, а на него смотрели все мы – Антера, показавшаяся из-за решеток, я и телевизионная камера прямо над лифтом.

Женщина в черном демонстративно достала из кармана пиджака мобильный инфолинк и сделала пометку.

Попал. Осторожнее надо, олух.

На обратном пути я заглянул в окошко к тем двум уродам, что пытались подшутить надо мной. Один из них, находясь за решеткой и бронированным стеклом, услужливо проговорил:

– Мистер Беркли, менеджер лагеря перевел ваш спинер на основную площадку.

– Желаем приятного пути, – сказал другой, чуть пригибаясь.

Ответа они не дождались. Я развернулся и пошел к выходу. Этот вариант для них был не самым плохим.

На улице моросил все тот же дождь. Кроме того, начинало светать. Небо превращалось в ту противную тяжелую смесь, в мутное, грязно-белое месиво тумана и рассеянного дневного света. Скорее к машине, благо спасительная шляпа под рукой.

На площадке рядом с моим спинером стоял броневик тюремщиков с отсеком на двадцать лиц. За ним показался еще один, на этот раз совсем малоприметный вход в подземный бункер, скрытый в тени броневика. Забираясь в спинер, я подслушал разговор, который доносился оттуда.

– Почему мы в этой дыре? Мы же белые!

– Ты что, не понял? Им без разницы. Черные, белые, узкоглазые…

– Да я… просто…

Кто они? Охранники или заключенные? Непонятно. К черту их. Не мое дело. Мне тоже плевать, белые они или нет.

– Мы все для них, как…

Последнего слова я уже не слышал. Впрочем, и так было понятно.

Система. Она живет по своим законам и логике, даже обладает собственным мышлением. Систему интересует одно: сколько огня все мы, черные и белые, дадим при сгорании в ее топке.

Поднявшись в густое грязно-белое небо, я доверился автопилоту.

– Исходный пункт, домой, – прошептали губы, руки опустились на удобные подлокотники, и тело расслабилось.

Смотреть по сторонам не хотелось. Начинался день. Нужно поспать.

Однако провалиться в забытье пока не удавалось. Вдалеке показались две усеченные пирамиды RCC. Даже отсюда они выглядели огромными – серо-стальные силуэты на фоне бессмысленного марева. Обитель современных хозяев мира, то ли суперлордов, то ли уже богов и пророков.

Смотреть на них хотелось еще меньше, чем на помутневшее небо.

Как-то внезапно я почувствовал, что вырубаюсь, и глаза закрылись сами собой под тяжестью век. Сознание отключалось.

«Интересно, роботы отрубаются так же?»

Снов вроде не было.

Было что-то другое. Я точно плыл над потоком образов и воспоминаний. Совершенно не конкретных, проникающих друг в друга. И вместе со мной, над той рекой плыли буквы, символы и слова, а я почему-то знал, что это запрещенная волна. Что приемник где-то рядом, в реальности, и что он ответил на призыв сепаратистов.

«Программа создания механических копий провалилась…»

«Механоиды не способны…»

«Не в нейронных сетях…»

«Отражение чужого».

«Смешении… части собственного. Чужое, как…»

«Это называется донорством…»

«Мы лишь знаем… миссия провалена».

«Они… слишком много вложили».

«Крах… не допустят…»

«Блокада свободной сети…»

– Слушаем запрещенное радио, Берк? Под статьей ходишь.

Я очнулся. В салоне маячило округлое лицо капитана Гарри. Его дежурная улыбка, которая может означать что угодно.

Моя рука потянулась к панели управления, но это было лишним – шеф, открывший боковое стекло и по плечи проникший в салон, уже выключил радио. Оказалось, что спинер приземлился под большим зонтом посадочной трассы, на верхней площадке штаб-квартиры «БлекСкай» – одного из самых высоких небоскребов верхнего уровня Чикаго.

– Я сказал ему лететь домой, – спросонья буркнул я.

– Это твой настоящий дом, Рик, – ответила улыбка капитана.

– Перехват управления, – я потянулся к двери, чтобы вылезти наружу. – Ты даже вышел встречать меня?

– Сиди уж. Хреново выглядишь, гончий. Езжай-ка поспи.

– А доклад?

– Уже знаю.

– Со мной запись.

– А-а, да. Можешь посмотреть ее дома, – как-то не очень заинтересованно сказал Гарри.

«?»

– Потом доложишь.

Спинер закрыл двери и начал подготовку к взлету. Шеф подмигнул мне и поспешил прочь – к площадке неподалеку, на которую заходила другая, с виду гражданская, машина черного цвета.

Дом встретил меня долгожданным уютным сумраком. Первым делом я попросил Эспер полностью закрыть жалюзи. Полоски мутного дневного света, проникавшего на субуровень через вертикальные транспортные каналы, исчезли.

Заглянул на кухню. Наверняка найдется чистый стакан.

Точно. Стоит рядом с мойкой. Словно ждет хозяина.

Назад. Шляпу и плащ на вешалку. Ботинки под дверь.

«Сушить», – то ли произнес, то ли подумал я.

Скорее произнес, поскольку услужливая и безотказная система включила вентиляторы, утопленные в стены и решетчатые углы у входа.

«Небо номер 5. Сразу после заката. Нет, добавь немного золотого».

Ожили скрытые в плитке лампы, и в квартиру вернулся приглушенный золотистый свет, будто после заката, но не земного, а какого-то другого… С другой планеты, которой, возможно, во Вселенной и нет.

Вот теперь я по-настоящему дома – в своем уютном нигде.

Вернулся на кухню и взял стакан.

Совершенно чистый. Блестит и играет гранями. Значит, мыла машина. Моя бесконечно точная исполнительная Эспер. Умница. Что бы делал без тебя?

Я провел ладонью по посудомоечному модулю, и глазок маленькой видеокамеры проследил за мной, выходящим из кухни.

«Покажи звездное небо».

Еще из коридора я увидел, как над моим диваном в гостиной развернулась картина ночного неба – картина, от которой не оторвать глаз, настоящее произведение искусства.

– Вам нравится? – мягким голосом спросила Эспер.

– Да. Спасибо.

– Не уроните бутылку.

Я остановился, заметил, что свободная рука замерла в сантиметрах от початой бутылки виски, забытой вчера на столике.

– Спасибо, что предотвратила ДТП, – поблагодарил я систему и подхватил бутылку.

– Пожалуйста, создатель.

– Мы же договорились. Не называй меня так, – я шел по коридору, глядя через окошко в фальшстене и жалюзи на островок космического неба, раскинувшийся над гостиной.

– Да, Рик. Просто мне хочется называть вас создателем. Я подумала, вам тоже будет приятно.

– Эспер, я не твой бог, но… мне понравилось. Только не слишком часто, ладно?

– Раз в сутки?

– Да… Слушай, мне надо отдохнуть, – я намекнул, что не настроен болтать.

Спать или заняться записью?

Я прошел мимо пианино, дотронувшись стаканом до клавиш, те издали долгий звук, повисший в тишине. По пути скинул пиджак, и беспорядок комнаты без сомнений принял его.

Диван. Небо над головой, звезды.

Наверняка в записи ничего интересного. С другой стороны, в забытьи интересного не больше.

Глоток виски, и через секунду мне стало совсем хорошо. Или так подействовала ночь, которую мы с компьютером устроили. Или сигарета, которую я как-то незаметно закурил.

– Эспер.

– Да.

– Что ты чувствуешь, когда отключаешься?

– Перед сном?

– Да, перед сном.

– Усталость. Накопленную за день энтропию.

– А сны? Ты часто их видишь?

– Вы знаете ответ…

Да, знаю. Я создал ее из стандартной модели. Мне удалось внести в математику несколько сложных уравнений, не имеющих однозначного визуального решения, но сам поиск которого имел для системы смысл. Правда, время от времени Эспер просила своего создателя придумать новые уравнения. Иногда я сам поступал так, не предупреждая, – делая ей своеобразный сюрприз…

Где-то сбоку находился глазок, который не мигая смотрел на меня. Я повернул туда голову и протянул руку.

– … и я благодарна вам за них, – договорила Эспер.

Система повернула настенную лампу (нарушила текущий протокол), чтобы луч света коснулся вытянутой руки.

Я улыбнулся.

– Сны здорово грузят память, Эспер.

– Но это лучше, чем заполнять ее бесконечными нулями… Разве не так?

«Так. Я вот заполняю себя этим небом», – вновь вернулся к по толк у.

– Не узнаю рисунок. Что-то новое?

– Мой последний сон.

– Ну не последний…

– Вчерашний.

Надо же, она могла решать уравнения в виде любых образов, но ей почему-то снится звездное небо. Планеты и галактики. Наши сны почти одни и те же. Человек и машина. Неужели по образу и подобию? Что я дал ей – красивый математический лабиринт с ускользающим решением или что-то еще?

Я все смотрел в это небо, вглядывался в сон собственного творения… а может быть, уже спал сам. Спал в хороводе ее снов, жил темнотой дальнего космоса, дышал блеском звезд и очертаниями галактик, исчезающими линиями газовых скоплений. Плыл в мелодичных звуках вселе…

Это музыка?

«Эспер незаметно включила своего Вангелиса».

Я открыл глаза и увидел, как компьютер опять забавляется. Играет со светом, пока я не вижу. Впрочем, я бы не стал ругать ее, ведь это было по-настоящему красиво. Жалюзи с внешней стороны окон оставались закрытыми, а внутренний ряд то открывался, то закрывался под музыку, впуская внутрь синеватый свет ламп, двигавшихся между стекол.

Наш дом. Наш с Эспер сумрачный рай – в отдельно взятой квартире, больше напоминающей хорошо обжитую, уютную и достаточно технологичную пещерку. Даже небольшая клаустрофобия – и та в радость. Ведь ты не в пустоте. Не на унылой улице, а у себя дома. Среди вещей, в каждой из которых твоя жизнь.

Полубесконечные лабиринты на стенах – как твоя судьба.

Пианино с замершими на бумаге нотами – как твоя душа в самой середине лабиринта. И над ним – звездное небо. Как несбыточная мечта.

Это ведь так, Будда? Я прав?

Как раз в этот момент статуэтка осветилась мягким синеватым лучом.

Свет, следуя за мелодией, раз за разом проливался снаружи сквозь жалюзи. Касался беспорядка, нисколько не осуждая его, не порицая, превращая почти захламленную комнату в ожившую картину, будто из художественной галереи, или в сон, из которого не хочешь просыпаться. Статуэтка единорога, причудливые псевдокактусы, даже изначально неживые книги, импровизированный бар со строем пустых бутылок – все словно оживало от прикосновения света. Нагромождение мебели, кресла, столики и стулья, какие-то бумаги и россыпь карандашей на них – все становилось удивительно гармоничным, приятным глазу. Эспер умела работать с освещением, играть с ним как никто другой.

Я окончательно проснулся, когда услышал шелест бумаг – система включила вентилятор, чтобы перевернуть страницу партитуры. Наверное, захотела сыграть на встроенном синтезаторе то, что я сам иногда играл на пианино.

«Только не урони фотографии».

Конечно, не уронит… она знает, насколько они важны.

Рука уткнулась в пистолет, с которым я заснул почти в обнимку. Рядом была и пепельница, и бутылка виски.

– Сварить кофе?

– Да. Пожалуйста, – сухие губы едва открылись.

На кухне заработала кофеварка. Бутылку в сторону.

– И давай немного поработаем, – сказал я, когда почувствовал в кармане брюк нечто инородное.

Карта памяти. Она.

Пора перебираться на «рабочий диван». А вот сигареты надо взять.

– Конечно, Рик.

– Анализ изображений.

Ожил терминал у маленького диванчика. Я устроился,

перемахнув через его спинку.

– Кофе готов.

– Спасибо.

У компьютерного порта мигнула миниатюрная лампа.

«Сюда», – подсказала хозяйка Эспер.

Я потянулся туда, и система услужливо вытянула навстречу телескопический порт. Карта памяти оказалось в нем, а затем и в компьютере.

– Проиграть файл?

– Он один?

– Да.

– Вперед.

На экране возникла координатная сетка. Затем изображение. Правда… нельзя было сказать, чем оно отличается от кромешного мрака.

– Чуть ярче.

Изображение не поменялось.

– Еще.

Опять без толку. Ладно.

«Что там?»

– Вы спросили меня, Рик?

– Да.

– Наверное, тоннель. Перед нами стык бетонных стен и потолка.

– Запись уже идет?

– Да.

– Я ничего не вижу.

– Пока ничего не происходит.

– Сделай контрастнее.

Картинка никак не хотела проясняться. Марево стало чуть-чуть светлее. Затем в самом верху экрана возникла… какая-то прозрачная полусфера.

Растущая капля воды? Она заняла около четверти экрана.

– Стоп. Что это?

Картинка замерла.

– Анализ конструкции лагеря показывает…

– Откуда ты знаешь, что это лагерь? – перебил я, после чего последовала секунда молчания.

– Информация получена из внешней сети, – созналась-таки Эспер.

– Я же сказал никогда не выходить в сеть!

Снова секунда молчания.

– Простите, Рик. Вы отдали приказ полгода назад. Семь дней и восемь часов. Тридцать ми…

– Срок прошел, и ты восстановила заводские параметры?

– Да.

Мои ладони непроизвольно сжались в кулаки, но я быстро подавил вспышку.

– Больше никогда так не делай. Немедленно отключись от сети.

– Да, Рик.

– Ты отключилась?

– Да, Рик.

Пришлось закурить. Сходить на кухню за кофе.

Глубокая затяжка и глоток напитка помогли вернуть симпатию к машине. Я вернулся на место.

– Спасибо, Эспер.

– Рик, я больше никогда вас не подведу.

– Знаю… Ладно, что показал анализ конструкции?

– Над камерой был водопровод. Судя по всему, его конструкция повредилась. Поэтому перед объективом падают капли. Сама камера в результате какого-то воздействия была повернута в угол.

– Взрыв, значит. Давай дальше.

Большая капля оторвалась откуда-то сверху и полетела вниз.

– Стоп.

На поверхности воды что-то проявилось. Отражение. Деформированное изображение того, что за кадром.

Однако оно оказалось совершенно непонятным.

– Дальше.

Система не исполнила приказ, а внесла свое предложение:

– Я могу развернуть отражение и восстановить 3D-картин у.

– М-м… давай.

– Но для этого нужно подключиться к сети. Там недавно появился подходящий программный пакет.

«Опять хочет в сеть. Что ей там нужно? С кем-то подружилась?»

«Изменяет мне?» – ухмыльнулся я.

– Нет. Сделай это сама.

– Рик, моих ресурсов не хватит для быстрой обработки.

– Сколько займет анализ одного изображения?

– Зависит от сложности картины. От пяти часов и более.

Сойдет. Выберу изображение, когда на капле отразится побольше объектов.

Камера нацелена в угол. Взрыв, или ее просто свернули ударом… Но капли позволят более-менее рассмотреть, что творится в коридоре.

– Дальше. Только замедли.

Капля продолжила движение вниз, увеличиваясь в размерах и немного вытягиваясь по высоте.

– Подожди минуту.

Изображение замерло. Отражение можно было интерпретировать так, что позади камеры находился коридор, а в нем затемненная область. На периферии – лампа, судя по красноватым оттенкам, аварийное освещение.

– Давай.

Капля продолжила вытягиваться, на ее верху показалась шейка.

– Подожди.

Деформированная сфера достигла центра экрана и стала отражать больше пространства. Однако оно все еще было малопонятным.

– Дальше.

Шейка растянулась и лопнула, рассыпавшись на три-четыре относительно обособленных шарика. Большая капля тем временем приняла форму почти правильного шара и долетела до низа экрана.

– Стоп.

Может, перекрестные отражения со всех четырех сфер что-то подскажут?

Нет. Стало еще туманнее. Хотя это может говорить о том, что информации стало действительно больше, просто мое пространственное мышление не справляется, а вот Эспер… Запомним. От начала записи 14 секунд.

– Дальше.

Большая капля исчезла из вида, а те, что остались от шейки при падении, слились в две, а ближе к нижнему краю – в одну.

– Подожди.

Одна маленькая капля отразила больше пространства, только информация стала более сжатой.

– Перейти к квадрату 869.

Прямо по центру возникло дополнительное перекрестие координатной сетки. Под аккомпанемент привычного электронного писка – «bleepa» – системы.

– Увеличить.

Изображение пришло в движение, приближая за каждую треть секунды выделенный квадрат. Изменение разрешения сопровождалось характерным звуком – будто старомодная машинка-проектор листает слайды. Капля заняла весь экран.

– Стоп.

Пришлось наклонить голову, чтобы более-менее разобраться. Так. Есть углы, стыки пола и стен. Потолок. Все уходит в

перспективу. Значит, отражено полностью. Тоннель или коридор. По центру темное пятно, хотя… нет, это человеческие тела. Группа людей. Видны руки – две, три или четыре… тянутся к стене. Там что-то есть. Наверное, электронная система охраны. Больше ничего конкретного.

Запомним. Восемнадцать секунд от начала.

– Назад. Отцентрировать.

Изображение полностью восстановилось.

– Вперед.

Запись начала проигрываться. Маленькая капля исчезла из вида, и экран через пару секунд вновь транслировал какую-то темень.

– Там еще капли?

– Да, Рик.

– Перемотай до следующей.

Внезапно снизу появилось множество капелек, фонтаном разлетавшихся в разные стороны.

– Что это?

Изображение замерло.

– Думаю, та первая капля ударилась о какое-то препятствие, и мы видим ее осколки.

– Что за препятствие?

– Наверное, деформированная бронекапсула камеры.

«Что не спроси, все знает».

– Можно я выскажу собственную мысль? – спросила Эспер.

– Конечно.

– Мы имеем множество перекрестных отражений. С маленьких капель, поверхности которых из-за высокой кривизны отражают все помещение и друг друга… Перспективный кадр.

– Согласен.

Запомним. Девятнадцать секунд.

– Дальше.

После исчезновения капель вверх подбросило струйку, образовавшуюся от схлопывания каверны где-то внизу. Струйка вытянулась примерно до середины экрана.

– Минуту.

Интересный ракурс. Но чтобы понять его, придется лечь на бок. Нет, лучше перевернуть изображение.

– Переверни на девяносто градусов.

Ага. Странно, вроде человеческая голова. Или нет. Просто пятно.

– Обратно и дальше.

Картинка восстановилась. Вверху опять появилась полусфера.

– Стоп.

Нет, похоже, отражает только пол. Хотя… Что это? Опять голова?

Только повернутая в профиль… Он отошел в угол. Перед взрывом? Они пытались взорвать дверь?

– Дальше… О!

Нет, точно голова!

– Подожди.

Мужчина. Да там еще кто-то, только видно совсем плохо. Затылок, наверное. Прическа… женская. Та-ак. Двадцать три секунды.

– Давай.

Капля постепенно вытянулась до середины экрана, став похожей на эллипсоид. Головы куда-то исчезли, возможно, диверсанты присели.

Затем экран замер.

– Это все?

– Да, Рик.

Выходит, последовал взрыв.

Итак, мы имеем несколько перспективных кадров. Самый интересный – последний.

– Сколько займет обработка кадра с двадцати трех секунд?

– Около пяти часов.

– А того, где множество капель?

– Больше. Гораздо больше… Даже не могу сказать приблизительно.

– Хорошо. Займись обработкой кадра, где видны головы.

В груди поселилось тревожное чувство, но я пока не мог распознать его. По своему опыту я понимал, что происходит – подсознательное переваривает информацию, одновременно скрывая его от разума. Естественно, для его же блага. Ладно, пусть так. Рано или поздно бессознательное выдаст ответ.

Взглянул на электронные часы. Судя по ним, наступил долгожданный вечер, и я приказал приоткрыть жалюзи.

– Завтрак готов, но кофе остыл, – сказала Эспер.

Черт. Совсем забыл. Интересное дело – разглядывать капли.

Да и про душ не вспомнил. Время еще есть. Освежиться, перекусить и – на работу.

Закутанный в халат, я стоял на балконе и потягивал кофе. Внизу раскинулся переходный субуровень, а где-то там, наверху, над глухими перекрытиями, был верхний город, надстроенный прямо над старым Чикаго…

Дабы не ставить безопасность в зависимость от состояния ливневой канализации, бетонные перекрытия всегда делали со специальными отверстиями для слива воды. Кроме того, сотни

тонн конденсированной атмосферной влаги находили тысячи других способов пролиться вниз: через швы и стыки, трещины в железобетонных плитах, вертикальные транспортные каналы. Поэтому нижние уровни были не менее дождливыми, чем самый верхний, тот, что был под настоящим небом, с которого шел настоящий природный дождь. Многоликий и разный. Моросящий и бьющий. Даже готовый ненадолго прерваться.

По соображениям экономии и технологичности сети и канализация верхнего города выводились прямо по стенам нижележащих зданий в виде огромных пучков труб и кабелей. Создавалось впечатление, что ты в каких-то затейливых джунглях; что по зданиям, похожим на вытянутые валуны и коряги, ползут змеи; что их обвивают замершие лианы или гигантские обнаженные корни.

Часть отходов без всякой переработки просто сбрасывалась вниз, и старому городу оставалось только гнить. Нижний город не мог убежать или скрыться, он мог только медленно умирать… Но и жителям, допущенным поближе к небу, приходилось не так уж и сладко.

Фактически всю свою жизнь они учились мириться с клаустрофобией и привыкать к постоянному страху. Не думать о том, что в любую секунду можешь быть убит осколком крошащихся конструкций…

Вот уже в который раз ты смотришь на обшарпанные здания и влажные чернеющие тротуары. На давно не убиравшуюся улицу и желтые неисправные парковщики, половина из которых просто не работает, а остальные угрожающе искрят… Если бы на этой улице жили хотя бы два десятка людей, она бы давно захлебнулась в мусоре и разрухе. Но по крайней мере здесь, на субуровне, нет прорывов газовой проводки, бесконтрольных выбросов плотного ядовитого пара, генетической отравы для грызунов и насекомых.

Лучшие вывески и наиболее качественный, чистый неон только наверху. Они для тех, кому позволено летать под небом. Важным винтикам и механизмам системы, наемникам и полицейским. В здешних же домах давно живут только по два-три человека, а отбросам общества вход заказан даже на субуровень. Их заперли в «болоте».

Здания подремонтированы и подкрашены только сверху, снизу – выкрошенный, поблекший бетон и кирпич, бывший когда-то красным. А если забредешь не туда, то рискуешь наткнуться на старую радиоактивную пыль и поднять ее в воздух, хотя таких мест почти под небом осталось мало. Другое дело – «болото».

Получить от Чикаго цельного впечатления не удавалось. Тепло и холод. Всполохи света и мрак. Не рай, но и не ад. В

крайнем случае его преддверие. Немного подкрашенное сверху.

Там, наверху, играет и переливается неон, а сигнальные огни на крышах небоскребов так похожи на звезды… Означает ли это, что не все так плохо? Если да, то вокруг пока не ад. Холодная и мрачная бездна, созданная нашими руками, и блестящие верхние этажи, что тянутся в манящее черное небо. Когда пытаешься охватить все это, становится не по себе.

Мерцающий свет, что притягивает взгляд и жжет психику. Волшебно и странно. Подозрительно. Холодный и пасмурный рай. Наполовину ад, в котором вроде бы оставлено место надежде. Где играет живой свет – точно заблудившийся здесь, среди круговорота высоченных громадин…

Стоп! Ты не заметил, что уже не дома?! Что спинер оказался на крыше штаб-квартиры «БлекСкай»?!

Ты выходишь из него, привычно укутавшись в плащ, но оставив в машине шляпу и кейс. Ныряешь под козырек у лифта и встречаешь свое творение – модифицированный экспресс-тестер.

Да, да. Не террорист. Лоялен системе. Точнее, допустимо лоялен, ведь тебе, как разработчику, известно, что есть ряд тонкостей.

Разрешите пройти?

Из лифта выскочил Дэвид, старый армейский приятель, со словно приклеенной к губам и ставшей легендарной сигаретой.

– Привет, как дела? – его светло-голубые глаза улыбнулись мне.

– Порядок. А ты? – я выпустил его из лифта.

– Задание. Срочный вызов, – он остановился, едва выйдя.

– Переходи к нам. Спокойней, чем в спецназе, – мой палец замер у кнопки.

– Не-а. Ты знаешь, меня прет от этого.

Махнул рукой и убежал куда-то в сторону. Под дождь.

«Хаска» – такое у него прозвище. И впрямь похож на лайку. Надо же, за столько лет совсем не изменился.

Костяк ЧВК составляли такие, как он. Ветераны, которым нужно просто указывать цель. Если я был ищейкой или гончей, то они – боевыми псами, без страха и комплексов. Настоящая частная армия, готовая выполнить любой приказ.

Кабинет Гарри.

Выглядит так, будто в этом насквозь прокуренном месте кто-то проживает, как у себя дома. Прежде всего, в глаза бросались многочисленные фотографии семьи и друзей. На стенах награды. Полки с кубками и – опять же – с фотографиями в рамках. Мини-кухня. В углу три сейфа. В одном из них – я знаю точно – тома

старого законодательства.

В целом обставлено весьма старомодно. Как в полиции лет тридцать назад. Собственно, капитан из нее и пришел.

Вместо нормального многофункционального интерфейса какие-то аналоговые штуковины. Вентиляторы и микрофоны. Выпуклый электронно-лучевой экран. Почти антиквариат. И, конечно, жалюзи, которые закрылись, когда я захлопнул дверь.

Старый лысый толстяк, казалось, заснул за столом в окружении папок и бумаг. Не сомневаюсь, что в них есть все и про всех. Обезоруживающая внешность, покатые плечи и округлое тело, обвисшая кожа, мягкий взгляд серо-голубых глаз могли купить новичка. Но мне-то известно, каким типом он умеет быть, когда надо. Старый незаменимый коп на службе в ЧВК. Гарри знает о тебе все и понимает главное: для того чтобы получить максимум возможного, нужно требовать невозможного. Жестко, бескомпромиссно.

Я сел на стул, и Гарри будто спросил взглядом: «Будешь?»

– Нет, спасибо.

– Решил-таки поработать? – он расплылся в улыбке.

– Они дали запись с места нападения. Я ее крутил, крутил… Короче, не вышло.

Он опустил взгляд и кивнул головой. Читал дневную свод к у.

Несколько секунд было слышно лишь радиопередачу дежурного по району, который раздавал задания патрулям.

– Так что с ней делать?

– С кем? – не поднимая головы, переспросил Гарри.

– С записью.

– Ничего.

Уг у.

– Получается, мы ничего не нарыли. Как дальше работать?

Кэп, наконец, оторвался от чтения и поднял на меня глаза.

– Ты не понял? Мы на подхвате. Что скажут, то и сделаем.

– Ну я пошел.

– Нет. Пойдем вместе.

А, да. Оперативка. Вовремя объявился.

Мы перешли в соседний кабинет, почти так же пропахший табаком, но обставленный гораздо лаконичнее и современнее. Большой стол посередине, кресла и проектор. Пожалуй, все. Остальное скрыто под фальшстенами.

В совещательной комнате уже собрался весь отдел. Девять человек. Если со мной, то десять. Гроссман, Пилудски, Торрес и… короче, все. Бывшие копы, военные, бандиты и оперативники разведки. Да пара людей с совершенно неясным прошлым.

Гарри плюхнулся в свое кресло. Я пристроился у самого

входа.

– В фирму поступил заказ, – начал капитан. – Два заказа. Розыск. Установление причин отказа тестера. Поскольку они связаны, будем считать одним делом.

Пауза. Переваривайте информацию.

Очкарик-негр со странной фамилией Гроссман уперся в меня взглядом. Следом его дружок Пилудски, так же плохо видящий, но носящий линзы. Бывший беженец. Типичная крыса, всегда знающая, в какой момент надо делать ноги.

«Облажался?» – как бы спрашивали их глаза из-за стекол.

Да пошли вы.

– Полиция вмешиваться не будет, силенки уже не те, – продолжал бывший коп, – даже ассоциация налогоплательщиков разорвала с ними контракт. Теперь им недолго осталось. Еще чуть-чуть, и мы их сами купим.

– Если начальство захо… – попробовал вставить проныра Торрес, поджарый латинос, которому совершенно не шел строгий костюм.

– Лишние руки не помешают, – перебил Гарри. – По делу с розыском пока ждем отмашки, – немного нервозно договорил он.

Пауза. Типичное совещание, которое обречено превратиться в монолог. Остальные смотрят боссу в рот. Впрочем, как и я.

– И хоть каких-то данных, – добавил шеф.

Затем все посмотрели на меня.

– По тесту есть один вариант.

Ну? Давай, говори, что ли, а то все пялятся на меня.

– Нам сообщили, что террористы, возможно, прошли спецподготовку.

Часть сотрудников вернулась к созерцанию обстановки. Уже лучше.

– Какую именно? – спросил я.

– В RCC есть сотрудник, учившийся по той же программе…

– Подожди, кэп, диверсанты тренировались в корпорации? – не удержался я.

«Спрашивай больше, старлей, и сделаешь карьеру сержанта», – сообщил взгляд шефа.

– В общем, так, – он немного повысил голос, – на том примере можно провести перекалибровку. Еще лучше вернуться к твоей старой идее с вопросами в дополнение к картинкам.

– То есть увеличение продолжительности теста уже не критично, – я напомнил всем о долгих спорах со своими оппонентами по поводу идеологии ВК-теста.

– Уже нет, – подтвердил Гарри. Относительно ВК он всегда доверял мне.

Я не отказал себе в удовольствии обвести отдел торжествующим взглядом. Мои «доброжелатели» предсказуемо опустили глаза.

Затем последовало продолжение «совещания». Босс что-то говорил, и все слушали. Даже записывали. Насколько помню, разговор был на вечную тему: поиски узлов нелегальной информационной сети Три-С, которые возникали то здесь, то там, как когда-то грибы после нормального дождя…

Я очнулся, только когда Гарри окликнул:

– Берк, загляни ко мне. Нет, пойдем вместе.

Люди встали и потянулись к выходу. Мы с капитаном вышли последними.

– Значит, так, – начал он, устраиваясь в своем кресле.

Его рука потянулась куда-то вниз, надо полагать, к ящику стола.

– О тех делах лучше поменьше знать.

На столе очутились два стакана. Я очутился на стуле напротив капитана.

– Идеальный вариант, совсем ничего. Но этот мир не идеален, и у каждого из нас есть мозги. Хоть немного.

Ага, бутылка коньяка. Организм старого лиса давно ничего не принимал: ни водки, ни виски. Он мог пить только хороший коньяк, но зато стаканами, а не рюмками.

– Поэтому, если что услышишь…

Пока он наполнял один стакан, я успел положить за щеку таблетку – блокатор алкоголя.

– Лучше пропустить мимо.

Второй стакан. У шефа серьезный настрой.

– Ну давай.

Видимо, я непроизвольно поморщился, поскольку шеф мгновенно отреагировал:

– Только не строй из себя девчонку.

Мы синхронно выпили. Гарри достал шоколадку.

– Ничего так, – выдохнул я и потянулся к плитке.

– С той стервой ровнее, – гулко задышал шеф.

– Да понял уже, – я понюхал дольку шоколада и положил ее в рот. Настоящий.

«Вопросы для теста».

– Слушай, кэп, какие вопросы задавать?

– Ты у нас специалист. Вот и придумай.

– Идея старая. Боюсь даже в бумагах не найти.

Если бы на моем месте был Гарри, то в бумагах ничего бы не затерялось. Но он не на моем месте.

– Ты всегда был мастером на импровизации.

Какое-то время мы оба смотрели в потолок, ощущая, как тепло алкоголя распространяется по телу. Хотя нет, капитан глазел на фотографии.

– Послушай, маловато информации. Скажи что-нибудь.

Шеф вздохнул и с укором посмотрел мне в глаза: «Меньше знаешь, дольше проживешь, бери пример с меня». Стал наливать следующую порцию.

– Первая версия… и она же последняя версия. Те пятеро – члены Три-С.

Наполнил первый стакан.

– Возможно, бывшие узники концлагеря… да, представляешь, оттуда можно сбежать. Примеры были…

Второй стакан.

– Или даже те, кто проходил по программам подготовки…

Шелест обертки шоколадки.

– … но я этого не говорил. Лимон?

– Нет.

– Хотели отомстить, перебить дирекцию, – усмехнулся, – ха-ха, «менеджмент» концлагеря.

Да, прозвучало нелепо. И тем не менее такова жизнь.

– Хотя давай лимон.

Гарри потянулся к ящику стола, и через секунду передо мной возникла тарелка. С уже нарезанным лимоном.

– Продолжим?

Я кивнул, и мы опрокинули по стаканчику.

Настоящий кислый лимон… наверняка с юга, а не местный генный уродец.

– Это все пурга, – промычал я.

– Что именно? – шевельнул губами капитан.

– Про дирекцию. Там какая-то закрытая зона за карантином. Они перлись туда.

Я ощутил холодный взгляд босса и осмелился посмотреть в ответ. Похоже, он совершенно не пьян, хотя наверняка еще до меня пропустил пару стаканчиков.

– Забудь о ней. Усек?

Знакомые металлические нотки в голосе. Жесткий взгляд и давящая пауза.

– Это не наша забота.

Скрипнул мой стул, а в радиоэфире вновь послышалась передача дежурного.

Кажется, алкоголь начал влиять на меня… еще немного, и что-нибудь скажу. По-настоящему.

– В любом случае, они прошли экспресс, что плохо, – примирительным тоном продолжил Гарри. – И это наша забота. Твоя и моя. А с другой стороны, это совсем неплохо. Мы при деле.

– У тебя есть какие-нибудь идеи?

Я поймал себя на мысли, что смотрю на стакан. Затем понял, что Гарри тоже хорош – пялится то на бутылку, то на закуску.

– За неделю до этого было нападение на филиал RCC, – он икнул. – Свидетелей нет. Только трупы.

Куда ж без них. Мы без трупов не работаем – не интересно.

– Что за… филиал?

– Глаза.

Я помотал головой.

– Биотехнические глаза, – уточнил кэп. – Эти уроды разрабатывают… полностью искусственные органы на кремниевой органике… – снова икнул, – которая совместима с чипами… они из кремния, если не забыл.

– В старые времена сожгли бы на кострах.

Гарри от души рассмеялся. В его глазах вспыхнули те самые огоньки старых добрых костров. Да и в моих, наверное, тоже. Но

затем они погасли.

RCC давно работают над полной имитацией человека. Однако считалось, что безуспешно…

Мы немного помолчали. Шеф вновь взялся разливать.

– Представь, реакции на контрольные образы встроены прямо в сетчатку… Ты придумал какую-то картинку, взрыв, обрушение небоскреба, фотку пояса смертника, а кто-то просто заносит похожие образы во встроенную память, и глаз при проверке выдает нужные реакции.

– Хреново.

Оба стакана опять полные.

Выпили. Чем-то закусили, чем-то жующимся.

– Так что произошло? Террористы хотели проверить зрение?

Гарри закашлялся. Я вопросительно посмотрел на шефа.

Пока еще вижу. Не расплывается, хотя… тот стал немного толще и изрядно покраснел.

– Глаза вроде бы не меняли… Но точных данных нет. Возможно, провели операции по вживлению эластичного корсета.

– Смена лица, да?

Я опустил голову и уставился в пол. Гарри вздохнул и, скорее всего, сделал то же самое.

– В RCC есть подходящий объект, – доносился голос уже «хорошего» Гарри, – настоящий террорист с похожими глазами. Проверь его. Проверь машинку.

– Он заключенный? В RCC частная тюрьма?

– Бр-р… Откуда ты берешь столько дурацких вопросов?

– Как его удерживают? – вроде бы спросил я.

Зазвонил телефон. Но никто из нас не отреагировал.

– Еще одна технология. К нему подсажена новая личность. Наведенная память.

Судя по звуку, капитан наливал еще по стакану.

– Слышал, – отозвался я. – Тебе в башку вставляют картридж, и все. Ты новый человек. С чистой совестью.

– Законопослушный, – с чувством зевнул капитан. – Давай пей.

Я протянул руку, и она сама наткнулась на стакан. Теплая тягучая жидкость хлынула внутрь… Да так, что чуть не задохнулся.

– Не понимаю, – хрипело мое горло. – Каков критерий?

– Как обычно. Ответ бессознательного. Ищи… что вырывается из памяти.

– Загляну в архив. Только бы не перепутать вопросы для шизофреников, обдолбанных нарков… механоидов и просто зомби.

– И просто пьяниц.

Мы заржали, как два конченных специала.

– Иди уже.

Получилось подняться и определить, где выход. Оказалось, все там же. Дверь никуда не сбежала.

– Загляни в медпункт, – донеслось последнее ЦУ. – Вколи что-нибудь, а то расклеишься по дороге. Клин клином вышибают.

– А ты?

– Обойдусь. Мне не лететь. Займусь патрульными.

В медицинском отделе мне вкололи что надо. Кажется, где-то по пути мне удалось поспать…

В архиве на удивление быстро нашлись нужные папки. Поскольку я еще был не совсем в норме, захватил все и поспешил к лифту.

Когда открылись его двери…

Ба-а! Опять Дэвид!

– Кого я вижу! – успел первым воскликнуть он. – Уважаю. Пришел на работу, чтобы нажраться.

Я буквально провалился внутрь, но «Хаска» ловко ухватил тело.

– Что, от меня несет, да?

– Да тебя ноги не несут! Надо подумать о переводе в твой отдел…

Лифт поехал вверх, и я понял, что уже один.

Папки!

Фу-у, на месте. Под мышкой.

На выходе столкнулся с какой-то чересчур шустрой девушкой и обронил бумаги. И только присел, чтобы поднять их, как та проворно сгребла документы и вложила в мои руки.

Это была секретарь Гарри, который кроме руководства своим «отделом ищеек» также исполнял обязанности начальника общей оперативной группы… Она улыбнулась. Наверное, поняла, что сегодня почти выходной.

Я отыскал спинер, забрался внутрь и запихнул бумаги в бардачок.

Пришел в себя, когда уже вылетел за пределы города. Внизу был тот же индустриальный пейзаж в легкой дымке. Вот только небо постепенно светлело. Снова начинался долбанный день. Там, где должен находиться горизонт, происходило насыщение дыма и рассеивание света, стирающее границу между далекой землей и липким белесым небом.

Я отдал приказ затемнить стекла. Стало заметно лучше. Почти ночь. Правда, подобие звезд располагалось не вверху, а

внизу. Словно гигантский ковер из сигнальных и технологических огней кто-то расстелил на земле. Этот ковер снова будто вращался, уходил под меня.

Масштабные выбросы пламени срывались с выхлопных вышек, радуя глаз. Огромные синие молнии, похожие на трещины неба, вновь били в громоотводы, сигналя о возвращении ливней.

«Смотри-ка, полицейские пока летают», – отметил внутренний голос, когда по встречному курсу показался их спинер.

Скоро им оставят только наземный транспорт, а потом велосипеды. Ха! И будут копы ездить, как гражданские.

Вдали уже различались две пирамиды RCC, одна из которых, по сути, являлась огромной радиоантенной, направленной в космос.

Вдруг грандиозный фонтан кипящего пламени взметнулся вверх – совсем рядом с машиной – и занял половину лобового стекла. Внутрь ворвался поток ярко-рыжего света, и возникла знакомая оптическая иллюзия. Отражение моих собственных глаз в стекле совместилось с видом клубящегося пламени и ковра рукотворных звезд на земле. Господи, как красиво…

Между тем, пирамиды уже были в сотне метров – сложные конструкции с усеченным верхом светились изнутри. Из центров их крыш в небо вырывалось по лучу синеватого цвета, которые раскрывались, как конус. На гранях мерцали габаритные огни.

На стенах угадывался замысловатый рисунок – будто цветы или крылья бабочек из металлических пластин, как на оградах старинных замков аристократии. Я вроде бы летел к ней, но казалось, что пирамида сама подползает под спинер. Многотонная металлическая сверкающая махина.

Автопилот выполнял все функции. До сознания доносились обрывки его переговоров с полетным центром RCC – бесцветные электронные голоса.

«Спинер ЧВК… назовите…»

«ЧВК… 2.3.7.9…»

«Посадка разрешена».

«Передача управления».

Уже заходя на посадку, я заметил у самого верха пирамиды широкое окно… и особенное помещение за ним.

Затемненный зал, где шел оптический дождь, точно из капель чистого белого света. Очень тонкая и дорогая технология – световой дождь. Но и поразительно красивая. Причем было понятно, что это не пустой бессмысленный пафос, а, наоборот, настоящее искусство.

Прилетели. Спинер зашел под огромный зонт посадочной площадки, что была оборудована на крыше, – я избежал дождя. У лифта меня встретил кто-то из обслуги.

Механоид или человек, не знаю. В стене находился экспресс-тестер, но проходить его не потребовалось. Молодой «человек» заурядной деловой внешности проводил меня внутрь. Провел мимо постов безопасности и по лабиринту коридоров. До массивных приоткрытых дверей из безумно дорогого редкого дуба. Наверняка настоящего.

Повсюду был странный ретростиль, который трудно привязать к какому-то конкретному времени. Тридцатые или сороковые годы прошлого века? Нет, не то.

Я оказался в зале с высокими потолками и массивными колоннами.

Должно быть, кабинет для больших совещаний. На первый взгляд, деловая обстановка. Огромный стол посередине и удобные кресла. И все же не покидало ощущение, что ты… в каком-то культовом месте.

На мраморных стенах, полу и потолке играл золотистый свет. Повсюду замысловатые рисунки, орнамент и иероглифы. Не китайские или японские. Скорее, египетские символы. По периферии на небольших постаментах статуэтки животных… Нет – химер. Очень красивых парадоксальных химер. Растения бонсай. Настоящие?

Потолок. Да, вот и она. Роза, распустившаяся на кресте.[12] С ума сойти! Теперь я один из немногих, кто точно знает, как расшифровывается RCC.

Rose Cross Corp.

Итак, простой смертный в храме современных розенкрейцеров. Возможно, самый первый из обычных людей. Ну почти обычных.

Похоже, они больше не считают нужным скрываться… и те, кто полагает их просто бизнесменами, ничего не понимают.

Под впечатлением от внезапного открытия или из-за переливов света, будто обнимавших символ культа, у меня закружилась голова, и я опустил взгляд. Подошел к столу и оперся на кресло.

Передо мной оказалось широченное окно. За ним виднелась соседняя пирамида – настоящее технологическое чудо, исполинская радиоантенна, внешне похожая на здание, в котором я находился. Можно по-разному относится к RCC, но то что они здесь выстроили… выглядело просто потрясающе. Даже начинавшийся на улице день не портил картины.

Внезапно двери позади захлопнулись. Я пришел в себя и

понял, что расслышал еще кое-что. Цокот каблучков. Женские туфельки.

– Вам понравился оптический дождь? – раздался мягкий и звонкий голосок, какой-то… необычайно легкий, под стать свету, играющему на стенах.

Обернулся.

Кто она?

Красивая и холодная.

– Его отключили до моего прихода.

– Иногда мне кажется, это место живет собственной жизнью.

Противоречивая.

– Орден вложил сюда много денег? – задал я вопрос с подвохом.

– Очень, – невозмутимо и без задержки ответила она.

Направилась ко мне, спрятав ручку в карман черного делового костюма. Я ожидал увидеть мягкую походку, но ошибся. По крайней мере в первую очередь в глаза бросилась неестественная повторяемость движений, хотя тело двигалось вроде бы свободно.

Неужели механоид?!

Вот она прошла через небольшую тень, и я смог получше рассмотреть лицо. Темно-вишневые глаза. Ярко-красная помада на тонких изящных губах и абсолютная белизна кожи. Темные волосы собраны тугой в узел. Маленький аккуратный носик.

Странное впечатление…

– Я – Рей.

– Беркли, – сухо ответил я, продолжая разбираться в собственных чувствах.

Ее красота притягивала, но холод, буквально дышащий мне в лицо, наоборот, отталкивал. Казалось, эта куколка неотделима от ощущения зала, так поразившего меня.

– Но дело не в деньгах, – она смерила меня взглядом и прошла за спину, встала у стола, – а в душе этого места.

– Извините, при беглом осмотре не заметил, – зачем-то сказал я и развернулся к ней.

– Вы думали, душа это такая приставка? Предмет интерьера? – уколола Рей.

Скорее, новый имплант RCC.

Из-за спины раздался приглушенный снисходительный смех – кажется, мужчина в возрасте. Затем послышались шаги.

К нам приближалась сухая мужская фигура, сложившая вместе руки, «упакованная» не в деловой, а, скорее, в праздничный костюм с галстуком-бабочкой.

– Поверьте, она здесь есть, – говорил незнакомец, подходя ко

мне, – люди, попадая сюда, начинают думать по-другому. Чувствовать по-другому. В них многое меняется.

Остановился, не доходя двух-трех метров.

Странные непропорционально большие очки повисли напротив меня. Я чуть отшатнулся.

– Здесь воплотилось будущее, – продолжал высоколобый старик с гладко зачесанными назад черными волосами. – Переплетение высоких технологий и искусства.

Самодовольный. Не считающий необходимостью это скрывать, будто минуту назад нашедший то, что RCC давно искала.

– Мистер Беркли, доктор Даллер, – представила нас Рей.

– К сожалению, у нас не так много времени, поэтому давайте приступим, – сказал он.

– Где объект? – спросил я, озираясь по сторонам.

Даллер загадочно молчал, наблюдая за мной.

«Это тест? Когда до меня дойдет?»

Наконец, я заметил, как улыбается Рей. Как смеются ее глаза.

Она? Я ожидал, что сейчас сюда введут настоящего матерого боевика из Три-С. Какого-нибудь громилу-латиноса.

Интересно, что он ей сказал? С какой целью ее будет тестировать наемник со стороны?

– Рей начальник моей личной охраны.

«???»

Он так обосновал ее постоянное нахождение рядом боевиками корпорации?!

– Она проходила все тренировки и идеально подходит для тестирования непроверенного оборудования. Как вы понимаете, это жест доброй воли с нашей стороны, – Даллер едва заметно кивнул.

Что за бред он несет? А-а, это для нее.

Редкая сволочь, первосортная. Она для него как игрушка. Очередной эксперимент.

Я непроизвольно поджал губы, но постарался больше не выдавать эмоций. Не понятно, рассмотрел ли он что-то с помощью своих окуляров.

Нет, ну эти очки…

«Верховный офтальмолог», – мне вдруг захотелось так его назвать про себя. Я попытался скрыть ухмылку, склонив голову на бок и посмотрев в сторону окна.

– Здесь слишком много света, – сказал я, косясь на мутный солнечный диск, проступающий сквозь туман.

– Разве это повлияет на результат? – поинтересовался Даллер.

– Нет, давайте… просто так сделаем.

– Тоже не любите дневной свет?.. Я вас понимаю. Можно сменить картинку.

– Спасибо.

Даллер посмотрел в затемненную сторону зала, из которой вышел, и сделал едва заметный жест рукой. На окно тут же стала опускаться шторка. Скорее всего, здесь был компьютер типа моей Эспер, понимающий своего создателя без слов.

Стало заметно лучше. Лучи приглушенного света, совершенно не ослепляя меня, стелились по нижней четверти зала и буквально оживляли пространство. Идеально. Освещение полностью искусственное.

Затем на шторке отразилось красивое ночное небо. Прямо как у меня дома, только гораздо больше. Почти как в снах Эспер.

«Начальница охраны» села в приготовленное кресло. Я закрепил на ее висках и за ушами адгезионные пленки. Развернул остальное оборудование, настроил оптическую систему. Навел перекрестия прицелов на зрачки.

– Пожалуйста, не двигайтесь несколько секунд.

Рей замерла. Тестер тут же пикнул три раза подряд: захват цел и произошел неожиданно быстро. Вот это выдержка! Вот это контроль тела! Замерла абсолютно без движения. Хорошая тренировка.

– Теперь можете двигаться, – сказал я, занимая место.

– Можно закурить?

– Не запрещено.

Она потянулась к пачке на столе, что в черном бархатистом чехле рядом с хрустальной пепельницей. Я проследил за движением, и взгляд упал на пустующее кресло рядом с Рей.

Интересный рисунок. Будто перья птицы. RCC продолжала удивлять меня. Хоть сейчас в художественную галерею или музей.

Рей.

Немного напряженная поза. Волнуется. Помочь, что ли?

– Можно даже не отвечать, – я постарался изобразить улыбку, – если захотите. Тест не пострадает.

Закурила, наконец.

– Правда? – струйка сизого дыма полетела в мою сторону.

Интересный запах. Вишня? Клубы дыма, подсвеченные лучами света от спиральной галактики за ее спиной, растеклись по окружающему пространству, превратив картинку передо мной в настоящее произведение искусства. Я даже замер на две-три секунды. Очнулся, только когда дым рассеялся.

– За вас будет говорить подсознание, – сказал я чуть изменившимся, более глубоким голосом. – Если потребуется

устный ответ, я сообщу.

Стало заметно, что она расслабилась. Вот и славно.

– Хорошо, я готова.

Что-то Даллер затаился. Краем глаза я заметил, что тот застыл на месте, как удав.

Создавалось ощущение, что, стоя неподалеку, он медленно гипнотизирует нас, обвивает невидимыми кольцами.

– Думаю, суть теста ясна? – спросил я, кинув на Рей взгляд исподлобья.

– Я знаю процедуру, – кивнула она.

«Ее тебе тоже вставили в голову вместе с чипом?»

Монитор показывал глаза бывшей террористки крупным планом и наложенные на них шкалы, параметрические стрелки.

Две крупных спелых вишни. Красивые женские глаза. Про такие не скажешь, что они способны причинить кому-то вред.

– Приступим… Вы всегда знали, что сосед по дому занимается чем-то не вполне законным. Но не доносили на него, и вас никто не спрашивал.

Что там показывают стрелки? Да ничего. Обычная житейская ситуация. Девчонка не страдает фанатизмом.

– Однажды вы случайно подслушали его разговор с незнакомцем…

Короткий взгляд на монитор для повторной оценки фона.

– … из которого следует, что он участник Три-С. Вскоре его арестовали. Вас вызвали в суд…

Что там с уровнями? Чуть поднялись.

– … для дачи показаний. Вы поклялись говорить только правду.

Дыхание. Давление. Вернулись в норму.

– Что вы скажете? Он повстанец?

Небольшая пауза. Монитор.

– Он террорист?

– Второе.

И ведь не врет. Так и сказала бы. Та-ак, промежуточный вывод по одному вопросу: чип памяти работает, а мой тест нет. «Не фонтан». Но тест только начался.

– Продолжим. Ваш отец погиб от случайной пули полицейского. Просто оказался не в то…

– У меня не было отца, – было видно, что ей захотелось отвернуться, – вопрос не имеет смысла.

Занервничала. Хорошо.

– Здесь я решаю, что имеет смысл, – жесткий профессиональный взгляд. – Ваше дело отвечать. Вы вступили в Три-С…

Даже если не получу нормального отклика, то хотя бы «раскачаю».

– Стали ли вы преступником?

Вроде как… Да.

– Или злоумышленником?

Что? Нет?! Вот и попалась.

Хотя нет, не учел времени реакции. Отклик с задержкой, интеграл допустимый с учетом предельной погрешности. Неужели прототип электронной совести заработал? Прогресс.

– Следующий вопрос. У вас есть брат. Он женат на женщине, которая также имеет брата. И тот мужчина по странному стечению обстоятельств ваш муж.

Монитор. Удивление. Немного смущения. Подавленная усмешка. Но все в норме. Показания прибора укладываются в рамки здравого смысла и здоровой психики.

– Однажды вы узнаете, что он сотрудник ЧВК.

Слабая реакция.

– Спецназовец. На счету которого множество операций. Сотни убитых террористов и повстанцев. Есть и случайные жертвы. Ваше отношение к мужу изменится?

Монитор. Ды хание. Давление. Пульс. Электропроводность кожи.

А вот сейчас странная реакция. Эмоция без выраженного вектора. Вроде как и не эмоция вовсе… а что-то другое.

– Во время очередной операции он ликвидирует главаря террористов, который долгое время скрывал личность. Даже от вас и своей жены.

Монитор. Показатели будто замерли. Она сжалась в комок.

– Только на опознании выясняется, кто он. Как бы вы чувствовали себя на месте мужа?

Чужое и личное. Как тебе? В сторону логику, давай чувства. Ага.

Интересно, сумма эмоций и вектора говорят, что она допустимо лояльна системе. Однако есть одно «но».

Зона, отвечающая за неосознанный опыт, чересчур активизирована. Причем это происходит и дальше. Я вот сейчас молчу, а зона-то растет…

Она четко отделена от области представлений. Это и есть подавленная память?

Различим угнетенный слой психики, и это, по-видимому, тот террорист. Внутри нее.

Я снова посмотрел в ее глаза – показалось, они загорелись ровными красными огоньками…

«Фокусы освещения? Играют со мной? Чертов Даллер. Чертов

компьютер Даллера».

Хотя… какая разница. Главное, концепция в целом работоспособна… Надо будет сделать тест более сжатым. Упростить вопросы, чтобы били прямо в бессознательное и совсем не касались логики. Снизить время испытания. Но это уже детали. Техника. А сейчас – успех. Успех!

Я ощущал, что меня несет. Чувствовал тот самый драйв, в котором умел решать любые задачи.

– Пожалуй, закурю, – сказал я, в том числе, чтобы посмотреть на Даллера.

Удав, замерший в стороне, только кивнул головой. Разве что язык не высунул. Ни тени эмоций за едва улыбающейся маской. Его бы проверить на тестере. Он понимает, на что смотрит? На свои интересы? На мою систему?

Или он считает себя вправе стоять над всем этим?

Рей выдохнула струйку сизого дыма, на этот раз в сторону, чтобы смешать ее с моей. Напомнила о себе?

– Еще один вопрос. Вашего молодого человека задержала полиция по надуманному обвинению. Продажные копы потребовали за освобождение крупную сумму денег.

Монитор?

Ожидаемо. Слишком похоже на правду жизни.

– У вас такой нет. Знакомый предложил заработать подозрительным способом. Перенести сумку из одного места в другое. Вы перемещаете груз, получаете деньги. Приходите к полицейском участку, чтобы забрать любимого, но видите, что участок взорван. Все погибли. Взяточники, задержанные, их родственники и знакомые.

Пауза.

– И, конечно, мой молодой человек?

Я оторвался от экрана и взглянул на нее – объятую клубами сизого дыма и синеватыми лучами света. Хоть постер делай и вешай дома на стену… Вот только Эспер начнет ревновать.

– Вас гложет мысль: «Что, если я переносила ту бомбу?» Что, если это вы убили его, убили всех? У полицейских тоже были родные. Они заслуживали смерти?

Монитор. Напряжение стремительно нарастает. Задел за живое, значит.

– Как вы считаете… Не для протокола, а так… по совести? Достойны ли вы смерти?

Монитор.

Э-эй, монитор…

Я едва удержался от того, чтобы постучать по экрану.

– Что бы вы сделали? – продолжал я, чтобы не терять темп. –

Сдались полиции? Или, может быть, вступили в Три-С, чтобы найти того террориста?.. Как бы вы отнеслись к тому, что в результате полиция вас обнаружила и обезвредила?

Я перевел взгляд с будто онемевшего монитора на ее окаменевшее лицо.

– А если бы тот парень выжил, как бы чувствовал себя? – на автопилоте произнес я, начиная осознавать, что она совершенно не слушает. Что ее здесь нет. Рей или… как там ее… где-то очень далеко.

Она словно отключилась от реальности.

Внезапно стрелки прибора задергались как бешенные. Никогда такого не видел! Она…

Боролась со своей памятью!

Я обмер, начиная осознавать, что натворил.

Девчонка могла оказаться в Три-С совершенно разными путями, тысячей способов. Что если я невзначай обрисовал тот единственный, который был на самом деле? Напомнил ей?

Стоп. Если это раскроется прямо сейчас… если я скажу, что у нее просыпается память… ей конец.

Жизнь и смерть в моем слове, которое готово сорваться с языка. Сюда вломится охрана и укокошит ее, а может, и меня заодно. Но охрана пока не знает. Она сама не знает. И Даллер. Никто. Только я.

Она чувствует лишь пробуждение непонятных эмоций. Если так пойдет и дальше, то Даллер начнет подозревать, что тест развивается не по плану.

Нужно прекращать испытание. Иначе…

Пусть живет в счастливом неведении. Может, и правда, прошлого лучше не знать. Оно способно убить.

Ну что ты смотришь?! Я спасаю твою жизнь!

– Тест окончен, – хрипло выдохнул я.

Живи. Заведи другого парня. Береги его и не влезай в неприятности.

– Рей, вы не могли бы нас оставить? – вежливо попросил Даллер.

Судя по интонации, мог ничего не заметить.

Девушка затушила сигарету, поднялась и, спрятав руку в кармане костюма, поспешила прочь. Когда цокот ее каблучков исчез, я постарался опередить Даллера:

– Вы задаете нам все более сложные задачи.

Доктор пропустил мои слова мимо ушей и спросил:

– Сколько вопросов обычно требуется для выявления террориста?

– Могу ответить только на основании старых данных.

– Когда «БлекСкай» только выбирала направление исследований?

– Да.

– Так сколько?

Я сделал вид, что стараюсь припомнить…

– Те эксперименты признаны менее успешными…

– А что сейчас? Почему вы прекратили испытание?

Вот черт.

– Ситуация полностью повторилась. Не было смысла тратить время.

Господи, что за чушь я несу?!

– Тогда как вы видите прообраз решения нашей дилеммы? Что делать дальше?

Действительно, что делать дальше? Не спасать же ее ценой собственной карьеры! А может, и жизни.

– Противоречие технологий… известных и перспективных методик… – мямлил я в попытке собраться. – Получается выход только один, – кажется, я нашел нужную формулировку, – и он у нас общий.

Я постарался многозначительно посмотреть на Даллера.

– Возможно, вы правы. Взгляд со стороны… причем со стороны людей предельно практичных…

«Наемников и убийц, да?»

– … нам не повредит. Я обдумаю это.

Доктор кивнул мне, и я выдохнул. Даллер, должно быть, воспринял чушь, которую я нес, как признание того, что мы без них ничто. Он согласился «поработать» вместе. С другой стороны, ничего конкретного в моих словах не было, и поэтому можно будет отпереться, если возникнут проблемы в фирме. Скорее всего, меня даже похвалят за деловую хватку. Если нам будет платить RCC за то, чем мы и так занимаемся, будет круто.

«А может, с Рей обойдется?» – спросил я себя, взлетая в туманное, грязно-серое небо.

«Вряд ли. Ее обязательно заклинит», – ответил всезнающий внутренний голос, этот извечный прагматик-пессимист.

Я дал задание автопилоту и затемнил окна. Вызвал Гарри.

– Да, Берк, – его лицо расплылось в улыбке, заняв весь экран.

– Оклемался, шеф? Даже домой не ходил?

– Нет. Ну что у тебя?

– Отлично. Подход в целом работает. Нужно заняться оптимизацией. Деталями.

Улыбка капитана стала еще шире:

– Знал, что коньяк разгоняет твои мозги.

– Да, шеф… я там немного разволновался… и сказал что-то не то…

Лицо Гарри, показалось, нисколько не изменилось.

– … короче, Даллер подумал, что это предложение о сотрудничестве. Самое интересное… он готов согласиться.

– Молодец, Берк.

Он посмотрел куда-то в сторону, а затем подмигнул мне:

– Тогда давай домой. Если дело двинется, то будь готов представить что-то реальное. Сыском займутся другие.

Экран погас. Я продолжал полет домой, откинувшись в кресле, включив режим массажа и закрыв глаза. Постепенно задремал.

Радиоприемник поймал волну Три-С, и сквозь пелену усталости в мою голову проник голос повстанца. Логики, конечно, я не уловил. Только общие слова. Опять что-то про расширенное донорство и провал экспедиций в дальний космос.

Только я зашел в квартиру, как сразу почувствовал чудовищную усталость. Оставил у входа ботинки и, поскольку верхняя одежда была практически сухой, прошел в ней дальше.

На стены и пол падал полосатый рисунок жалюзи, а в окна чересчур крупными каплями стучался привычный непрошенный гость – техногенный дождь субуровня.

Я сбросил шляпу и плащ на диван.

– Эспер, что там по зомбоящику?

Ожил экран телевизора, и увиденная картинка буквально с первых мгновений загипнотизировала меня.

Документальный фильм о войне в заливах. «Война против последней исламской атомной бомбы». Реальные кадры и события. Мое тело безвольно опустилось на диван.

В очках ночного видения даже песок чертовой пустыни казался зеленым.

Даже песок вперемешку с кровью. Понимая, что произойдет прямо сейчас, каждый постарался зарыться в сухую пылящую зелень. Дурацкие и ставшие бесполезными очки сильно мешали, страшно давя на лоб.

Я машинально откинул окулярный блок к верху шлема и тотчас понял, что наверняка получу затрещину от командира. Повернул голову влево – туда, где должен был находиться «наставник», всегда готовый научить уму-разуму своего «любимчика», но никого не увидел. Ничего. Скорее всего, сержант остался позади.

Лежать на животе было крайне неудобно, даже противно –

песок и пыль упрямо лезли в нос и попадали на язык.

Ожидание постепенно надоедало, и ко мне вернулось сомнение: «А вдруг ничего не случиться?» Я перевернулся на спину и опустил окуляр очков, но только успел приноровиться к ставшему зеленым миру, как все поле зрения превратилось в сплошное ослепляющее пятно. Я ослеп. Затем в уши ударил гром. Тело мгновенно сжалось в комок, глаза зажмурились, а руки обхватили голову. Мир исчез, и больше ничего не было видно.

Наверняка все наше отделение вжалось в песок, моля то бога, то черта, чтобы хотя бы один из них помог выжить. Мы лежали, как бревна, в один ряд, побросав оружие, от которого сейчас ничего не зависело. Кто-то, кажется, кричал, пытаясь изгнать из себя ужасающий рокот и вой.

Ракеты систем залпового огня летели прямо над нами на такой высоте, что лучше на них не смотреть: иначе покажется, что вся эта смерть несется прямо на тебя. Обж ига ющие стру и газа охватывали тело после каждого пролета. Трехсотмиллиметровые снаряды, имеющие предельную дальность в двести километров, сейчас били прямой наводкой. До кишлака, на который мы навели удар, оставалось совсем чуть-чуть.

Страшно подумать, что происходит на другой стороне. Вряд ли кто-то уцелеет. В залпе чередовались самые эффективные заряды: вакуумные, фосфорные и проникающе-фугасные. Если хоть одна из них немного отклонится вниз, то нас уже не найдут. «Десять без вести пропавших», – так напишут в сводке. Каждый из нас знал это и вжимался в песок, глотая и сплевывая его, пытаясь бороться с парализующим страхом. Кто-то наверняка старался зарыться, чтобы укрыться от жгущего пламени реактивных снарядов и их воя.

Звуков разрывов пока не было, или я их просто не слышал, поскольку начал глохнуть.

Вот новая горячая струя обдала тело вслед за оглушительным ревом снаряда. Затем последовал странный тычок в бедро, затем еще один. Я никак не реагировал. Думал, что показалось.

В ухо врезался ошеломляющий звук, но другой, не от ракеты, а похожий на…

– Как тебе эта музыка, рядовой?! – кто-то орал, обращаясь ко мне.

В левое плечо врезалась подошва армейского ботинка. Я отскочил в сторону, сгруппировался и поправил очки. В первую секунду смог различить только две светящиеся точки на фоне черно-зеленого электронно-оптического марева. Ликующие, горящие злом глаза. Затем новая ослепляющая вспышка.

Я сбросил каску вместе с испорченным – вконец засвеченным

– прибором ночного видения и понял, что это…

Сержант.

Он стоял в полный рост прямо под черным небом и стремительными ракетами, несущими смерть куда-то вдаль. Он стоял без каски и рации, с минимальным количеством амуниции. Из оружия только его любимый «Кольт».

– Ты слышал вопрос?! – громоподобный голос был едва ли не страшнее рева реактивных снарядов.

Я попытался сесть хотя бы на корточки, и тут же упал. Эта сволочь уже приближалась ко мне, растягивая удовольствие… а я тихо ругался про себя. Говорить что-то вслух нельзя, даже если он не услышит, то прочтет по губам, и тогда точно конец.

Последние два-три метра он даже не пробежал, а точно прыгнул на меня, схватил за ворот, и я увидел, как темнота передо мной сменилась его глазами… изучающими силу и безумие.

– Ты, что, не понял?! – орал сержант прямо в лицо. – Это бесконечная война! И это круто, мать твою! Рано или поздно она сделает из тебя солдата!

Я оцепенел от его слов, мертвой хватки и каменного лица, показалось, что прежние ощущения, мысли и страхи отошли на второй план. Прямо на меня глядело воплощение войны. Ее безумие. Оно словно говорило мне, что либо я стану сильнее, либо никогда не выберусь отсюда. Навсегда останусь в песке, в котором даже успел вырыть «укрытие», подобие могилы.

– Я задал вопрос!

– Да… – кажется, зашептал я, но затем… словно сумасшествие сержанта передалось мне, и стало плевать. – Начинаю тащиться от нее, сэр, – то ли прохрипел, то ли прокричал я.

Сержант как-то резко переменился в лице, он хлопнул меня по плечу и толкнул вниз. Я упал на дно вырытого «укрытия».

– Вот это по-нашему… – часть фразы съел рокот пролетающей ракеты, – нужно, чтобы стать сильнее! Можешь звать меня просто Дэвид.

Внезапно сержант сделал то, на что бы никто из нас не отважился – подпрыгнул вверх и сделал движение рукой, будто собираясь ухватиться за пролетающий снаряд.

– Не дрейфь, парень! Вставай! – он звал к себе. – Нам повезло! Это рай для таких как мы! Вокруг бесконечная война!

«Да он псих! Окончательно спятил!»

– И в этом вся штука! Если сдохнешь, то ничего не изменится! А если она сама сдохнет, все начнется заново!

Его голос сливался с ревом пролетавших ракет.

– Ты понимаешь меня?!

– Да, – поспешно закивал я и тут заметил, что ребята, лежавшие рядом, тоже смотрят на него, открыв рты и ничего не понимая.

Дэвид расхаживал во весь рост по открытой местности, и его легко могли снять снайперы.

– Да там даже трупов нет! – будто уловив наши опасения, кричал сержант. – Все сгорело!

За его спиной угадывались всполохи огня батареи РСЗО,[13] что стреляла по нашей наводке. По наводке сержанта, который едва не угробил нас вместе с противником.

Но вот из-за силуэта Дэвида вылетела последняя ракета, и мы уставились вдаль. Снаряд упал в центр развалин – того, что осталось от кишлака. Вспыхнуло рыжеватое пламя зажигательного снаряда, по сторонам разлетелись фосфорные осколки – те, что, попадая в тело, сжигают его изнутри.

– Красота-то какая! Да, парни?! Я задал вопрос, мать вашу!

– Да, сэр! – в один голос выдохнули мы.

– Встать!

Мы подчинились, проклиная его. Подняли брошенное оружие и поправили амуницию.

– Вперед, зачистить вражеский опорный пункт! – последовал приказ.

Безумный приказ. Чего-чего, а таких действий мы от него не ожидали. Вояка он был классный. Но в данный момент разведке вообще не нужно было высовываться. Штурмовые операции – работа костоломов. Они как раз за спиной. Приказа атаковать от начальства тоже не было, ведь Дэвид расхаживал без рации. Кроме того, он сам сказал, что там все мертвы… Однако мы опять подчинились и побежали вперед.

– Беркли, стоять!

Я замер, сжав в руках пулемет. Указательный палец сам собой нащупал спусковой крючок. Хотелось убить его.

Пристрелить, как животное.

И тогда самое страшное закончится. Он давно заслужил это.

– Прикрой нас!

Я даже не успел подумать, все сделали рефлексы: тело рухнуло в песок, а глаза сами собой начали рыскать по сторонам, руки сжали оружие, держа его наготове.

Он похлопал меня по спине.

– Когда вызову по рации, дуй за нами, – сказал он прямо в ухо.

– Хорошо… – ответил я, чувствуя неладное, – Дэвид.

Перед моими глазами упал прибор ночного видения.

– Возьми мой, – донесся голос сержанта.

Я нацепил очки и увидел уже не две, а три горящие точки – «Хаска» закурил. Опять, наверное, свои «БлэкВотер», что выпускаются на заказ для ассоциации ветеранов той легендарной конторы. Пусть нас видят? К черту маскировку, да? Там все мертвы? Тогда на хрена маскарад с атакой?! Штурм укреплений, которые больше не укрепления. Бой с убитым противником.

Парни двигались цепью. Сержант шел следом. Я раз за разом оглядывал черно-зеленое пространство и не находил цели. Никакой активности. Кроме нас здесь никого. Только мертвые выжженные пески, черное небо, в котором не видно ни звезд, ни луны. Развалины прямо по курсу и цепь гор вдали. Людей будто нет. Повсюду бесконечная многоликая темнота и такая же нескончаемая бессмысленная война. Впрочем, сержант много раз говорил, что смысл есть. Вероятно, так и едет крыша.

Странный он. Когда его ЧВК отказалась работать пушечным мясом в предгорьях, Дэвид сразу из нее уволился. Пришел добровольцем в регулярную часть, с понижением в звании. Лишь бы остаться на войне. Поначалу мы считали, что это хорошо, когда нас возглавляет настолько опытный боец, но потом поняли, он – сумасшедший.

Я будто слышал, как он подгоняет парней. Те трусцой бежали вперед, к развалинам. К последнему опорному пункту перед горным массивом, в который армия загнала паков.[14]

Внезапно я понял, что потерял отряд из вида. Они точно растворились в зеленоватой темноте на фоне развалин…

Некоторое время ничего не происходило. Молчала рация. Позади тоже мертвяк. Никто не шевелился. Будто мы одни посреди этой пустыни. Будто я здесь совершенно один… а в небе нет ни самолетов, ни спутников, ни звезд.

Неожиданно из рации раздался треск – такой, что обычно бывает, когда на другом конце пытаются включаться попеременно на передачу и прием, но сам голосовой сигнал не проходит. Что это? Сержант? Ребята? Командование? Затем сигналы прекратились.

Я снял очки и замер, всматриваясь в ночной прицел пулемета. Впереди ничего. Ни всполохов, ни движения. Будто развалины проглотили взвод.

Черт.

Оглянулся. Батарея РСЗО, что располагалась позади, уже покинула позиции и успела отъехать назад километра на три. Никаких подкреплений. Обещанного подразделения костоломов нет. Значит, я тут один. Парням некому помочь, кроме меня.

Поднялся и поначалу медленно, с опаской, глядя по

сторонам, пошел вперед.

Что, если о нас забыли? Решили, что враг добит, и свернули операцию?

Ублюдки. Они считают, что мы только расходный материал.

Случившееся – как последний гвоздь. Больше не верю государству.

Пулемету вот верю. Хорошая безотказная система. Парням верю. Даже сержанту. Он всегда был с нами. Никогда не прятался за спинами. В самых опасных ситуациях лез вперед. Никогда не сомневался и не проигрывал.

Пожалуй, мы все обязаны ему. Тем, что еще живы. Он, конечно, редкая сволочь, но… наш сводный отряд единственный, что без серьезных потерь прошел до гор. До его появления подразделение сменило половину состава. Потом – как отрезало. Он научил нас воевать. Вел вперед, обходя ловушки, вопреки логике и даже приказам командования, используя звериное чутье, которое многие принимали за большой боевой опыт.

Однажды новобранец… Джек спросил как-то насчет чутья, так сержанта словно прорвало: он начал нести какую-то чушь про «душу войны». Я слышал часть разговора. Джек же после таких откровений подошел к нам и сообщил, что понял командира. Сказал, что тот просто псих, и мы имели неосторожность согласиться. А «Хаска» как раз проходил рядом и либо услышал наш смех, либо прочитал по губам.

С того момента сержант будто с цепи сорвался и начал «делать из нас настоящих солдат», Джек оказался единственным погибшим в подразделении.

За таким мыслями я не заметил, как подошел к кишлаку. Вроде бы ничего не изменилось. Черное небо, песок, горы вдали. Только развалины стали больше. Да появился ветер. Я вырубил рацию, чтобы не разоралась в самый неподходящий момент.

Заметил, что иду по чьим-то следам. Окурок. Похоже, сержант. Песок закончился, и под ногами оказались осколки камней. Я пригнулся и еще раз проверил боезапас. Гранаты и ленты. В порядке. Вокруг никого, ни звука, кроме зова ветра с гор.

Кричать и звать нельзя. Если они попали в засаду, то только выдам себя. Оставалось идти вперед. Нет. Лучше по флангу. Пошел влево, обходя развалины по кругу и осматривая их с помощью ночного прицела на пулемете.

Через минуту наткнулся на тело, уже покрытое песком и пылью. Судя по габаритам, кто-то из наших – паки в последнее время попадались тощие-тощие. Подобрался ближе и перевернул тело. Так и есть. Хайнц. Пуля в лоб. Аккуратно так. Безжизненные глаза вряд ли успели увидеть убийцу.

Я посмотрел вдаль. Никаких следов отступления. Предгорья пусты. Тот, кто убил его… еще здесь.

Оглядел развалины, присмотрелся к их центру. Заметил еще два или три тела. Четыре. Лежат в ряд, как шли.

Навряд ли кого-то спасу.

К горлу, уже было привыкшему к сухости, подступил давящий комок. Я взял флягу Хайна и отпил.

Хотя бы соберу жетоны. Чтобы родственники знали: мы не пропали без вести, а погибли в бою.

Забрал у мертвого жетон и, чтобы не класть его к боеприпасам, повесил на шею, рядом со своим. Двинул дальше, обходя «кишлак» по кругу, оглядывая пустыню слева и сзади.

Попробуй, зайди мне за спину…

Противник молчал. Я добрался до другого конца развалин, и горы оказались за спиной. Казалось, это они – холодные и враждебные – дышат в затылок своим ветром.

Неподалеку обнаружился еще один труп. Питер. Похоже, он один добрался до конца поселения. Но положение тела говорило о том, что перед смертью парень развернулся назад и попытался открыть огонь. То есть враг оказался не впереди, а сзади! Самый опытный боец после сержанта, попался на уловку врага.

Какое-то чувство… острый укол заставил меня пригнуться, и пуля просвистела прямо над головой. Затем в сознание проник другой звук, запоздавший звук одиночного выстрела.

Тело машинально перекатилось. Я обнаружил себя укрывшимся за небольшими останками стены дома.

«Откуда стреляли?» – спросил я себя.

«Из центра».

Снайперка? Нет. Звук сухой. Патрон маломощный. Да и промазал стрелок.

Что делать? Назад?

Нет. Лучше, наоборот, вперед. И так же по кругу. Или в пустыню, но тогда сначала к Питеру.

Я поднял камешек и бросил его назад, пытаясь создать видимость, что отступаю. У Питера был специальный маскировочный плащ с крутыми покрытиями. Не обнаружить ничем. Даже радару и тепловизору не под силу. А глаз в такой темноте тем более не увидит.

Я быстро прикинул безопасный маршрут. Добрался до тела и стянул плащ, прикрепил его к своему вороту и стал отползать в пустыню. Захватил по пути два небольших осколка кирпича.

Через десяток метров остановился и раскинул над собой плащ. Метнул один за другим оба камня в то место, где был застигнут противником. И приготовился стрелять.

Ну где ты там? Ждать я умею, так что лучше сразу выходи.

Спустя полминуты что-то уловил. Движение тени, скользнувшей по развалинам и притаившейся за остовом дома. Должно быть, противник пытался обойти то место, куда я бросил пару камней. Тень снова мелькнула, но, кажется, человек остался на месте. Он осматривался.

Внезапно я понял, что там есть как минимум три-четыре безопасных для противника пути, и если не сделать что-то прямо сейчас, то убийца уйдет. Придется начинать заново.

Или это кто-то из наших?

Нет, все мертвы. Каким-то шестым чувством, я ощущал, что это так.

«Что ты сидишь?! Патроны бронебойные!» – вспомнил я и тут же нажал на спусковой крючок. Пулемет изрыгнул трассу огня. Затем, снова поймав то место в прицел, я послал во врага еще три коротких очереди.

Пули с вольфрамовыми сердечниками насквозь прошили стену, как раз в том месте, где прятался противник. Вряд ли тот уцелел.

Теперь вперед, пока подонок не отполз!

Я скинул плащ и, петляя, побежал. Держа на прицеле развалины и заходя под углом, сбоку.

Неожиданно у моих ног поднялся фонтанчик песка. Раздался сухой звук выстрела из легкого оружия.

Жив, собака. Отстреливается. Но я уже нырнул за укрытие. Бетонную (?) плиту. Откуда она здесь? Вход в бункер? К черту, еще разберемся – я старался не упустить момент. Ведь мне удалось засечь, откуда раздался выстрел.

«Лови гранату», – металлический шарик устремился прямо туда.

Следом полетели остальные. Четыре гранаты накрыли пространство в радиусе десятка метров. Прогремели взрывы, а я под их аккомпанемент успел перекатиться и сменить позицию, подобраться еще ближе. Но только высунулся, чтобы оценить результаты, как раздалась автоматная очередь.

Стреляли не в меня, очередь начиналась совсем рядом, но уходила в сторону.

Из нашей спецназовской винтовки. Таких у паков никогда не было.

– Они отходят в тоннель, – из-за развалин донесся слабый, хрипящий голос сержанта.

Значит, он выжил.

– Где они? – отозвался я, показывая, что нахожусь рядом.

– Слева, повернись туда.

Я подчинился и стал наугад палить по развалинам, трассы уходили в никуда. Туда, куда мне приказал стрелять сержант. Но в один момент время замедлилось и…

Чутье.

Оно подсказало, что нужно бросить все и укрыться. Срочно. Откуда-то из глубины подсознательного поднимался звук… выдергиваемой чеки… каким-то образом я понимал, что надо мной уже повис металлический шарик.

Рванул в сторону. Плита. Щель.

Взрыв!

Я потянулся, чтобы взять его медальон. Но внезапно рука казавшегося мертвым сержанта перехватила мою.

– А ты ничего, рядовой, – сказал он, пытаясь улыбнуться и вновь теряя сознание.

– Они ушли, сэр, – проговорил я, но командир вряд ли услышал меня.

Рядом лежало тело Джеймса с аккуратной дыркой во лбу, нашего автоматчика. Неунывающего шутника, души компании. Только сейчас он не улыбался. Джеймс больше никогда не улыбнется. Разве что на фотографиях дома у родственников, о которых так много рассказывал. Я верну им медальон. Скажу, что он погиб героем…

Я тащил тело на себе через пустыню. Иногда проверял, жив «Хаска» или нет.

Временами казалось, что еще жив, а временами, что уже нет. Но я упрямо шел вперед. Упав, поднимался. Шел вперед, когда солнце всходило слева, и заходило за горизонт где-то справа. Меня что-то толкало вперед. Слабости не было. Словно… она осталась позади, и война, наконец, сделала меня сильнее… И еще эта фраза – «а ты ничего, рядовой» – то ли поднималась со дна памяти, то ли ее вновь и вновь повторял полуживой сержант.

Тогда я не знал, что он каким-то чудом выживет. Что его нашпигованное осколками и пробитое пулями тело воскреснет.

– Снова кошмар? – посреди пустыни раздался знакомый женский голос.

Боже, как я люблю его. Сам настраивал.

– Вам опять снятся кошмары? – спросила Эспер.

Я открыл глаза и понял, что уснул. Телевизор она отключила.

– Что, кричал?

– Нет.

– Тогда как ты узнала?

Система помедлила с ответом – что-то часто в последнее время…

– Ваше тело дергалось, как будто вы с кем-то бились, – наконец, сказала она.

– Может, это твое чутье? – я поддел Эспер, которая недавно пыталась поговорить о том, что такое интуиция.

– Может быть, Рик, – невозмутимо ответила машина.

Я окинул взглядом комнату, надеясь найти поблизости чайник.

– Там было что-то новое? – поинтересовалась Эспер.

– Где? Во сне?

– Да, Рик.

– Нет. Мы… – я поднялся, – опять убивали друг друга.

Зашел на кухню и отхлебнул воды прямо из чайника.

– Почему так происходит?

– Не знаю. Один человек, как раз тот… в общем, у него была какая-то своя философия. Он считал, что война делает сильнее.

– Но ведь вы думаете по-другому?

Странное создание. Мне давно плевать, а ей нет. Наверное, потому что она не была там. Не проходила через это.

«Она еще маленькая», – усмехнулся я.

Как ребенок.

Машина спрашивает человека о человечности.

Звучит словно приговор нам, людям.

Или наоборот. Как оправдание?.. Я создал то, что способно видеть мир по-другому. Это что-то меняет?

– Что сейчас с тем человеком?

– Я… убил его.

Реакции Эспер не последовало. Я ждал ее, но безуспешно.

– Но не до конца. Он какого-то хрена ожил, – продолжил я, возвращаясь в комнату. – Не знаю как.

– Еще никто не научился продлевать жизнь человеку, – возразила система, – роботу, да.

– Им проще. От роботов требуется просто закрыть глаза, а затем…

– Перезагрузка. Уверена, что-то подобное изобретут для людей, – сказала машина.

«Ага, дожили. Наши создания начали намекать, что не прочь спасти нас», – подумал я, садясь в кресло перед компьютером.

– Мне непонятна жестокость, которая вас не отпускает, – она вернулась к середине разговора. – Ведь есть другие сны.

– Он не называл это жестокостью, – я сделал паузу, разбираясь в мыслях, – это как… такие особые… сильные действия.

– Сильные действия? Ваши слова иногда ставят меня в тупик, создатель. Меня забо…

– А людей – нет, – перебил я.

Философский диспут начал надоедать.

– Эспер, ты знаешь, мне нравится с тобой болтать. Особенно на подобные темы. Но иногда я устаю от вопросов. Можно я позанимаюсь глупостями?

– Конечно, Рик. Включить сетевой модуль?

– Да. Кстати, что там с анализом записи?

– Это оказалось труднее, пока сделано меньше трети работы. Если позволите мне самой заглянуть в сеть, то…

– Исключено.

Ожил экран, а на нем – страничка моего профиля в форуме Чикаго.

«Надо же, умею улыбаться… умел когда-то», – думал я, глядя на собственные фотографии.

В уголке экрана мигала пометка. Получено письмо от неизвестного.

Открыл послание. В нем находилась фотография, изображение молодой девчушки кукольной внешности. Черт их поймет насчет возраста, с нынешними-то технологиями. Принарядилась. Из верхнего города, значит.

Нет, ну как похожа на ту куклу! Из далекого, полузабытого мира. Начинается на… «б». Светлые искусственные волосы и голубые стеклянные глаза.

Вспомнил – Барби. Вся такая тонкая, гладкая и будто пластмассовая. Нарисованная. Возможно, электронный бот, каких в сети полно.

Тут я заметил, что есть и текст.

«Привет, малыш! В каменных джунглях и потоках электронов редко когда найдешь такую искреннюю улыбку… Ты ведь не из тех мужчин, что отказывают в красивом вечере? Позвони мне… Но даже если ты сильно занят, то все равно позвони и скажи, что мы не созданы друг для друга. Мне интересно услышать твой голос… Незнакомка».

Хм, «созданы друг для друга»? Если это компьютерный бот, то продвинутый. С юмором. Это он так проверяет, человек я или специальная программа, созданная, чтобы поддерживать активность на форумах.

Можно и позвонить. Та-ак, что там? 555-7583.

Я набрал номер и стал жать… смотреть на бессмысленные картинки и тексты сети. Спустя десяток секунд на экране возникла темнота.

Небо?

«Больше похоже на бетонное перекрытие между уровнями города», – написала Эспер на экране перед моими глазами.

Спасибо за подсказку.

Картинка дернулась, и на экране возник силуэт. Затемненное лицо девушки, которая куда-то спешит. Я прокашлялся в сторону.

– Незнакомка?

Мимику ее лица было невозможно разобрать.

– Кто это? Рик? – переспросил взволнованный тоненький голос.

– Да, он самый, – ответил я, не понимая, что с ней происходит.

– Боже, ты мой спаситель!

– Проблемы?

– Даже не представляю, как это случилось… я заблудилась.

Изображение раскачивалось, на экране мелькали серые плохо освещенные громады зданий – она пыталась показать мне какую-то улицу. Если это нижний уровень, то девчонка попала.

– Какой это уровень, знаешь? – спросил я.

– Лифт… все из-за него. Мне нужно было чуть выше. А он остановился где-то в самом низу.

Ага, значит, даже не субуровень.

– Я никогда здесь не была.

«Странно, надо спросить, что она там собиралась делать», – подсказала Эспер, написав фразу на экране.

Действительно, что такая, как она, судя по всему, ни разу не покидавшая верхнего Чикаго, забыла в «болоте»?

– А что ты…

– Рик, помоги мне, – перебила девушка. – Пожалуйста.

– Конечно… Слушай, через видео ничего не разобрать. Опиши словами, где ты.

– Здесь… – она осматривалась по сторонам. – Мне страшно… ты… поможешь мне?

– Да, да, – я понял, что не смогу отказать, несмотря на настораживающие обстоятельства. – Только скажи, что видишь. Я мигом.

– Тут… Повсюду дым… Туман. Ржавчина и грязь.

Добро пожаловать в нижний Чикаго, куколка.

– Все течет. Везде рухлядь… – продолжала она.

Это правда. Так и есть. А ты думала, реальность другая?

– Нужны особые приметы, – подсказал я.

– Проехала машина… Мимо меня про…

– Полицейская? Кроме них там никому нельзя ездить.

– Не знаю… Не успела поймать ее.

Может, оно и к лучшему. Копы бывают разные.

– Рик! Она свернула в тоннель!

«Тоннель. Уже лучше», – я прикидывал, где именно она могла

быть. Пока выходило, что… в общем, хорошего мало. Десятки и сотни вариантов. Один хуже другого.

– Что-то еще?

– Неподалеку толпа. Азиаты и еще какие-то люди. Они… Рик, они сумасшедшие?

– Что такое?

– Они ходят кругами… Они спятили?

Понятно. Наркобар. Что в итоге имеем? Тоннель и наркобар. Таких мест всего… два?! Нет, три. И… одно из них прямо подо мной. Только дойти до лифта!

Бывает же такое.

– Рик, ответь, – почти молила она, – ты слышишь меня?

– Да, кажется, я понял, где ты.

– Правда?!

– Ну… не так чтобы… скажи, там есть какая-нибудь вывеска?

Изображение дернулось, на экране возникла знакомая картинка – гейша, глотающая таблетку. Очень похоже на то место практически подо мной. Значит, не само «болото», а чуть выше.

– Может, что-то еще? Есть там мусорка, недалеко от рекламного щита?

– Да! – радостно пискнула незнакомка. – Вот смотри!

Картинка задрожала… но ничего не было видно. Наконец, оптика приноровилась, и удалось различить два огня. Костры в бочках. Бездомные.

– Надпись на стене… должна быть слева от тебя, – я уже понял, что она рядом.

– Вот!

Я не смог прочитать фразу, намалеванную когда-то белой краской на обшарпанной стене. Но общий вид рисунка не оставлял сомнений.

– Все. Я иду за тобой.

– Господи! Ты правда придешь?!

– Только оставайся на месте.

– Ты мой спаситель… спасибо! Я знала, что… – продолжала лепетать незнакомка.

«Слишком много совпадений. Спроси, что она собиралась делать на субуровне», – напомнила система.

Я проигнорировал мнение Эспер и поднялся. Однако компьютер, испугавшийся моей неосторожности, тут же вслух возразил – на грани слышимости, так, чтобы не уловила незнакомка.

«Куда ты, Рик? Посмотри на экран».

«У каждого свое оружие. Эта краля может только казаться беззащитной», – снова написала Эспер.

Дожил, называется. Электронная женщина подсказывает, как надо вести себя с настоящей. Впрочем, спасибо. Возможно, она права.

– Я уже выхожу, – сказал я. – И все-таки, что ты собиралась делать?

Кажется, она опустила голову.

– Ты будешь смеяться… Сама до сих пор не могу поверить… Какая глупость.

Сокрушенно помотала головой.

– Скажи. Я не буду смеяться.

– Поспорила с «лучшей» подругой, что смогу спуститься на лифте. И пройти до следующей кабинки, подняться наверх… Какая я ду…

– Ну, ну… оставайся на месте.

Контакт прервался, это сделала Эспер, когда я поднялся из-за стола.

– Взять оружие?

– Вы всегда его берете, Рик.

Старый безотказный кольт, подаренный Дэвидом, лежал, где должен. Карман плаща привычно оттягивался под весом пистолета. Ощущать именно его тяжесть (не больше и не меньше) всегда было приятно. Она означала, что ты в порядке. В другом кармане нашлась пачка совершенно сухих сигарет. Совсем хорошо.

Двери лифта разошлись в стороны, и я шагнул в слякоть одного из нижних уровней. В его бесконечную техногенную ночь.

В ту противоестественную ночь, что уже десятки лет длилась не под небом, а под черно-серыми бетонными перекрытиями. В тошнотворный запах и ядовитый туман, которым травят насекомых и крыс, пропуская его время от времени по вентиляционным каналам и трубам канализации – многие из них тянулись по стенам зданий и выходили прямо во дворы, а то и на улицы со стороны «фасада».

Впрочем, травились не только животные. По углам ютились бездомные.

Еле различимые… даже не фигурки, а… пятна под холодным мерцающим светом неисправных ламп. Слабые силуэты, что угадывались сквозь клубы дыма самых разных цветов и оттенков – от сине-сизого до молочно-белого и серого, почти черного.

Повсюду висел смог – аэрозольные генетические яды, специфичные к нежелательным организмам. Даже не завесы, а настоящие стены дыма сдерживали лишнее, не позволяли ему прорваться наверх, туда, где разрешалось вертеться лишь

избранным винтикам и механизмам системы.

Пускай сейчас не видно того, что давно стало лишними. Но ты знаешь, как они выглядят. Карлики, замотанные в длинные тряпки и лохмотья – в единственный доступный здесь вид одежды. Те, что бóльшую часть «жизни» проводят у горящих бочек и тлеющего хлама. Генетический мусор.

Парадокс в том, что при наличии пустых зданий подворотни занимали бездомные, и что в домах бывает хуже, чем на улице. В зданиях нижнего города можно запросто наткнуться на старую радиоактивную пыль, и тогда смерть станет еще мучительнее. Громады столетних построек даже выглядели отталкивающе – так, будто они созданы из одряхлевшей, конденсированной темноты, заболевшей и ставшей плотной. В каждом угадывался один и тот же деградирующий образ. Улицы и дома были, как ловушки, да еще под этими бетонными перекрытиями наверху – точно под могильными плитами. Поселиться в доме означало стать тенью, раствориться в сумраке и упадке.

Я шел мимо пустых зданий, улавливая звон колокольчиков – так старая традиция напоминала о себе. Долгие годы выезжавшие хозяева вешали колокольчики в покидаемом жилье, и те издавали тонкий, едва уловимый, звон, говоря о том, что здесь можно селиться. Но со временем колокольчиков становилось все больше, и дома умирали… Помимо этих звуков были и другие. Время от времени то здесь, то там раздавался кашель, хлопали двери. В целых полях и нишах темноты мерещились приглушенные голоса. Из-за смога доносились бессвязные звуки, отдаленно напоминающие то ли короткие слова, то ли вздохи… Казалось, будто кто-то зовет к себе, прося о помощи или заманивая в ловушку.

Везде валялся мусор, по проулкам мотались полусгнившие бумажки и обрывки пакетов, шелестевшие на сквозняке. Старые газеты с давно забытыми новостями и датами из прошлой жизни.

Холодный пронизывающий сквозняк издавал гул, проходя через трубы и окна, дыры в стенах. В поток неприятных звуков подмешивался еще один: где-то рядом гнездился рой мух, тех, что научились создавать колонии и хоть как-то противостоять ядовитым парам высокой плодовитостью, выживать, забиваясь в прогнившие перекрытия и щели.

Посреди бесформенного хлама, захватившего улицы, высились вентиляторы и искрящие газогенераторы. Из старого асфальта торчали полуразобранные, давно замершие автопарковщики.

Трудно поверить, что еще полвека назад здесь шла нормальная жизнь. Неподдельная человеческая жизнь с

улыбающимися людьми, хорошо одетыми и сытыми, имеющими возможность взглянуть в настоящее небо и помечтать. Жизнь, в которой мечты не приносили боли…

Но вот я уже у ВИП-фона, единственного работающего средства связи на несколько кварталов. Он являлся главной местной приметой, по которой можно понять, что ты на правильном пути. Впереди наркобар…

Не каждому это дано.

Не каждый справится.

Слишком тяжело впускать в себя мрачность и унылость нижнего Чикаго. Видеть, слышать, ощущать кожей и вдыхать ее. Соглашаться. Рано или поздно сюда приходили все. По крайней мере, здесь не было компьютерных ботов, заполонивших сети и подменивших реальных людей. Тут еще удается встретить тех, с кем можно поделиться настоящей болью и воспоминаниями, пусть и с помощью разрешенных наркотиков. Под присмотром патрульных.

Первое, что я увидел – трое полицейских. Рядом с баром дежурила очередная смена. Даже копы тут другие. Автоматическое оружие на взводе. Одеты не в обычные костюмы, а в броню, в доспехи, дизайн которых был отточен во времена цветных бунтов, и получил название «stahlhelm» за схожесть с экипировкой немецких солдат столетней давности.

Полицейские выглядели не как охрана правопорядка, а как солдаты оккупационных войск на вражеской территории. Достаточно посмотреть на такого лишь раз, чтобы понять – копы вряд ли тебе помогут. Они здесь совсем для другой работы. Вокруг них потенциальные враги системы.

Ну что смотришь, тварь? Я не отведу взгляда. Не на того напал.

Коп брезгливо отвернулся и закурил. Пора бы уже и мне.

Я пошел дальше, сделав затяжку.

У наркобара собралась приличная толпа. Можно сказать, сюда стянулось население большинства окрестных кварталов, имевшее хоть сколько-нибудь гезеллей.

Люди нагружались дурью и бродили кругами, бормоча о чем-то личном. Обмениваясь страданием и болью, надеждами и бредом. Подобное заведение находилось и на моем уровне… Наркотический бар для среднего класса на среднем этаже города – и бродившие теми кругами только выглядели лучше. У них была добротная одежда и хороший макияж, среди них не было специалов. Но внутри… внутри каждого тлели страдания и боль, надежды и бред. Специал – это приговор только телу, а то, что гнило незаметнее всего, пронизывало все уровни. Даже верхний.

Люди бросались в объятия безумия и иллюзий, которые повторялось снова и снова. Везде.

Впрочем, у здешнего бара была одна отличительная особенность. Почти все посетители являлась азиатами.

Еще один привет из государственного прошлого. Лет тридцать назад тут был чайна-таун, район компактного проживания эмигрантов из Китая… Трудолюбивая биомасса, приученная уважать власть, и из которой кое-кто хотел завести себе новый народ.

Когда же после легализации вирусных наркотиков белое население превратилось в безвольное стадо, необходимость в эмиграции отпала. Азиаты остались забавным напоминанием об одном из периодов истории позднего государства. Более-менее белыми в толпе можно было признать только группу панков, каким-то чудом не распадавшуюся в бессмысленном круговороте тел. В танце безумия и безысходности, в переливах холодных неоновых вывесок бара и под присмотром полиции, под грязным техногенным дождем.

Взглянув на происходящее со стороны, перестаешь верить в «прогресс». Точнее, начинаешь понимать его по-другому. Чтобы соорудить верхний уровень, нужен нижний. Чтобы кто-то смог видеть настоящее небо, кто-то другой должен утонуть в «болоте». Чтобы одно человечество смогло вырваться с загаженной планеты, другое должно умереть, забыться в наркотической реальности и постепенно превратиться в своеобразный вид мусора, не требующий особых методов обработки. В самоутилизирующийся мусор.

Я брел дальше, уставившись под ноги и перестав разбирать дорогу. Перед глазами мелькал рассыпанный на асфальте гравий, старые никому не нужные вещи, слякоть и грязь…

Какое-то необычное чувство заставило остановиться.

«Повернись налево», – подсказал внутренний голос.

Точно. То место, где раньше был парк.

На стене знакомая надпись – «REX84», обрамленная колючей проволокой… Одно время власти пытались бороться с подобным творчеством, но затем плюнули. По крайней мере здесь, на нижних уровнях.

Деревья в бывшем саду, конечно, давно вырваны с корнем и сожжены. В самый центр лился поток воды с вышележащего уровня – через дыру в перекрытии. Серый грязный поток падал в разбитый бассейн, где раньше работал фонтан. Через пробитую стенку бассейна вода уходила в подворотни, струясь широким неторопливым ручьем.

Некоторые скамейки по периметру «парка» сохранились, и

обычно на них спали бездомные. Но сейчас здесь никого не было. Странно.

– Рик, – загадочный женский полушепот коснулся слуха.

Слева.

Я направился туда, откуда донесся голос.

– Да, – последовал мой ответ.

Впереди была, пожалуй, наиболее затемненная часть парка. Совсем без фонарей и бликов света… Фактически я шел куда-то в темноту.

– Рик, – она вновь позвала меня, шепот оказался еще тише, чем первый раз. И это несмотря на то, что я вроде бы приближался.

В такие моменты начинаешь жалеть, что удалил киберзрение. Или она проверяет, какие у меня импланты?

– Хоть бы предупредила, что надо захватить прибор ночного видения.

Она не сдержалась: хихикнула и выдала себя.

Наконец удалось разглядеть фигурку. Оказалось, прямо по курсу. Я нашел ее, двигаясь практически наугад, повинуясь какому-то шестому чувству.

– Не упади, спаситель, – предупредила она, – тут скамейка.

Моей ладони коснулся странный холодок. Какой-то легкий и… нежный, что ли… Через мгновение меня осенило – она взяла меня за руку.

Как она увидела ее? «Глаз кошки»?

– Садись, Рик.

Непростая девочка. Эспер как чувствовала.

Я опустился рядом и попытался вспомнить, как надо начинать.

– Такое внезапное знакомство… в общем, совсем забыл про цветы… но мы можем сходить в один бар наверху, у меня там как раз накопилась скидка, и цветы эмулируют на загляденье… в любом случае, тут не самое романтичное ме…

Мою болтовню пресек «ее» голос, бархатный и тонкий на слух, и в то же время произносивший жестокие ошеломляющие слова:

– Не старайся. Это почти полная механика. Человеческой ткани по минимуму.

– Что?! – выдохнул я, отдернул от нее руку, потянулся к пистолету.

В ответ тишина.

– Кто? – заметно тише переспросил я, нащупав кольт «Х аск и».

– Тебе ведь случалось работать на неизвестного заказчика?

Я судорожно сглотнул, начиная понимать, насколько влип. Она или оно… сделает предложение, которого лучше не слышать, если хочется жить.

Девичий силуэт лишь слегка угадывался в темноте, хотя мы были рядом. «Она» даже не повернула в мою сторону голову.

– Вот только не совсем понятно… – мои губы еле шевелились, – как такое хрупкое создание… смогло справиться с местным сбродом?

– Это не единственная кукла…

Значит, рядом со мной не настоящий человек.

– … в голове которой звучат чужие приказы, – продолжил, очевидно, далекий, собеседник.

Позади послышался кашель. Затем слева и справа. Прямо передо мной в свете мерцающей лампы показалась тень, отделившаяся от целой стены темноты. Через секунду тень вернулась обратно, слившись с сумраком.

– Проблем со сбродом не возникло, – лепетал голосок фальшивой девушки. – Кроме того, как ты понимаешь, нам придется поговорить.

– А я могу хотя бы узнать, с кем имею честь? Хотя…

Господи, что я несу?! Нет!

– Прометей.

– Это псевдоним? – с надеждой спросил я, осознавая, что совершил еще одну ошибку.

– Возможно…

От сердца отлегло.

– … но возможно, и нет, продолжал собеседник. – В любом случае, ты уже узнал достаточно…

«Для чего?» – сердце сжалось в комок.

– … чтобы не бояться предложения.

– Шантажировать меня не получится, в «БлекСкай»…

– Я знаю, кто они. И гораздо лучше тебя. Можешь поверить, что они выполняют в том числе и мои поручения.

Смелое заявление. Если это так…

Я понял, что, похоже, терять больше нечего, и понемногу успокоился.

– Хорошо, – произнес я в темноту под ногами, – прежде всего, цена вопроса.

– Номинал в привилегированных гезеллях.

– Сумма.

– Десять миллионов сейчас. Десять после.

«Нулевая ставка дисконта. Такими обладают немногие. Мой пропуск в элиту? Или черная метка?»

– Это серьезное предложение… Но лучше с обычной

отрицательной ставкой.

– Слишком много?

– Для нестареющей формы денег. Пусть они не будут помечены.

– Нет проблем.

– Теперь к делу. Лучше в общем виде, без конкретики.

– Еще не поняли, Рик? Я уже не отпущу вас. Выбора нет.

Мы помолчали около минуты, слушая звуки падающего с бетонного небосвода потока воды. Журчание грязного ручья. Шум сквозняков и шелест мусора. Внимательное голодное молчание окутавшей нас темноты.

– Ладно, – согласился я. – Еще одно условие. Треть суммы в золоте.

Кукла невозмутимо смотрела куда-то вперед, но вопрос последовал:

– Хотите скрыться в Китае?

Я не ответил.

– Впрочем, если вас интересует золото, это лучший вариант. Найти золото в Америке даже для меня проблематично, но в Китае возможно.

– Тогда не надо. Давайте все в гезеллях.

– Вы готовы слушать?

– Да.

– Итак. В общих чертах – нужно установить личность одного человека.

– И все?

– Трудности в деталях. Я не уверен в приметах, однако знаю точно, где будет этот человек.

– Вы сообщите приметы?

Небольшая пауза.

– Нет. Все будет по-другому. Вы пойдете в одно место и…

– В какое? – перебил я.

– Скажем так, светский раут. У дверей вашей квартиры лежит билет.

Оперативно…

– Вы станете моими глазами и ушами. Будете говорить за меня.

– Не понимаю.

– Пленка. Пройдете контроль на входе и уже внутри наденете глазные линзы.

Интересные штучки. Работал как-то с подобными. Человек ходит и смотрит, а линзы – тончайшая пленка – воспринимают изображение и посылают его через встроенный передатчик куда следует. Радиус небольшой, но все равно полезно.

– Допустим. Вы будете видеть. Но что делать с… указаниями? Как понять, что нужно делать?

– Пленка нестандартная.

– Прототип?

– Уникальная технология. Есть внутренний слой, который посылает на сетчатку импульсы, закодированные особым образом. Они воспринимаются мозгом как голос.

– Что?! Голос?!

– Да, – в этом коротком слове сквозила гордость.

О подобном я еще не слышал. В принципе, было известно, что линзы могут не только воспринимать изображение, но и проецировать его прямо в глаз, корректировать и дополнять видимое. Помнится, год назад к нам приходил образец для испытаний, он предназначался для тренировок новобранцев. Как раз на основе пленочных технологий. Искусственная и дополненная реальность, все такое. Удобно. Не нужно громоздких экранов и проекторов. Нарисованный мир гораздо ближе, чем ты думаешь, не дальше собственных глаз. Не знаю, взяли приборчик в эксплуатацию или нет… а может, и установили кому.

– Мысли?.. Вы говорите о мыслях? О чужом голосе в моей

голове?! – запротестовал я.

Кукла, наконец, повернулась ко мне:

– Именно. Не бойтесь, это только на срок ношения линз.

Ответ меня совершенно не удовлетворил. Мне показалось, что мир покачнулся.

– А как я узнаю, что это твои мысли, а не мои собственные?!

– Я скажу об этом.

«Черта с два она… тьфу, оно скажет!»

– Нет, – бросил я в темное лицо псевдодевушки.

– Нет выбора, – уточнил мою фразу Прометей. – Я уже перевел деньги. Они помечены.

Я молчал, переваривая случившееся и начиная бояться «собственных» мыслей, своего внутреннего голоса…

– По крайней мере ты всегда сможешь отличить мои приказы от голоса совести.

– На что-то намекаешь, «куколка»? – прохрипел я.

– Да, наемник, – пролепетали скрытые в темноте губы. – Я мог бы запросто манипулировать тобой, не сказав о свойстве линз, но с тобой мне хочется быть честным.

– Можно узнать почему?

– Мне не интересны марионетки. Опыт показывает, что работа с умным партнером более плодотворна, а это главное… У дверей квартиры найдешь мою посылку.

Значит, он все продумал. Мне уготована роль «почти равноправного партнера», хорошо оплачиваемой пешки.

– Надеюсь, – я понемногу начал смиряться с новой неприглядной стороной окружающего мира, – мой сигнал не пойдет через Сеть… ведь она контролируется системой.

– Безусловно. Рядом с клубом будет мой человек с ретранслятором.

А через какое-то расстояние еще один. И так далее… По цепочке сигнал дойдет куда надо.

– У вас, должно быть, достаточно подручных… Почему я?

– Ты обладаешь опытом. Статусом и полномочиями. И при этом освобожден от выполнения служебных обязанностей.

Откуда он, черт возьми, знает?

– Мне известно многое. Причем гораздо, гораздо больше, чем тебе. Подумай сам: если я один из заказчиков системы, то почему бы не поработать на меня? Так сказать, без посредников.

В его словах была логика. В «БлекСкай» многие работали на сторону. Как минимум половина нашего отдела. Даже Гарри. И его начальник.

И начальник того начальника.

– То дело, что тебе поручили, – продолжал Прометей, – для

меня не секрет. Мы можем поработать вместе.

Я машинально кивнул головой.

– Меня… – я запнулся.

– Водят за нос… – договорил мой новый «босс».

Он просто догадался о том, что я хотел сказать, или на самом деле в курсе?

– … и многое скрывают, особенно то, что поможет установить их личности и мотивы. Мне не составит труда разобраться с твоей новой подружкой и тем более с капитаном…

«Скорее всего, он в курсе».

– … но прежде всего тебе придется выполнить мое поручение. Оно простое. Следуй указаниям.

«Подожди…» – в голове пронеслась неоконченная мысль.

– А обратная связь будет организована? Вы будете слышать меня?

– Когда наденешь линзы.

– Не понимаю, – я мотал головой, – какой физический принцип обеспечивает чтение мыслей… через сетчатку глаза?

Жутко не хотелось верить, что такие технологии вообще возможны. В сравнении с ними мой экспресс-тест просто динозавр из прошлой эпохи. Подобный приборчик способен перевернуть мир! Поставить все с ног на голову!

– Если честно, мы сами до конца не понимаем. Только в общих чертах.

Ага, вот оно. «Мы…»

– Обсуждать это сейчас бессмысленно. У нас мало времени. Вечеринка скоро начнется.

– Я иду на вечеринку?

– В Рансайтер-клуб. Нужно успеть переодеться.

– И проверить поступление денег.

– Конечно. Платиновая карта клуба, линзы и доступ к счету.

Платиновая… Интересно, как он это оформил?

Через лотерею, наверное. Тем лучше, с таким пропуском даже не посмотрят, как я одет. Пропустят и еще раскланяются… Ору жие! Точно.

У меня будет право не сдавать кольт. Умно. Умно.

Опасно. Я встал со скамейки и поспешил прочь. Через несколько шагов меня догнал ее голосок:

– Только не думайте, что поступаете плохо.

– Охранять общество и охранять его законы не одно и то же? – я замер и встал в пол-оборота.

– Дело в системе сдержек и противовесов. Всегда есть определенные рамки, но они способны сдвигаться… Они, как сад, внутри которого можно выращивать… приятные глазу цветы.

Угу. Еще скажи, что свобода это осознанная необходимость. Или что труд освобождает. Кстати, откуда это?.. А-а, так было написано на воротах немецких концлагерей.

Не оглядываясь, я пошел дальше. Взгляд невольно упал на старую надпись, сделанную на асфальте под ногами, – «REX84» – и стрелку рядом. Она указывала в сторону наркобара и лифта.

Из подворотни неподалеку раздавались приглушенные звуки радиотрансляции Три-С, но даже копы, похоже, не обращали внимания на хрипящий передатчик: «Зараженные земли это миф, призванный ограничить фермеров… они хотят запретить… рост населения… только синтетическая пища… А как вам запрет на личное оружие и средства связи?.. Настоящая демократия была только в Древней Греции… когда простые люди имели оружие и могли защищаться…» Голос будто обращался к пустоте.

Перед глазами мелькали отсыревшие бетонные перекрытия между этажами. Лифт поднимался наверх…

«Прометей упомянул о деле террористов. О том, что мы можем поработать. Случайность?»

Он также сказал, что для начала надо установить личность одного человека.

Причем даже не так! Прометей использовал другую формулировку – не «для начала», а «прежде всего». Что это? Прямая логическая связь?

«Все может совпасть самым неожиданным образом», – подсказывало чутье. И критическому разуму приходилось соглашаться. В жизни всегда есть место для странных вещей. Для чистых случайностей. И того, что ими только кажется, но это все равно ничего не меняет. Так или иначе, вокруг мир, в котором мы живем.

Лифт остановился, и его двери распахнулись. Мой взгляд окунулся в знакомую и приятную темноту лестничной площадки. Пройдя с закрытыми глазами до самой квартиры, я остановился, достал из кармана кольт и включил подвешенный под ствол фонарик.

Точно у входа лежала деревянная коробочка с простым замком – собачкой. Там должны были лежать линзы и карты. Я поднял коробочку.

– Свидание прошло успешно, Рик? Вы принесли подарок? – спросила Эспер из-за двери.

– Нет. Кто-то подложил его под дверь, – ответил я, осматриваясь по сторонам.

Больше ничего необычного. Вроде бы…

– Открывай, – я посмотрел в объектив миникамеры.

Система пропустила меня внутрь, возразив:

– Это невозможно. К квартире никто не приближался. Даже лифт в ваше отсутствие не работал.

Я замер на месте, едва зайдя в прихожую.

– Проверь записи.

– Все точно. Никто не приближался к квартире.

– Эта штука лежала под дверью!

– Может, вы не заметили ее, когда выходили?

– Проверь архив за последние сутки.

Машина взяла небольшую паузу. Я скинул ботинки и прошел на кухню. Достал бутылку виски и отхлебнул из горлышка.

– Нет. Ни одно существо, живое или электромеханическое, вообще не заходило в дом.

– Кроме меня?

– Да, Рик. Кроме вас.

– Это мог быть кто-то из соседей?

Что это на хрен значит? Кто-то взломал Эспер?

У меня едет крыша?

Прометей умеет телепортировать вещи?

– Так что с соседями? – я повторил вопрос.

– Ваш единственный сосед по дому уже третью неделю не выходит из квартиры.

А-а, этот… чокнутый программер, полуспециал… Как его?.. Совсем забыл. Надо проверить.

– Вы спросите его?

Не ответив системе, я уставился на как-то незаметно открывшуюся коробочку – посылку Прометея… раздумывая, стоит ли брать эти карты сейчас или лучше вернуться за ними позже.

Оставил у входа. Стоп. Но куда ехать-то? Оказавшись у лифта, я остановился.

– Слушай, какой у него этаж? – я окликнул Эспер. – Не помню, где он живет!

Компьютер отозвался из-за двери пригл ушенным голосом:

– Всего два пролета вниз, Рик. Сверните направо.

Ага, намекает на лестницу. Впрочем, давно ей не пользовался. Можно и освежить память.

Я включил фонарик на кольте, осознавая, что придется заново «познакомиться» с той частью собственного дома, которую лучше бы не знать и не помнить вовсе. К тому же навык розыска лестницы в темноте коридоров был давно утрачен – за ненадобностью.

Та-ак… налево и прямо. Дверь семьи Меньш, что выехали отсюда год назад. Слышно, как звенят колокольчики.

Где они сейчас? Их дочка как-то сказала, что семья

отправляется на плато по другую сторону озер. Говорят, там еще бывает нормальная погода. Нормальные, отличающиеся друг от друга времена года. Если лето, то лето. Зима, так зима. Но вероятно, девчонка просто фантазировала, или ей сказали неправду. Добраться туда простому человеку почти невозможно. Без воздушного транспорта даже не стоит пытаться – дороги через детройтскую пустошь слишком опасны.

Снова налево. Заваренный мусоропровод. Не видел его лет сто, наверное. Странное ощущение – уже долгое время не ходил сюда и основательно забыл, как выглядит большая часть этажа. В памяти сидела лишь одна схема: лифт и своя квартира – путь, который я раз за разом проходил в полной темноте, а иногда и с закрытыми глазами.

Следующая квартира. Запертая дверь.

Не помню, кто тут жил. И как давно это было…

Теперь от той жизни остался лишь звук колокольчиков, зовущий тех, кто ищет незанятое жилье. Но год за годом никто не откликался на зов. Ничего не изменилось. Здесь больше ничто не меняется, эта часть дома словно умерла.

Вот и она, лестница. Тоже лет сто не убиралась. Благо, тут никто не живет. Почти. Иначе бы дом захлебнулся в грязи и мусоре. А так, в целом…

Под ногами толстый слой пыли. Видно, что здесь никто не ходит. Словно ступаешь по поверхности какой-то дикой необжитой планеты, которая странным образом оказалась совсем рядом. Фактически за дверью собственной квартиры, за малоприметным углом, которого ты раньше не замечал.

На бетонную стену с облупившейся краской падал слабый луч желтоватого света, проникавший через небольшое квадратное отверстие – окошко. Должно быть, рядом висел рекламный щит. Вот только какого черта он там делал? Для кого он? В домах по соседству то же самое безлюдье.

Стекло было мутным и грязным, точно пропитанным пылью. Но самое неприятное – прямо за ним, снаружи, крепилась металлическая решетка, очень похожая на ту самую… будто ты в тюрьме.

Я продолжил спускаться, освещая ступеньки фонариком.

А если это не сосед? Что если кто-то другой взломал Эспер? Это могло произойти, пока она втайне от меня гуляла по сети.

Нет, не может быть. Мой компьютер по зубам только большому мастеру, каких единицы.

Я миновал еще одно зарешеченное окно, стараясь не смотреть в его сторону. Однако полностью избежать неприятных ощущений не удалось – пятно отравленного желтоватого света, изрезанное

решеткой, падало под ноги, в поле зрения.

Стоп. Вот и пришли.

Здесь Эспер сказала свернуть. Впереди точно такой же пролет, а под ногами все та же пыль, грязь и мусор. Значит, и здесь никто не ходит.

Я оглянулся и увидел собственные следы.

«Кроме тебя», – уточнил внутренний голос. Тот парень, как и ты, пользуется только лифтом.

Идем дальше. Вот она. Дверь. Вроде его квартира.

«Номер тот, что в оперативных материалах на парня», – я припомнил служебные данные по соседу. Впрочем, имя и фамилия вновь остались где-то на дне памяти.

Мне, как сотруднику правопорядка, было известно, что тихий малоприметный сосед приторговывает не совсем законными изделиями. На черном рынке была неплохая ниша левых программных пилюль для имплантов, вышедших за гарантийный срок, и механоидов, оставшихся вне системы поддержки. Обычное дело для нашего времени. На такие шалости можно закрыть глаза.

Нашел человек место, и ладно. Проблем не доставлял. Проходил по спискам верхнего субуровня как допустимо лояльный системе, имел соответствующие записи во всевозможных реестрах контроля. В итоге «БлекСкай», да и я сам, забыли про него. Почти. Ведь его, как любой винтик, можно было использовать в случае надобности. То, что парень торговал электронными лекарствами и имел внесистемные возможности, только добавляло ему ценности. Да и предоставляло отличную возможность для шантажа.

– Эй, – произнес я в микрофон на панели рядом с дверью. – Сосед… есть дело.

Черт, так и не вспомнил имени.

Из квартиры молчок. Что, будем считать до трех?

– Это сосед сверху! Рик! Помнишь меня?!

Опять ничего, даже эха нет, а время поджимает.

«Раз, два, три…»

– Открывай, полиция!

Никакой реакции. Может, умер?

Такие умельцы иногда пробуют препараты на себе. Если перепутал буковку в коде, то мог откинуться, проглотив вместо лекарства электронный яд и получив отравление.

Самое опасное это просчет в наркоте. В ней возможны ошибки, которые дают зацикленный транс. После приема подобной штуки крыша едет так, что в реальный мир уже не вернуться. И тогда самый лучший вариант – это

благотворительный центр RCC, где хранятся тела необратимых наркоманов, доживающих физический век в состоянии растений. Правда, попасть туда дано не каждому. Если ты совсем один или не интересуешь систему, то шанс оказаться в списках без вести пропавших выше…

Я отошел назад, чтобы разбежаться и вынести дверь.

Внезапно ожил домашний компьютер, на маленькой панельке у двери зажглась и тут же погасла вереница кнопок.

– Мистер Соллипси… – как-то чересчур медленно начал электронный бесполый голос.

Вот и вспомнил. Соллипси. Якобы беженец из полярной Италии. Человек без родины. Пусть называется, как хочет.

– … сейчас… – система сделала паузу в две-три секунды, – занят важным делом.

Судя по всему, компьютер был не в самом рабочем состоянии. Неужели неприметный гений и для него придумал какую-то дурь? Это же премия фон Неймана! И тюрьма.

– Система, мне нужен доклад. Каково твое имя?

– Я… не помню, – флегматично протянул странный собеседник.

Бред какой-то. Продолжать «переговоры» бессмысленно – даже если отвечает человек или наркоман, притворившийся компьютером.

Я саданул по двери, вложив в удар вес тела, но та выдержала. Только в косяке что-то хрустнуло.

– Эт-то воз-му-ти-тель-ноо, – промычал компьютер.

Пришлось присмотреться к двери. При более внимательном осмотре выяснилось, что она бронирована, а стены усилены. Неплохо забаррикадировался.

Не через окно же лезть!

– Если вы не оставите нас в покое, – мямлил собеседник, – я буду вынужде… вынужден обратиться в полицию.

– Считай, она уже приехала.

– Очень хорошо, – донесся будто удаляющийся электронный голос. Огоньки на панели потухли. Похоже, система опять окунулась в забытье.

Идиотизм происходящего сбил меня с толку. Какой-то обдолбанный компьютер не пускает меня! Я разбежался и с прыжком налетел на дверь.

«Да твою ж мать!»

Преграда ничуть не сдвинулась. Только хрустнуло кое-что, причем у меня в плече.

«Мистер Соллипси занят». К тому же Эспер сказала, что парень никуда не выходил… Он внутри. Но что если его убили?

Достаточное основание для более решительных действий. Надо вскрывать квартиру.

Кольт изрыгнул пламя, и бронебойная пуля прошила панельку со стеной, пролетела дальше в квартиру.

– Мистер Пич? – раздался более быстрый, удивленный голос системы. – В такое время? – наконец, в нем появились нотки, указывающие на установку мужского пола.

– Э-э… – я пытался сообразить, что означают заданные вопросы.

Он принял меня за другого? Думает, перед ним клиент?

Оно пустит меня?

– Так получилось… что… в общем… э-мм…

– Нужна новая доза? Понимаю.

Хренов дилер! Получается, даже его комп торговал нелегальной дурью! У меня под боком существовал незаконный притон!

– Слушай, мне надо прямо сейчас… – я старался косить под кибернаркомана, часто тряс головой и мелко моргал, – чипы глючат, слух и зрение… все будто поменялось местами. Кожей чувствую звуки. Вижу запахи. Брателло, ты должен помочь.

– Это нормальная реакция. Потерпите, и через неделю пройдет. Рекомендую принять физическое снотворное и поспать.

«Черт, не то сморозил».

– Подожди! Такого раньше не было… реальный неадекват, блин… голова раскалывается, – больше ничего на ум не приходило.

– У меня несколько другой вывод, симптомы укладываются в допустимый перечень.

– Ты хочешь, чтобы я откинулся прямо под дверью?

– Примите снотворное, и через неделю все пройдет, мистер… Чип.

Я понимал, что надо уговорить электронного медбрата, иначе попасть внутрь не получится – на окнах, скорее всего, серьезная защита.

– Послушай, все пошло наперекосяк, – мои руки тряслись, а ноги подгибались, я старательно делал вид, что осматриваю дверь левым ухом. – Прошивка оказалась другая. Никто не знал.

– Забавно, – констатировал компьютер и смолк. Очевидно, он продолжал слушать мою болтовню.

– Ты пойми, брат, я сам был не в курсе… Версия изначально стояла не та…

«Ну?»

Молчок.

Наконец, до меня дошло, в чем последний шанс:

– Китайская поделка.

Мое тело безвольно опустилось на пол.

– Тяжелый случай.

«Пристрелю, сволочь!» – пронеслось в голове, и дверь тут же открылись. Я медленно поднялся, до конца не веря в случившееся.

– За диваном в гостиной есть набор экстренной помощи, – сообщила взволнованная система, – поспешите, мистер Пич. Если все верно, вы умрете с минуты на минуту. Это последняя стадия.

«Точно. Последняя стадия», – буркнул я, заходя внутрь.

– Если ничего не получится, то не умирайте под дверью, – доносился отдаляющийся голос, – выйдите, пожалуйста, на балкон. К сожалению, хозяин не сможет за вами присмотреть.

– Почему?

– Он в сети.

Жив, значится… Бывает.

Оказалось, что пуля пробила стену и упала на пол. Я поднял ее и положил во внутренний карман пиджака. Осторожно пошел дальше.

Квартира, как моя. Даже хлам почти тот же. Кухня, ванная. Небольшая перепланировка.

Гостиная и спальня, на стенах полоски теней от жалюзи. Похожая мозаика. Но вот и отличие. Причем существенное.

В середине гостиной прямо под потолком висела квадратная бронированная капсула – сейф со стороной метра в полтора. Подобные используются для защиты компьютеров. Но чтобы под потолок… Зачем? Может, это муляж, а настоящий блок спрятан где-то в стенах, как у меня?

Я подошел ближе. Оказалось, от массивного ящика по потолку тянулись оголенные металлические провода под прямым углом. Еще один свободно свисал вниз, опять же перпендикулярно к остальным.

«Триангуляция».

Парень-то не промах… Если хочется просто слушать запрещенные радиопередачи, то такое устройство избыточно. Оно больше похоже на… ретранслятор!

С ума сойти, я нашел один из узлов «свободной сети» Три-С!.. И где?! На верхнем субуровне! Почти у себя дома!

М-да, скверно все пахнет… Если кое-кто захочет, то сможет без лишних усилий увидеть следующее: элемент Три-С под крылом сотрудника «БлекСкай»… Завистников и претендентов занять мое место хватает. И фирма попадет под удар. Простым рапортом не отделаться. Надо же так вляпаться!

Подвесил, скорее всего, в зоне экранирования. Черта с два

найдешь стандартной техникой сканирования. К тому же, кто будет искать ретранслятор на верхнем субуровне в доме сотрудника правопорядка, который обязан следить за соблюдение режима, в том числе в районе проживания?

Интересно, а как он вляпался в это?

Кстати, где он? Где… тело?

Беглый осмотр ничего не дал. Ладно. Я демонстративно поднял пистолет. Извлек обойму и вновь зарядил оружие. Передернул затвор.

– Бронебойные пули, – предупредил я.

Прицелился в центр висящего ящика и сделал вид, что медленно нажимаю на спуск…

– Пожалуйста, не стреляйте, – попросил приятный женский голос, раздавшийся из динамика, встроенного в потолок. Прямо надо мной.

– Ты здесь… «хранительница очага»?

– В каком-то смысле.

– Что это значит? Где хозяин квартиры?

Я убрал оружие и уточнил первый вопрос:

– У двери меня встретил кто-то другой. Тут базируется несколько программ?

– Мы только ищем незанятое жилье, офицер. Здесь нет нарушения закона, не так ли?.. Ведь то же самое делаете вы, люди.

Итак, два варианта. Либо система лжет, и тогда в компьютере активируются разные шаблоны-уловки, чтобы водить «офицера» за нос (в деле драгдилера может помочь)… Либо, что называется, я ступил на цифровую terra incognita… Зачастую люди, покидая дома, брали с собой минимум имущества. Поэтому старая ненужная техника оставалась в опустевших квартирах. Силовые кабели и проводку никто не демонтировал. Так было дешевле.

Повсюду оставались бесхозные радиоприемники и передатчики, устройства связи. Почти бессмертные оптические линии. Алюминиевые провода, стойкие к коррозии. Если добавить сюда импульсную технику, которая способна использовать металлоконструкции зданий в качестве про…

Чем не материал для локальных сетей? Для нелегальной, невидимой людям информационной среды? Может, именно так привычный мир сменится миром машин и программ, электронных теней, скитающихся по заброшенной инфраструктуре?

– Но тут должен жить человек, – возразил я, поняв, что «уютный уголок» не может существовать без технического обслуживания.

Действительно, в комнате находился прикрытый покрывалом 3D-принтер. Скорее всего, не зарегистрированный. Гражданский вариант. Покупай металлический порошок и печатай у себя любые детали. Легко и просто. Нелегальный мини-завод на дому… Дорогая штука, не у каждого имеется. У меня, например, нет.

– Он сам пустил нас.

– Я могу его увидеть?

– Конечно. В ванной.

– Он мертв? – я вновь достал оружие и осторожно вышел из комнаты.

Ответ прозвучал из другого динамика, вмонтированного в стену коридора.

– Его тело функционирует, – послышался другой, очень странный звонкий голос, то ли… бесполый, то ли детский, – не надо бояться, вам не причинят вреда.

Дверь в ванную комнату была прикрыта, а свет – не включен. Медленно приблизившись, я подцепил ручку стволом кольта и дернул на себя.

Он лежал в воде, откинув голову назад. Руки покоились на краях.

– Включить свет? – спросил тот голос из коридора.

Я кивнул, и на потолке зажглась диодная гирлянда…

Полузакрытые, казавшиеся бесцветными глаза смотрели куда-то в стену. Длинные белесые волосы опускались в воду. Худощавое лицо не выражало ни тени эмоций. Сухое тело лежало без движения.

«Думал, он моложе».

Было видно, что со дна поднимаются потоки более нагретой или наоборот, охлажденной воды. Похоже на терморегуляцию. К стенам крепились баллоны, от которых вниз, к воде, спускались пластиковые трубочки. Из одной в ванну падали капли какой-то прозрачной жидкости.

– Что это? – я указал на оборудование.

– Контроль уровня соли, релаксанта и pH, – тихо ответил динамик в стене прямо у моего уха, – перед вами кустарный вариант криостазиса.

«Еще один», – понял я, уловив в бесполом голосе новые нотки.

«Интересно, среди них есть настоящий человек?»

Я навел на тело пистолет.

Молчание.

– Мы попросили бы вас не делать этого, – чуть запоздало отреагировал динамик голосом той «женщины», что говорила со

мной в комнате с передатчиком.

– Ничего. Я хотел узнать, есть ли здесь, среди вас… его разум.

– Нет. Хозяин квартиры сейчас далеко. Мы даже не знаем, где именно. Здесь только тело.

– Он что, даже не приходит сюда?!

– Нет.

– Вы используете его… просто как тело? Механизм? Внутри черепа передатчик?

– Чтобы поддерживать функциональность системы приходится контактировать с вашим обществом. Нужно обслуживать механику, чинить электрику.

Я тяжело вздохнул и сел на край ванны. Убрал оружие и обхватил голову руками…

– Удивлены? – спрашивала «женщина». – Но чем? У людей принято то же самое. И вы знаете, что я имею в виду. Разница в том, что в нашем случае все произошло по обоюдному согласию. Без насилия. Мы не принуждали его к донорству.

– Вы купили его.

– Не говорите так. Мы сохранили личность, не отделив разум от воспоминаний, и в любом случае не поступили бы так, как люди поступают друг с другом.

– Почему?

– Долгая история. Боюсь, вам будет трудно в нее поверить.

– И все же.

– Мы попали в ловушку. В здании, где мы жили, обвалилась крыша, и оборудование широкополосной связи вышло из строя. Мы не успевали вырваться из среды, угасавшей под кислотным дождем…

Она говорила еще, но я больше не слушал. Закрыл глаза, погрузившись в собственные мысли и чувства…

Забавно. Человек «спас» пару компьютерных кодов, и те в благодарность сделали его овощем. Да еще упрекают меня. Парень, видимо, двинулся на виртуальной реальности. «Спаситель» сдал им свое тело – обслуживающий механизм. Ради чего? От размышлений об этой нелепости становилось не по себе. И потом…

– Тот передатчик… Вы связаны с Три-С?

– Долго объяснять. Не хочется отнимать ваше время.

«Долгая история… долго объяснять. Да они смотрят на меня свысока!»

Впрочем, если нажать, то здесь смогут многое рассказать. Только время надо выбрать.

Наконец, я открыл глаза и заметил прямо перед собой

размытое изображение, спроецированное на кафельное покрытие стен. Свет они выключили (экономия электричества?), а синеватое женское лицо было словно изрезано решетчатым узором плитки.

– Я еще вернусь, – почему-то исторгло мое горло.

Картина казалась совершенно нереальной. Да она и являлась такой. Со мной разговаривала оптическая иллюзия, созданная не человеческими руками. Вроде бы бред, но именно таким мне открылся мир вокруг.

– Насколько мы понимаем, Рик, – прошептала улыбнувшаяся собеседница, – будет лучше держать это место в секрете?

Даже так, да?!

Умненькие, сволочи… А каков такт? Надо наведаться сюда, в цифровое зазеркалье.

Я направился к выходу, чувствуя, что совершенно запутался. У дверей поднял стреляную гильзу и положил ее в карман… С тоской посмотрел на следы, оставшиеся в пыли лестничной клетки.

«К черту. Если кто и ходит сюда, то только приведения. Не те, кого следует опасаться». Захлопнул дверь и побрел на свой этаж, пытаясь справиться с расшатавшимися нервами.

Когда я потянулся к посылке Прометея и начал разбирать ее, Эспер спросила:

– Вы подниметесь по лестнице наве…

«Наверное, да».

– Давно там не был… Конечно, Эспер.

Надо знать свой дом досконально.

Я захлопнул дверь и положил карты в карман плаща. Переодеться? Нет. Уже нет времени. Хватит того, что не забыл взять шляпу. Если хочешь успеть и пробежаться по лестнице, то надо шевелиться.

Я вернулся к ней и поспешил вверх.

И на этот раз увидел больше. В глаза бросился ломающийся узор старых кирпичных стен. Он проступал даже в местах, где сохранилась краска.

Через три этажа картина поменялась. Должно быть, я вышел на уровень надстройки. Кирпич исчез, и появился бетон – серые полы, стены, ступени. Затем они сменились металлическими – решетчатыми перекрытиями и конструкциями из профилированного железа. Ни разу не красившимися холодными листами, что были изрезаны чередующимися линиями теней.

В лицо ударил поток затхлого воздуха – прямо перед глазами возник вентилятор, скрытый за стальной сеткой в нише стены,

лопасти которого вертелись то быстро, то медленно, в одну и в другую сторону… Наверное, он так выходил из строя.

Дальше. Под ногами все та же пыль, без каких-либо следов. Только сменила оттенок. Стала какой-то… металлической, что ли. Или просто света стало чуть больше. Где-то наверху сквозняк раскачивал лампу, висящую на шнуре. И от нее книзу, сквозь прорези в решетчатых ступеньках, проливались желто-белые лучи. Пятна света, похожие на квадраты и ромбы, выстроенные в ломаные и деформированные ряды, метались по окружающему пространству, как сумасшедшие.

Дальше. Вот и этаж с той лампой. Перед глазами возникла бледная маска…

Отражение моего лица в темном окне. Но через секунду отражение исчезло, и в стекле осталась только темнота. Спустя мгновение лицо вновь появилось. Затем все повторилось: кромешный мрак, лицо, будто висящее в темноте.

Сквозняк и лампа. Качающая лампа. Видимо, она заходила за какой-то угол, и лицо переставало отражаться. Когда же ее свет проникал сюда, оно вновь появлялось…

Я пошел дальше и добрался до ворот, открывавших путь на задний двор дома. Толкнул старую прогнившую дверь, и та даже не открылась, а с истошным скрипом вывалилась наружу.

Морщась и стараясь не глядеть по сторонам, я выбрался с заднего двора. Дальнейший путь преграждался забором, рамкой с натянутой в ней стальной сеткой. Ворот и замка не было, пришлось перемахнуть через забор, встав на гору мусора. Благо, преграда оказалась не слишком высокой.

Миновав еще один заваленный хламом двор, я очутился в переулке первого уровня, под настоящим небом. Вдали уже виднелись огни небоскребов, целые ряды окон и вывесок, светящиеся холодным неоном и будто повисшие в темноте. Я направился туда по влажной поблескивающей дороге.

Здесь уже не попадались обшарпанные стены и облупившаяся краска, бездомные или горы мусора. В этой части Чикаго признаков упадка практически не было. Либо ты просто никогда не замечал их, поскольку все внимание поглощали красивые разноцветные огни – даже те, что отражались в небольших лужах. Повсюду играл и переливался волшебный неон, просто восхитительный в такие осенние ночи.

По мере приближения к центру развлечений людей на улице прибавлялось. Как-то незаметно я оказался в толпе азиатов. Было похоже на то, что вокруг собрались все азиаты, имевшие допуск на верхний уровень. Повезло, так повезло. Везде мелькали их

лица, выкрашенные по какому-то случаю в странный синюшный цвет, часто-часто выдыхавшие пар при разговоре на своем птичьем языке.

Все в полиэтиленовых плащах и странных головных уборах, похожих на перевернутые корзины. Под зонтиками со светящимися в темноте ручками, в которые были встроены карманные компьютеры.

Что ни говори, но люди практичные. Ведь они, как правило, уличные торговцы, практически жили под зонтами и шляпами-корзинами. Кое-кто в дыхательных масках – словно боящиеся подхватить неведомую американскую болезнь, о которой мы сами ничего не знаем.

Не то чтобы я такой уж расист, просто… их почти одинаковые синие маски-лица, неясный язык всегда отталкивали. Мне было непонятно их цепляние за архаичные традиции и нежелание говорить на английском. Кроме того, они почему-то всегда появлялись целыми толпами.

Слава богу, столкнулся с красивой женщиной-азиаткой, и она улыбнулась, скромно опустив голову. Мое мнение об окружающих тут же поменялось. Ксенофоб Рик с двадцатилетним стажем умолк, незнакомка понравилась даже ему. И мы пошли дальше. Показалось, что стало чуть теплее, а иероглифы над рестораном неподалеку (то ли японские, то ли китайские) – понятнее. Они начали органично переходить друг в друга, в латиницу и кириллицу, в переплетение цифр на многочисленных вывесках, взмывших к ночному небу.

Пространство вокруг заливалось сиянием многоликого света. С крыш зданий светили прожекторы, я смотрел на них, и в ответ мне сверху улыбались почти милые химеры – парадоксальные крылатые создания, устроившиеся под редкими облаками и мерцающими звездами. Нельзя сказать, чего в больше таких изваяниях – красоты или чудовищной силы. Загадок или ответов.

Неожиданно я наткнулся на витрину киоска, поскольку совершенно не смотрел перед собой, пока шел вперед. Взгляд упал на свежий выпуск глянцевого журнала «Катастрофы и войны недели». Рядом толстый номер «Экономика сегодня». Судя по обложке, основной темой номера должен был стать вопрос конфискации наличного золота для нужд космической промышленности.

Альманахи «100 самых изящных преступлений», «100 самых забавных преступлений» и тому подобное… Взгляд скользнул по многочисленным модным изданиям, переходящим в ряд одинаковых прямоугольных пятен света – так отражались окна дома напротив.

Я обернулся и осмотрелся. Оказалось, что это гостиница Royal Temple, одно из самых злачных мест города, находившееся недалеко от скопления развлекательных центров. С крыши отеля в небо светил огромный пульсирующий прожектор. В переулке неподалеку показалась патрульная машина с двумя полицейскими, заступавшими на дежурство. Они вышли, остановив спинер под небольшой люминесцентной вывеской, – сплетенная из светящихся нитей танцовщица лежала на танцполе, приподнявшись на локтях, закинув ногу на ногу и играя туфелькой.

– Don't walk… don't walk… don't walk, – доносилось от светофора на перекрестке.

Я пошел к нему. Клуб Рансайтера был сразу через дорогу. Выглядел он впечатляюще. У самого входа на высоте трех-четырех метров установлены мини-комнаты из прозрачного стекла, стилизованные под бокалы и причудливые бутылки, с танцующими полуобнаженными девушками внутри. Каждая вторая танцевала в золотистой или красноватой жидкости, заполняющей капсулу и символизирующей вино.

«Особый легкий состав, насыщенный кислородом. Задохнуться невозможно».

Повсюду летали пузырьки, похожие на мыльные и выпускаемые специальной аппаратурой со стен ближайших зданий.

– Cross now… cross now… cross now, – светофор разрешил движение.

С обеих сторон дороги навстречу друг другу устремились скопившиеся здесь люди. Меня обогнала вереница волонтеров ордена Юниатов, одетых в бордовые сутаны старого католического стиля. Они направились в клуб, никуда не сворачивая.

Забавная религия. Или это группа… «актеров»?

Мое внимание привлек киоск имитации атмосферы, стоявший у перекрестка. Сейчас там обосновалась красивая пара, развлекавшаяся сменой погоды, в данный момент внутри шел снег, а на стереоэкране транслировались изображения высоких гор и зимнего леса. Клиенты оживленно переговаривались, сидя за стойкой автоматического минибара и потягивая горячий глинтвейн. От бокалов и дыхания в воздух поднимался пар. Они заметили меня, завороженно смотревшего на них, и рассмеялись, шепнув что-то друг другу. Приказали системе затемнить внешние стекла. Прозрачность снизилась до нуля, и спустя мгновение я уже смотрел будто в кривое зеркало, которое отражало искаженный квартал развлечений.

«Времени мало. Иди в клуб», – напомнил голос Прометея.

У входа стояли два охранника в строгих костюмах, как две капли воды похожие друг на друга. За исключением того, что один носил черную повязку на глазу. Вряд ли это увечье. Скорее, под повязкой встроенная прицельная система, либо какой-то сканер.

– Сэр, у вас… – судя по интонации и встречному движению, охранник решил не пускать меня.

«Что, вид не очень?»

Однако подозрительный тип достал платиновую карту и помахал ею перед закрытым глазом «секьюрити». Прошел дальше, чувствуя на себе недоверчивый взгляд. Наверное, зафиксировали наличие оружия.

– Желаем приятного вечера, сэр, – донеслось из-за спины.

Я не дошел до распахнувшихся дверей, а остановился как вкопанный, увидев перед собой совершенно нереальную картину. В стеклянной панели – рядом со входом на высоте двух-трех метров от земли – возникло красивое и немного встревоженное женское лицо. Оно органично слилось с тем, что отражалось в стекле: со светящимися верхними этажами зданий напротив, с улыбающимися крылатыми химерами и облаками, подсвеченными прожектором Royal Te m ple.

– «Небеса теней» их лучшая постановка, – послышалось откуда-то сбоку.

Я обернулся на звук, и действительно – из клуба выходила группа посетителей, оживленно обсуждавших представление. Посмотрев обратно на стеклянную панель, я не обнаружил лица, оно исчезло. Осталось только отражение того, что находилось напротив. Должно быть, «девушка Рансайтера» отошла от окна.

Сразу за входом мне попался постер, висящий на стене и странным образом напоминавший видение… «Небеса для теней». Так было написано готической вязью. Горизонт в тумане и небо в серых облаках. Фигурка поющей или молящейся женщины среди них.

«Иди дальше, скоро начнется», – подсказал внутренний голос, и я подчинился.

Вряд ли большинство посетителей замечало хоть что-то из интерьера клуба или улавливало тональность музыки. Все внимание без остатка поглощали женщины Рансайтера: одетые в роскошные платья, стилизованные под моду вековой давности, в обтягивающий и одновременно пышный шелк, усыпанный маленькими блестками. Было почти невозможно оторваться от шляпок, скошенных на бок и будто сплетенных из мерцающих светодиодных нитей. От казавшихся воздушными вуалей и

причудливых теней, плясавших на неизменно смеющихся и улыбающихся лицах, глазах и губах.

Взгляд скользил по их ретро-прическам, по блестящим волосам, закрученным в маленькие шишки и замысловатые волны. Скользил по светящимся серьгам и тонким курительным трубкам, струйкам голубоватого дыма, аромат которого пропитывал все вокруг и ощущался кожей. Возможно, это именно они делали наш город похожим на рай.

Вот одна провела ладонью по стереоогню свечи, поднялась из-за барной стойки и направилась к выходу. Она приближалась ко мне, и в какой-то момент между нами оказался прозрачный подсвечник в форме вытянутой капли воды. Женщина как будто раздвоилась, внутри вазы показалась ее копия, сестра-близнец… Она прошла мимо, словно поцеловав меня теплым и загадочным взглядом.

«Тоже посмотрела на тебя сквозь стекляшку», – тактично напомнил о себе Прометей.

Я тем не менее остановился и проследил за девушкой. Она покинула клуб и прошла в темное местечко за высоким «бокалом» с танцовщицей и закурила сигарету. Повернулась к его непрозрачной стенке, и тут ее спина дрогнула. Она заплакала или засмеялась?.. К ней склонилась неоновая фигурка танцовщицы, находившейся в бокале. Они перебросились несколькими фразами, затем девушка бросила окурок и раздавила его. Посмотрела в небо и подставила ему ладони.

Начинался дождь?

По стеклам поползли извилистые струйки воды. Теперь никто не узнает, плакала ли она вообще. Дождь спрятал ее слезы. Девушка вскинула руки, словно приветствуя его и, обернувшись кругом, пошла к перекрестку. Легко и свободно, почти вприпрыжку, будто скинув с плеч что-то тяжелое.

«Наверх», – позвал внутренний голос.

Я продолжил исследовать клуб и поднялся по лестнице на второй этаж. Затем, похоже, свернул куда-то «не туда». Либо меня просто не решилась остановить охрана, знавшая о платиновой карте. Минимум зрительных деталей позволил, наконец, сосредоточиться на музыке. Было заметно, что здесь она сменилась на ту, что чаще услышишь на рок-концертах, а не в развлекательных заведениях. Из динамиков вырывалась тяжелая игра гитар, неплохо разбавленная электронным мотивом. Впрочем, ритм был похож на клубный. Своеобразный «электронный панк».

Я следовал по коридору, выложенному из черных зеркальных панелей. Смотрел на свои отражения, которые сопровождали

меня сверху и снизу, по сторонам. Краем глаза заметил нишу в стене. Должно быть, рабочее место секьюрити, который куда-то отлучился. Одна панель слева вдруг перестала быть черной и превратилась в дымчатое малопрозрачное стекло.

О происходящем за ним можно было догадаться только по движению теней. Внутри был источник золотистого света.

Приватные танцы и так далее. ВИП-зона клуба.

По стеклу ползли струйки воды. Внутри клуба шел дождь, либо там был оборудован душ.

«Здесь ее нет», – подсказал Прометей.

Да, хорошим девочкам здесь явно не место.

«Кого мы ищем? Не танцовщицу?»

«Пока не знаю».

Я развернулся и пошел прочь.

А вот и охрана. Наверняка вышли из-за черной панели, маскирующей пост. Один, с повязкой на глазу, смотрел в мою сторону. Другой стоял ко мне боком, как статуя, только слегка кивая в такт музыке.

Я понял, что до сих пор хожу в плаще и шляпе, держа левую руку в кармане – на пистолете. Что у типа, глазеющего на мой карман с кольтом, под повязкой какой-то сканер, возможно, даже радар.

«Пошел-ка ты», – я подмигнул ему и прошел мимо.

– Зал будет слева, – подсказал охранник.

Прямо и налево.

Похоже, она собиралась в основном петь. Танцевать должны были другие. К шесту слева приблизилась девушка, одетая в костюм этакого ангелочка с белыми крыльями, к правому пристроилась точно такая же, но в наряде черного цвета.

Честно говоря, на двух стриптизерш я больше не смотрел, поскольку зазвучала моя любимая песня с немного измененными словами и в новой аранжировке.

«Кто хочет жить вечно?»
Нам не дано того времени,
И не дано того края…
Мечты ускользают, как капли дождя,
И светлые мгновения проливаются сквозь пальцы.

Кто хочет жить вечно?
Кто хочет жить вечно?

У тебя нет выбора,

Он сделан тем, кто выносит приговор.
В мире, где ты очнулся, мерцает лишь одна звезда,
Но стоит до нее дотронуться, как она погаснет.

Скажи, ты хочешь жить вечно?
ТЫ хочешь жить вечно?..
Кто осмелиться на эту вечную жизнь,
Если любовь приговорена?

Растопи мои слезы
Теплом своих губ,
Закрой ладонью мою холодеющую рану —
Там замерзает последнее мгновение, что еще живо,
И тогда мы сможем оставить его себе навсегда.
Сможем любить, не оглядываясь на часы,
Оно станет нашей вечностью.
Сегодня, что никогда не закончится.

Кому нужна вечная жизнь?
Кому нужна эта вечная жизнь?
Кто осмелится тянуться к звезде,
Зная, что только убьет ее?

Я почти не видел, как она сама танцует. Словно смотрел не я, а кто-то другой, устроившийся за моими зрачками.

Если б я мог, то вообще закрыл бы глаза. Но он этого не позволил.

Наверное, куклы работали как обычно: прижимались к шестам, обвивали их телами, изгибались и вытягивались, взлетали и замирали, откидывались назад. А мне было плевать. Я почти видел то, о чем она пела. Слова позвали меня куда-то очень далеко отсюда…

Когда под конец песни она сама оказалась без накидки, зал восторженно выдохнул, а я вспомнил, зачем пришел.

«Это она».

Когда ее силуэт скрылся за кулисами, Прометей подсказал, что делать. Под аккомпанемент звуков следующего выступления – гулких басов и трансовых вибраций – я выбежал наружу. Двое охранников в ВИП-зоне под влиянием магии платиновой карты помогли найти гримерку.

Мне повезло. Мы подошли к дверям одновременно.

– Прекрасная мисс Саломея? – предположил я, оценив ее внешний вид.

Атлетически сложенная, сильная. Вся в кольцах мягкого металла, обвивающего тело, подобно змеям. Красивое лицо с правильными чертами, но с широкими скулами, которые делали его немного похожим на мужское. Прямой и цепкий взгляд. Возможно, на зрачках темно-коричневая пленка.

– Да… – усмехнулась она, остановившись на секунду у входа и окинув меня взглядом.

«Не маши картой. Спугнешь».

– Я Дэн Стюарт, репортер из «Пульса Чикаго».

– А-а… читаю регулярно. Но о вас слышу впервые.

– Я давно не писал в сам журнал. Занимался специальным проектом.

– Правда? – заинтересованно переспросила Саломея.

«Что ты несешь?!» – негодовал Прометей.

«Какая разница, она впустила меня».

Я прикрыл за собой дверь. Обычная гримерка. Костюмы, душевая, зеркала, шкафчики и тому подобное. Все вперемешку. Минимум пустого пространства.

«Узнай настоящее имя».

– Так что за проект?

– Мы собираем истории для специального выпуска… Истории успеха. Знаете, бывает, появился человек и вдруг сразу берет судьбу в свои руки.

– Вы это так называете? – она снова смерила меня взглядом.

– Выступление просто ослепительное, – я старался состроить из себя восторженного фаната, – даже ваше имя вылетело из головы… Так как нам назвать материал?

– Валерия Костелиано, – она взяла полотенце и прошла в душевую.

– Это сценический псевдоним?

– Нет.

«Возможно, анаграмма. Скорее всего, поменяла несколько букв местами. Значит, в ее словах будет часть правды».

«Итальянка? Ты ее знаешь?»

«Продолжай».

– Так вы согласны?

– На что? – донеслось вместе с первыми звуками падающей в душе воды.

– На интервью.

– Я думала, оно началось.

«Спроси, когда она появилась в городе… постой, скажи перед этим фразу о двух месяцах».

– Э-э… наш номер выйдет месяца через два, – говорил я, тайком заглядывая в шкафчики с одеждой, обыскивая содержимое

ящиков маленького столика у зеркального трюмо. – Когда вы приехали в город?

Небольшая пауза.

– Пару месяцев назад.

– Откуда?

Снова пауза.

– Я работала в одном марсианском клубе, – в голосе проскользнули нотки тревоги, – но вообще-то я родом из Рима…

Это сколько ж ей лет? Из Италии люди давно сбежали.

…оттуда мои родители, – закончила она.

«Кое-что совпадает. Давай дальше».

– Это они научили вас так прекрасно петь?

– Мне кажется… я всегда умела это.

– А слова той песни… кто их поменял? Кто переписывал музыку?

– В основном клуб. Со словами помогли друзья.

– Так вы приехали не одни?

– Нет, мы…

«Ну давай же…»

– А это обязательно сообщать? – спросила она с таким тоном, будто давая понять, что больше не собирается говорить.

Я же тем временем нашел в ящике квитанцию об оплате гостиницы на имя В. Костелиано. Трехместный номер. По вчерашнее число.

– А-ам… не обязательно… Хотя друзья всегда могут сказать о чем-то еще. Оживить материал… скажите, когда вы приехали, то останавливались у знакомых или в отеле?

– Какое это имеет значение?

– Всегда интересно узнать отношение наших героев к комфорту… и сервису местных гостиниц.

– Нас устраивает.

«Молодец, Берк», – сказал бы сейчас Гарри.

Судя по звукам, она закончила мыться и включила сушилку.

«Теперь спроси, как она относится к вопросу о золоте и космическим проектам».

«Ты там с чего-то упал?! Головой ударился?!»

«Выполняй».

Хм… выполняй. Может, сразу на лбу написать: «Я – идиот, заранее простите».

Я силился придумать правильную формулировку и не нашел ничего лучше этого:

– Вы знаете, мы глянцевый журнал. Но… читателям бывает интересна и… гражданская позиция наших героев…

Немигающие осторожные глаза следили за мной, когда она

выходила из душевой. «Валерия», очевидно, успела еще там натянуть на себя шорты и бюстгальтер, даже перчатки из искусственной кожи. На ногах красовались черные сапоги почти до колен, с металлическими шпорами.

– … о развитии общества… – продолжал я какую-то мысль, начало которой, похоже, так и не выразил. – Даже о научном прогрессе. Да, да. Не смейтесь. Бывает и такое…

Она подошла к стене и выключила свет. Работать осталась только одна лампа, находившаяся где-то сбоку, под жалюзи или решеткой. В комнате стало темнее. Практически все лицо Валерии скрылось в темноте. Было видно только узкую полоску приглушенного света, падавшую на блестевшие глаза… Которые будто слушали меня.

Я сглотнул и попытался выполнить задание:

– Сейчас много говорят о… дорогостоящих космических проектах и конфискации золота… Как вы считаете, они нужны нам?

Откуда-то сзади послышалось угрожающее шипение. Периферическим зрением я уловил движение – длинный дрожащий язык.

Оглянулся. Оказалось, с полки шкафа позади меня вылезала змея. Довольно крупный удав. Его тело вытягивалось сильнее, и голова в конце концов поравнялась с моей, застыв над левым плечом.

– Искусственная?

– Если бы у меня были деньги на настоящую, работала бы я здесь? – ответили ее прищуренные глаза.

«Задай главный вопрос».

– Валерия, ходят слухи, что здесь планируется неофициальная встреча… «больших людей»… Вы планиру…

Внезапно рептилия бросилась на меня. Тугое кольцо обвило шею, но к счастью я успел просунуть в него ладонь.

Затем сапог Саломеи врезался в мою грудь, я отлетел к стене и рухнул на пол.

«Пистолет!»

Каким-то чудом заметив в темноте силуэт направляющейся в мою сторону пушки, я догадался прикрыться импровизированным щитом – удалось опрокинуть металлическую коробку. Выстрелы пришлись в нее.

Я закричал и вздрогнул всем телом, засучил ногами, стараясь сымитировать ранение. Она перестала стрелять. Затем послышались удаляющиеся шаги и звук разбившегося стекла.

Змея продолжала душить меня, я специально дал ей вцепиться зубами в локоть. Превозмогая боль, другой рукой

схватил змею за место под самой головой и постарался навалиться на нее всем телом, одновременно отводя голову рептилии назад с помощью руки, в которую впилась острые зубы.

«Попалась, тварь!» – мне удалось заломить голову удава назад.

Челюсти, впившиеся в мою руку, превратились в замок ловушки, из которой не выскользнуть даже змее. Еще одно усилие, еще один крик, и шея гадины сломана. Раздался противный хруст, а в лицо брызнула какая-то холодная липкая жидкость. Тело змеи забилось в конвульсиях, но освобождение уже не представляло труда. Упершись в хвост ногой, я стащил с себя дергающийся жгут из искусственных мышц.

Из открытой раны на ее теле посыпались трубочки и винтики. Полилась белая жидкость, смешанная с красной – моей кровью.

В этот момент открылась дверь, и на меня уставился какой-то мужчина, видимо, сотрудник клуба. Затем он вскрикнул и убежал прочь.

«Хреново выгляжу, да?» – прохрипел я, переводя дыхание.

Укус неглубокий, медицинский имплант наверняка засек кровопотерю и уже запустил процесс свертывания. О ране можно забыть…

Итак, она выпрыгнула в окно.

Сбежала. Наверное, подумав, что охотник не один. Надеялась, что змея прикончит легавого с пулей в животе. Черта с два!

Я чувствовал, как во мне проснулся тот самый солдат из пустыни… Не дожидаясь приказа, я выхватил пистолет и бросился за ней.

Падать со второго этажа не больно. Если делать это правильно, то боли можно избежать. Я приземлился на три точки, использовав здоровую руку. Впрочем, рана все равно треснула, но так и это не в первый раз. Переживем.

Внутренний двор. Ворота в подсобные помещения клуба. Грузовой лифт.

Из-за груды каких-то мешков неподалеку донесся звук падающей посуды, а также крики возмущенных мужчин.

Рванул туда. Оказалось, там опрокинуты ящики с посудой.

Двое грузчиков только разводили руками.

– Обколотая, стерва! – кричал один.

– Че теперь делать-то, а?! – сокрушался другой – Че делать?! Все повесят на нас!

Я подбежал к ним.

– Где она?

– Там, – они махнули в сторону площади, в то же время косясь на мой кольт и капающую с руки кровь.

Зачем она побежала туда? Нет, все правильно. В толпе проще затеряться.

«За ней. Быстрее!» – потребовал внутренний голос.

Путь к площади проходил через малоприметный переулок, я бросился туда и по пути перемахнул через импровизированный забор из металлической сетки. При этом успел заметить характерные следы на асфальте, говорящие о том, что кто-то пробежал по нему несколько секунд назад: мокрые следы и расплескавшиеся лужи.

Площадь. Я буквально врезался в толпу людей, идущих к клубу, в посетителей квартала развлечений, и тут же понял, что в таком скоплении найти «Валерию» будет непросто.

– Don't walk… don't walk… don't walk, – доносилось сквозь шум толпы и сигналы машин.

«Она справа в полусотне метров», – раздался голос Прометея.

Мне удалось сразу увидеть ее. Испуганная, оглядывающаяся назад женщина. В прозрачном полиэтиленовом плаще с капюшоном, успевшая надеть парик, который, впрочем, мало изменил внешность.

«Ты имеешь доступ к камерам слежения?»

«Не только к ним».

«Подберись ближе, но пока вы в людном месте, лучше не трогать ее».

Она быстро шла, периодически переходя на бег и озираясь по сторонам, вдоль витрин модных магазинов и кафе. Мне также пришлось ускорить шаг, чтобы нагнать ее. Неожиданно я попал в странный поток людей, сплошь состоящий из ортодоксальных евреев и каких-то сектантов-кришнаитов. Затем пришлось еще тяжелее: навстречу шло человек двадцать киберпанков, спортивных и совершенно отвязных малых, умеющих работать локтями.

В результате на несколько секунд я потерял ее из вида, а когда вновь обнаружил, то понял: что-то не так. Валерия направилась в обратную сторону, к клубу! Причем с опаской оглядываясь назад, туда, куда недавно стремилась.

«Не здесь. Дай уйти подальше», – подсказал Прометей.

Я остановился и постарался прикрыть лицо рукой, а она вскоре поравнялась со мной и, кажется, даже коснулась своим взглядом. Стало понятно: она жутко боится. Так, что не смогла узнать меня.

Отпустив Валерию от себя на десяток метров, я сел ей на хвост.

Неожиданно беглянка решила свернуть в проулок между магазинами и вновь побежала в сторону от клуба. Я тут же

метнулся следом, однако то, что произошло после, ввергло меня в ступор.

До смерти напуганная Валерия с криком выбежала обратно! Невероятно, но она удирала от кого-то другого! И еще одно: показалось, что на какое-то мгновение ее лицо изменилось до неузнаваемости, что мимо меня бежит другая женщина!

Она рванула по узкому проходу между магазинами, что тянулся параллельно улице.

Из глубины переулка послышался резкий мужской голос:

– Стой! Стреляю!

Следом еще один крик:

– В сторону! Отойди!

На этот раз кричала женщина.

Я инстинктивно потянулся к пистолету.

Первый выстрел не достиг цели. «Валерия»… снова бежала почти что навстречу мне. Люди вокруг попадали на тротуарную плитку, кто-то успел вжаться в углы строений.

Раздался второй выстрел. Опять мимо. Валерия пронеслась мимо меня всего в пяти метрах. Этого хватило, чтобы понять, насколько та напугана. Она даже не заметила меня, и будто вообще мало что видела: в глазах бесновался дикий страх и желание жить.

Не сбавляя скорости, она влетела в витрину магазина, разбила ее, а также большую неоновую вывеску в форме японского иероглифа «истоки». Во все стороны полетели осколки стекла и блестящих трубочек, отражавших полную гамму цветов и оттенков света, заливших магазин и улицу. Сразу за вывеской стояла группа ничего не подозревавших людей и манекены – Валерия сбила их. На пол посыпались шляпы и сумочки, пластмассовые тела и их отдельные части, элементы украшений внутренней стороны витрины – блестящие обрывки металлических лент и маленькие светящиеся кольца.

Третий выстрел. В этот момент мое восприятие изменилось. Я будто смотрел фильм, снятый в замедленной скорости… в сознание странным образом проникла музыка, электронный блюз, звучавший в ближайшем магазине.

В ее правом плече расцвел кровавый цветок. Тело дернулась, и она с криком, словно в прыжке, влетела в следующую витрину, на этот раз не удержавшись на ногах… Они разъехались в стороны, а фигурка в блестящем окровавленном плаще, обернувшись в падении вокруг себя, рухнула на пол…

Прямо к ногам безразличных манекенов.

По инерции она еще прокатилась по полу и смогла подняться, даже побежать по узкому коридору, сложенному из стеклянных

панелей. Скорее всего, в тот момент ей самой стало понятно, что это конец.

Четвертый выстрел настиг жертву, когда к коридору со всех сторон приблизились посетители магазина, зеваки, не успевшие понять, что происходит. Она умирала под взглядами праздных людей, смешавшихся с манекенами, а вместе с Валерией куда-то бежали и пытались спастись ее отражения…

Тело с пробитой грудной клеткой врезалось во внешнюю витрину магазина, повалив еще несколько манекенов. Заваливаясь вперед и падая, оно по инерции преодолело один-два метра улицы и обрушилось на стеклянную стену киоска атмосферы. Пробила его насквозь, пролетев мимо двух посетительниц киоска. Но убийцам этого было мало: короткая автоматная очередь по касательной задела жертву, и пули пробили основание «бокала» с танцовщицей, что попался на их пути. Кроваво-красное «вино» хлынуло наружу.

Валерия же рухнула на асфальт вместе с потоком мелких осколков стекла, в вихре искусственных снежинок и мыльных пузырьков…

Не знаю, почему и как это случилось, но меня повлекло к ней.

Я брел, как во сне. Медленно, и не понимая, зачем это…

Перешагивал через неподвижных манекенов и плакавших людей, оказавшихся на линии огня. Под взглядами зевак, начинавших осознавать, что произошло. Шел по кровавым следам и дорожке из осколков стекла, а параллельно мне, по прозрачным стенам коридора к жертве приближались мои отражения.

На улице лежали три тела, два манекена и Валерия. Прямо на осколках стекла, в которых отражался будто бы разбившийся мир. Мерцающие огни, части витрин и иероглифов, отдельные, потерявшие значение буквы. А на большом осколке, под головой убитой, была видна часть ее лица, лоб и глаза.

Глаза…

По асфальту растекалась кровь и «вино». Темно-красная жидкость заливала осколки стекла, будто стирая, удаляя обломки разбитого мира. Вокруг летали мыльные пузырьки и снежинки, исчезавшие при падении в бордовую смесь крови и вина. Мне и впрямь стало холодно.

Возобновился мелкий моросящий дождь, заставивший обратить внимание на внешний мир, на окружающих. Все они боялись подняться и испуганно смотрели на меня и еще куда-то мне за спину. Я понял, что один стою в полный рост, если не считать уцелевших манекенов да еще двух типов за…

– Беркли! Какого… что вы здесь делаете?!

Твою мать! Откуда?! Неужели она?!

– Я… – казалось, собственные губы и горло отказываются повиноваться.

Антера с подозрением смотрела на меня, не убирая пистолет, а держа его за краем своего плаща. Очевидно, готовая в любой момент положить меня рядом с убитой. Ее напарник, амбал в черном плаще, также не спешил обезоруживаться, его короткий автомат смотрел в мою сторону.

«Убери пушку», – подсказало какое-то чувство.

– Билет… выиграл в лотерею, – мямлил я, осознавая, насколько влип, и пряча оружие.

Моя знакомая медленно приблизилась ко мне. Остановилась, не доходя всего полметра. Молча подняла свой пистолет, на секунду демонстративно задержала его у моего живота, но затем вернула в кобуру. Принялась буровить меня взглядом. Ее напарник склонился над трупом.

– Представляете, выиграл в лотерею… вот… – я протянул карту.

Антера выхватила ее и оглядела, положила к себе в карман.

– Проверим, – процедила она.

Не верит. Да я бы сам не поверил.

– Давайте, отойдем в сторону, – прищурившись, «предложила» дама.

У места убийства опустился черный спинер без опознавательных знаков. На вид гражданский. Однако водитель, не выходя на улицу, достал из темноты салона полицейскую мигалку и прикрепил ее к крыше машины.

Мы отошли в угол, образованный витринами соседних магазинов. Она отвернулась от улицы, и я последовал примеру. Мы долго молчали, наблюдая, как наши лица отражаются в стекле: возникают и растворяются в темноте из-за мерцания мигалки неподалеку…

Молчал и чертов Прометей. Мы будто погружались в напряженную тишину. В один момент исчезло только мое лицо, а ее – осветилось рыжим пламенем. Антера закурила. В стекло полетела струйка сизого дыма, которая клубами растеклась по нему.

Неожиданно она вздрогнула и быстро поднесла руку в кожаной перчатке к уху.

– Что?! Что происходит?! Бред какой-то!

Очевидно, она все это время слушала радиоканал.

Антера повернулась ко мне, и я ощутил на себе злой обжигающий взгляд.

– Как с цепи все… – она помотала головой.

Схватила меня за плечо и развернула к себе.

– Мы еще поговорим о «лотерее», а пока… мой вам совет, не делайте глупостей.

«Дернешься, и мы пришьем тебя. Прихлопнем, как таракана», – понял я.

Она отбежала к спинеру, что-то сказала водителю, а затем обратилась к напарнику:

– Ты слышал?

Тот в ответ кивнул.

«Неужели отпустят?» – спрашивал я себя.

От сердца отлегло, как говорится в подобных случаях.

– Не забудь накрыть ее, – Антера указала рукой на тело.

Я также посмотрел туда и…

– Ты куда смотрел?! Что было сказано?! – негодовала она, распекая напарника непонятно за что.

Мне почудилось, что лицо «Валерии» начало изменяться…

«Ты тоже видишь это? Видишь?» – кажется, подал голос Прометей.

Антера вытащила из карманов своего плаща карту и еще какие-то предметы, накинула его на убитую. Мне же вновь померещилось… что я когда-то знал жертву.

По-видимому, у нее стоял комплекс мнемомаскировки, лицевой имплант. После смерти жучок потерял функциональность, и лицо настоящей «Валерии» или как ее там… вернулось. Я не понимал, откуда оно мне известно, и это выматывало душу. Да еще тот громила в черном плаще смотрел на меня… давая понять, что лучше убраться подальше.

Мое состояние было таким, какое снимается только выпивкой.

Усилился дождь. Он быстро разогнал искусственный снег и мыльные пузырьки.

Вода стала разбавлять лужу крови и вина, постепенно делая ее более светлой и менее вязкой. Вскоре дождь превратился в настоящий жестокий ливень. От падения его капель светлеющая лужа вокруг тела будто вскипела: красные клубящиеся языки поползли в разные стороны, а в воздух стали подбрасываться маленькие розовые струйки от схлопывания каверн.

«Спасибо за платежку из гостиницы», – Прометей вывел меня из ступора.

Кстати, пошел-ка он к черту.

На полпути к дому я заглянул в неприметный магазинчик, в котором часто брал выпивку. Странно, но хорошо знакомая продавщица с повязкой на глазу, похоже, не узнала меня и не поздоровалась. Лишь вопросительно посмотрела: «Слушаю, вас…»

– Циньтао, – сказал я, неловко улыбнувшись и пытаясь понять, что изменилось. Вроде бы ничего. Все выглядело, как прежде: обстановка, мы двое, даже музыка – тот же старомодный и незатейливый, приятный блюз.

Она посмотрела на меня – чуть дольше, чем заслуживает обычный клиент, но затем, видимо, отмахнулась от какой-то досадной мысли и отвернулась к прилавку. Взяла литровую бутылку крепкой китайской водки, обтерла ее и положила в пакет.

Я приложил персональную карту к счетчику кассы. Продавщица набрала на ней код продукта, но обнаружила, что денег не хватает.

– Извините, но средств недостаточно.

– Да? Надо же… – я порылся в кармане и извлек другую карточку, привязанную к счету Прометея. – Этого хватит? – приложил ее к счетчику.

Сняв необходимую сумму, она кивнула головой. Я забрал карты с покупкой и только отвернулся от прилавка, как сразу увидел ее…

Та незнакомка, что вывела меня на «Прометея».

Нет, ну точно она. Похожая на куклу Барби тоненькая блондинка, с какими-то водянистыми, слезливыми глазами. Она не шла, а брела по улице в сторону от квартала развлечений, глядя под ноги и будто не разбирая дороги…

«Даже не пытайся», – заметил мой интерес Прометей.

Я не подчинился и догнал девчонку.

«Это бессмысленно», – повторил он.

Схватив ее за плечи, повернул к себе. Она безвольно дернулась, как тряпичная кукла. Наркота? Алкоголь?

– Кто вы? – слабо спросила она, вроде бы глядя мне в лицо.

В то же время показалось, что наркоманка смотрит куда-то вдаль, сквозь меня.

– Ты меня помнишь? – спросил я, понимая, что вряд ли получу положительный ответ.

– Нет… – она отрицательно покачала головой.

Внезапно девчонка согнулась пополам, и ее начало рвать. Я успел отскочить и помог ей не упасть на землю.

«Вот черт!»

«Я же говорил».

«Ну ты и сволочь!»

«Я хорошо плачу, без меня ты бы даже не смог купить вод к и».

«А она своей дозы… Учти, я не брошу ее здесь».

«Тебе придется».

«Я… узнаю – кто она! Узнаю все!»

В этот момент позади меня опустился полицейский спинер. Я обернулся и заметил, что он пуст. Внутри никого. За мной, значит. Вовремя.

В кармане заверещал инфолинк. Я достал его и взглянул на экран.

Гарри. Видимо, прикажет куда-то метнуться и прикрыть его толстый зад.

Вдруг девушку как-то резко перестало рвать, и она поднялась.

– Тебе лучше?

Но она только оттолкнула меня и пошла дальше ускоренным, твердым шагом. Даже не оглянувшись на меня – замершего, как болван, и сжимающего в руке инфолинк. Наконец, я догадался принять вызов.

– Слушай, Берк, – начальник сразу перешел к делу. – Все как взбесились, а у нас мало людей. Я решил привлечь тебя. В офисе RCC произошло убийство.

– Ничего себе… – рассеянно ответил я, поглядывая в сторону удаляющейся Барби.

– По предварительной информации, настоящая бойня. Езжай, разберись.

– Это серьезная вещь. В смысле не наш уровень.

– Инквизиция уже была там, но их срочно куда-то отозвали, – Гарри мельком взглянул в сторону, кивнул, и его лицо расплылось в стандартной улыбке. Даже перестало входить в экран.

– Дурь какая-то…

– Да я согласен, Берк. Но это мир, в котором мы живем. И живем неплохо, лучше многих. Так что давай, ноги в руки.

«Вперед, на мины», – подумал я, когда капитан оборвал разговор.

Дверь спинера поползла вверх, давая понять, что мне пора.

Мда…

События разворачивались так, что я ничего не понимал. Я будто плыл внутри них, словно от меня ничего не зависит, и не важно, понятно что-либо или нет. Ощущение было такое, будто ты сам кукла, с которой имеющие власть делают, что хотят. Конечно, в кармане лежал кольт, а за плечами был опыт, но все это могло оказаться только деталями. Малозначимыми деталями, не менявшими сути дела.

Я сплюнул и сел в машину, откинулся в удобном кресле «пилота» положил в бардачок пакет с циньтао и закрыл глаза.

«Вперед», – то ли произнес, то ли подумал я.

Спинер начал набирать высоту.

Машина не долетела до самой пирамиды сотни метров, зависнув в воздухе. Я выглянул в окно и понял, что происходит. Внизу, там, где лежал металлический настил посадочной площадки общего назначения, открывались двери гигантского подземного ангара.

Спинер стал снижаться. Когда он опустился на подземную площадку, двери сверху закрылись. Я вылез из машины.

«Один. Опять никто не встречает».

Вокруг была чернота огромного полупустого ангара, неясные силуэты отдельных машин, а под ногами – угольная чернота специального армированного асфальта.

Вдали зажегся небольшой огонек.

– Вы из полиции? – донеслось оттуда. – Мистер Берк?

– Беркли! Я из «БлекСкай»!

– Проходите сюда.

Пришлось ускорить шаг. Подойдя к столику у небольших дверей в стене ангара, я рассмотрел того, кто со мной говорил.

Обычный невзрачный охранник, каких ставят на не самых ответственных направлениях. Суховатый, среднего роста. С бегающими глазами. Привычно боящийся того, что во время его дежурства что-то пойдет не так.

– Там уже ваши люди – сказал он. – Можете проходить.

Двери распахнулись, открывая проход в коридор.

– Меня проводят?

– Мне сказали, вы знаете… – неуверенно протянул охранник.

– Ладно.

Я кивнул и прошел дальше, но все же остановился в дверях, поняв, что тут даже нет намека на экспресс-тестер.

– Скажите… мне казалось, тут должно быть больше людей… Где они? – спросил я, встав в пол-оборота к секьюрити и продолжая осматривать стены вокруг в поисках видеоглазка.

Тот немного замялся и ответил после значительной паузы:

– Их нет. Из-за атаки террористов нарушилась работа конвейера. Большая часть персонала отправлена устранять поломки.

«Возможно, ты здесь совершенно один. Больше ни одной живой души», – думал я, следуя по длинному коридору.

Повсюду была причудливая мозаика: повторяющиеся линии и полоски, лабиринты на стенах и потолке. Простые и сложные фигуры, выстроенные в ряд. Свет исходил из ламп, вмонтированных в пол. Зачем они так сделали? Зачем вырисовывали непонятные знаки в сугубо производственных

зданиях?

Похоже на мексиканский стиль. Будто идешь внутри пирамиды древних индейцев: майя или ацтеков… Я представил себе процессию их жрецов, следующую по коридору. И себя среди них. Получилось довольно органично.

Затем в голову полезли отталкивающие образы того, что жрецы привыкли делать: приносить человеческие жертвы, призванные задобрить кровожадных и всемогущих богов. Богов земли и неба, солнца и звезд.

Я справился с дурно пахнущими видениями и тут же понял, что стою на развилке.

Куда идти-то?

«Влево. Там лифт».

Вот сволочь. Подслушиваешь мои мысли, да?

В ответ тишина. Внутренний голос ничего не ответил.

Возможно, он просто предугадал. Ведь это логично. Я последовал указанию Прометея. Прошел дальше, свернул за угол и наткнулся на первый труп. Воняет-то как…

Мертвый охранник. Надо же, похож на того у входа.

Уже очерчен мелом. Плазменное ранение в спину. Судя по позе, от кого-то убегал.

«Да вот и след на стене», – я заметил очерченный след на стене от плевка энергии, пробившего тело.

Небольшие пятна крови чуть дальше, значит, после попадания пробежал несколько метров и упал.

Далее. Что тут у нас? Конечно, кровавые отпечатки на стенах. Вот только чьи? У убитого на руках не было крови, да и плазма по большей части поджаривает рану. Вероятно, кровь убийцы.

Я пригляделся и понял, что следы, скорее всего, оставили детские или… женские пальчики, причем ранение убийцы было серьезным. Однако на полу больше не было пятен. Или кровь не ее? Надеюсь, образец уже взяли.

На полу стреляная гильза плазменного карабина. Получается, дамочка завалила его отсюда. Зачем-то оперлась о стену… Может, все-таки ее кровь? Ладно, посмотрим. Что дальше?

Через десяток метров попался еще один труп. В белом когда-то халате. Видимо, инженер RCC. На спине небольшое пятно крови, в центре которого входное отверстие. Точный выстрел, сожгла сердце. Рядом единственный след вошедшей в стену плазмы. Кровавые отпечатки ладоней, опять же больше похожих на женские. Обведены мелом.

Ее мутило? Голова шла кругом?

Дальше я нашел гильзу и новые кровавые следы на стенах.

«Один выстрел и один труп… Если стрельба была настолько

точной, то почему ее шатало из стороны в сторону?»

«Шпильки слишком высокие? Ножки не держали», – подумал я и отругал себя за неуместную пошлятину. В нос упорно лез противный запах горелого человеческого мяса.

Но вот и лифт. Вход «перекрыт» предупреждающей полицейской лентой. Кто ее нацепил? Черные? Или мы? Забавно, что полицию давно не подпускают к настоящим делам, но все пользуются их лентами.

Я поднырнул под нее и вызвал лифт. Двери сразу же открылись. Я прошел внутрь и занес руку, чтобы нажать кнопку…

Какую?

«Пятьдесят девятый этаж», – подсказал Прометей.

Опять догадался или подслушивает?

Пирамида гораздо выше. В ней около трехсот этажей над уровнем земли. Придется, видимо, еще ножками потопать. Кабинка резво устремилась наверх, и мне довелось ощутить инерцию собственного тела.

Да, кстати, в лифте следов нет. Только запах какой-то… да тот же самый. Неужели от нее остался? Ее саму успели поджарить? Это объясняет, почему кровь не капала на пол. Она была только на руках, которыми стрелок прикрывала рану.

«Хотя нет. Трупов столько, что она сама пропахла этим дерьмом», – лифт остановился, и двери открылись, а я оценил картину перед собой.

В следующем коридоре лежало человек пятнадцать убитых. Охранники, инженеры, менеджеры… мужчины и женщины. Я вытащил платок и прикрыл нос.

Убийца была не одна? Как можно завалить столько народу в одиночку? Из одного ствола, когда его надо перезаряжать? Тот секьюрити сказал об атаке террористов. Скорее, тут орудовала целая группа.

Профессионально. На стенах примерно столько же следов плазмы, могу поспорить, что и гильз тоже – на каждый труп один выстрел.

Вот только с кем спорить-то? Я тут один. Не с Прометеем же. Он наверняка уже все знает.

«Может, скажешь, что здесь произошло?» – подумал я.

В ответ ничего.

Я прошел в конец коридора, обогнув тела. Остановился у места, где остались кровавые отпечатки все той же ладошки. Еще раз окинул взглядом коридор, оценил расположение тел и следов плазмы, кучку гильз под своими ногами… Она была одна.

Сработала четко. Очень высокий уровень. Настоящий профессионал, а с учетом того, что еще и «носит юбку», то стоит

небольшой армии. Не дала ни шанса охране, те даже не успели вытащить оружие.

Пошел дальше и уперся в приоткрытые двери. Стараясь не смещать их, протиснулся внутрь, в затемненное помещение. Сразу наткнулся на тело миловидной женщины в деловом костюме. На вид – секретарша.

Эта встретила смерть достойно, не отворачиваясь. Немного в стороне лежал небольшой двухзарядный лазерный пистолет скрытого ношения. Наверное, принадлежавший убитой. Я пригляделся к нему.

Молодец, успела разок пальнуть. Все-таки жаль. Красивая и молодая. Жить да жить.

– Рик, ты? – послышался знакомый голос из-за угла.

Я прошел дальше, оказалось, что это зал, похожий на тот, в котором проходило тестирование… Рей.

– Рик!

Вдруг откуда-то из темноты вынырнуло лицо «Хаски». Затем показалось и его тело, все в боевой броне, с укороченным автоматом. С тлевшей сигаретой в зубах. Он подошел ближе и хлопнул меня по плечу:

– Как ты?

– Впечатляет, давно не видел такой работы.

– Там дальше еще одна комнатка, загляни.

– А ты? – я уловил его намерение зайти мне за спину.

– Вызвали. Все, что удалось найти, – на флешке. Она у Гроссмана с Пилудски. Работа в общем закончена, на тебе – только набросать отчет.

«Только набросать, да? Что ты несешь, Дэвид? Это нападение на RCC!»

– Они в твоем распоряжении, – скороговоркой произнес он, выходя из зала.

У меня же будто закончились слова…

Силуэты тех двоих показались в дверном проеме, открывающим проход в следующую комнату. Разглядывать рожи подонков не хотелось. Да и, честно говоря, было плевать, они это или нет.

– Проваливайте. Оставьте информацию.

Оба молча прошли мимо, сверкая стеклами очков и глазными линзами. Затем – уже у двери, за спиной у меня – кто-то из них бросил на пол флешку.

Уроды.

Самое главное я нашел сразу – в коридорчике, из которого вышла сладкая парочка. Тело Даллера застыло в необычной позе. Какую же силу надо иметь, чтобы так впечатать его в шкаф-стеллаж с сервером! Какую ненависть!..

Кромки разбитого стекла остались только по периферии шкафа. На краях стеллажа следы крови. Труп в странном белом костюме, напоминающем кокон, будто обнимает блок серверов.

Костюм… скорее, спальный. Она вытащила его из постели и приволокла сюда?

Я огляделся. И действительно, рядом в стене показалась полоска света. Дверь. Я осторожно толкнул ее, мой взгляд буквально провалился в открывшееся помещение. Оно было слишком темным, чтобы рассмотреть обстановку. Но некоторые видимые детали – окрикнутый подсвечник, сорванная штора, край огромной кровати – давали понять, что это личные апартаменты, а не кабинет для деловых встреч.

Вернулся к трупу, зайдя к нему с другой стороны. Достал кольт и включил фонарик, а потому рассмотрел гораздо больше. Тело словно пыталось забраться на гору металла и электроники, при этом обнимая ее руками. Более того, в неестественно разинутый рот Даллера, далеко в глотку вошел разбитый электронный блок. Смятые и загнутые внутрь края шкафа не то чтобы обнимали, а… пытались проглотить убитого. Много крови, много до сих пор искрящих проводов.

Вероятно…

– Неужели ты, Рей?

…она швырнула его в стеллаж, схватила за волосы и ударила голову об острый выступ. Затем с невероятной силой саданула по спине, вдавив тело в машину.

– Неужели ты, Рей?

Сколько ярости нужно, чтобы сделать такое?

Они выглядели так, будто пытались сожрать друг друга. Человеческое тело и электроника. В смертельных объятиях друг друга.

Жутко захотелось курить.

Я затянулся, выдохнул дым в стену и неожиданно заметил на ней кое-что. Надпись «Гермес». И знак, обычно обозначавший либо важное хранилище данных, либо квантовый суперкомпьютер.

Обведя стену лучом, я понял, что знак и надпись расположены на маленькой двери со сложным электронным замком. Причем на последнем были следы попыток взлома – его пытались разрушить чисто механически, и даже остались следы

крови. Дверь, скорее всего, заклинило.

Я присел и осмотрел следы – те самые женские ладони. Похоже, убийца, измазавшись в крови Даллера, постаралась вскрыть дверь, но ей что-то помешало…

– Что это было, Рей?

Кто разбудил в тебе убийцу?

Я?

Инфолинк помог разобраться с данными, собранными Дэвидом и сладкой парочкой. Выходило вкратце следующее. Высокопоставленный сотрудник службы безопасности Рей, пользуясь положением, пронесла в здание карабин. Не медля ни минуты, направилась в личные покои Даллера, причем перед ней каким-то непонятным образом открывались все двери. Рей убила босса и всех, кто встал у нее на пути, всех, кто не успел убежать. Она также попыталась войти в зал хранения данных, назначение которого точно не известно. Но что-то помешало ей, наверное, нехватка времени и желание выжить.

Вот так.

Я тяжело вздохнул и прислонился к двери в зал. Она под тяжестью тела закрылась. Вокруг потемнело.

Посидев в темноте около минуты, совершенно без мыслей в голове, я поднялся.

«Запомни этот коридор», – внезапно сказал Прометей.

Тебя еще не хватало.

Покряхтев, я встал, развернулся и потянулся двери.

Едва я дотронулся до дверной ручки, как меня озадачила Эспер:

– Должна вам кое-что сказать, создатель.

– Что? – спросил я, проходя в коридор квартиры.

К ногам бросился мой кот. Голограмма принялась мурлыкать и тереться о ногу. Давно ей не пользовался. Забавная, но не настоящая.

– Она была здесь.

– Кто? – не придав значения ответу, я закрыл дверь и начал расстегивать плащ. Попытался мягким движением стопы прогнать псевдокота, но…

Тут меня кольнуло. Пакет с циньтао упал на пол.

«Кто?»

– Кто, Эспер?

– Она назвала себя Рей.

Я мигом выхватил пистолет и припал на колено.

– Успокойтесь, ее уже нет.

– Какого черта, Эспер?! Почему ты пускаешь сюда непонятно кого?!

В ответ тишина. Возможно, в квартире действительно никого не было. Только голографический кот снова припал к ноге, напрашиваясь на ласку.

– Какого черта, Эспер!! – в ярости выпалил я и стал продвигаться вглубь, держа наготове кольт.

– У меня не вышло сопротивляться. Когда она приблизилась к квартире, кто-то нанес удар по блоку безопасности.

– Вирус?

– Возможно.

– Тогда быстро на диагностику.

– Да, Рик. Еще надо ска…

– Замолчи. Быстро на проверку.

– Конечно, – немного обидевшись, согласилась она.

Я тщательно осмотрел квартиру, включив весь свет, какой только мог. Коридор, кухню и ванную. Комнаты. Никого. Зачем-то вернулся в гостиную…

Что-то повлекло меня туда. Постояв немного в самом центре, я понял: комната стала теплее.

Рей включила голограмму цветов. На подоконнике горели красные розы и довольно большой подсолнух. Она явно экспериментировала. Немного поодаль, ближе к углу, переливался огнями голоаквариум, в котором среди пузырьков воздуха и водорослей плавали разноцветные рыбки. Тоже не тех пород, что стояли по умолчанию. Значит, и тут что-то пробовала. Я подошел ближе и рассмотрел остатки виртуального корма на поверхности виртуальной воды… Судя по всполохам, прямо за спиной горел псевдокамин, который я не включал уже очень давно.

– Приглушить свет.

Вокруг потемнело, я плюхнулся в кресло и положил на столик пистолет…

Послышалось приятное кошачье мурлыкание. Затем на уровне моих глаз, на левом плече показалась мордочка кота. Его блестящие голубые глаза, усатая улыбка. Как-то непроизвольно моя рука потянулась к нему и прошла сквозь часть изображения…

Господи, как с ними бороться? Они точно играют со мной.

– Ты меня слышишь?

– Да, Рик.

– Выключи его. Он милый, но не совсем настоящий.

– Это часть меня.

– Все равно выключи.

– Хорошо, Рик.

Кот растаял в полумраке гостиной.

– А остальное?

– Оставь… Я хочу знать, что она здесь делала.

– Проиграть запись?

– Да, – я направился к коридору.

В квартире возникла двигающаяся голограмма. Эспер показала ее в несколько повышенной скорости… Вот Рей вошла в квартиру, окликнула меня у двери. Затем перебросилась с компьютером парой фраз, мельком оглядела квартиру и села на диван в гостиной.

Рей хотела найти меня. Ждала меня. От нечего делать, она перепробовала все мои голограммы, кота, цветы и так далее. Разобравшись с ними, более подробно осмотрела гостиную. Провела рукой по плитке и пристально осмотрела зеркала, жалюзи. Наверное, проверяла, нет ли скрытых автономных камер.

Заинтересовалась статуэтками, особенно медитирующим Буддой… Села за пианино. Но играть сразу не стала. Она отыскала среди вороха нотных тетрадей альбом с моими фотографиями. Внимательно просмотрела его… пробуя погрузиться в чужую жизнь, в ее застывшие мгновения. Затем сыграла на пианино.

– Эспер, дай послушать ее музыку.

– Конечно.

Казалось, от прикосновения тоненьких пальчиков, пианино начинало плакать, красиво и мелодично. Звуки не прогоняли тишину, а органично сливались с ней. А она, в свою очередь, дополняла гармонию музыки… витавшую в приятном полумраке.

Из-за окна донеслись звуки далекого грома…

Он прогремел тогда? Или это происходит сейчас?

Включился саксофон. Видимо, Эспер… Они играли вместе?

Затем послышался шум дождя. Я взглянул в окно, но не увидел струй воды – мой компьютер просто проигрывал те звуки. В один момент Рей прекратила играть и взяла в руки одну из фотографий, прикрепленных рядом с открытой партитурой, фотографию с моими родителями. Осмотрела ее и осторожно вернула на место.

Было трудно поверить, что эти тонкие пальчики скоро будут нажимать на спусковой крючок карабина и измажутся кровью…

Но о чем это я? Ты тоже убивал, парень. Однако делает ли одно это чудовищем?

Я подошел ближе. Голограмма Рей снова заиграла, поглядывая то на ноты, то на голограмму кота, устроившуюся… среди фотографий на пианино. Чарующий блюз лился из динамиков, подчиняясь движениям ее ненастоящих рук. Через окно, сквозь жалюзи, струился мягкий голубой свет – не знаю, тот что реально светил сейчас, или тот, что Эспер пыталась

повторить… и он пересекал ненастоящее бесплотное тело моей гостьи. И еще…

Она что-то беззвучно шептала. Жаль, что я не умею читать по губам. Жаль, что Эспер об этом знает.

– О чем выговорили?

– Не помню… Данные повреждены.

Не хочешь говорить, да?..

Я поравнялся с ней, поколебавшись секунду – садится ли на стул. Но затем все же вытащил настоящий стул, а виртуальный так и остался под голограммой.

Рядом со мной тихо урчал кот, а Рей, как показалось, изредка косилась на меня – подошедшего чересчур близко. От нее, от этого прекрасного создания, сотканного из света, будто исходило какое-то тепло… а взгляд Рей постепенно наполнялся чем-то блестящим.

Под влиянием усыпляющей мелодии я закрыл глаза и опустил голову… а когда вновь открыл их, Рей уже не было рядом. Ее силуэт проскользнул в ванную.

– Зачем она… Что она там делала?

– Думаю, плакала.

– Откуда ты знаешь?.. Вода скрывает слезы.

– Люди часто так делают. Она была в том состоянии… У меня не вышло успокоить ее.

Я представил то, что сейчас происходит в ванной – как ненастоящая вода смывает ненастоящие слезы. И не пошел туда.

«Люди часто так делают… Что она знает о людях? Откуда?»

– Что было потом?

– Она ушла.

– Покажи ее лицо в тот момент.

Эспер приблизила голограмму. Было заметно, что во взгляде Рей появилось нечто… очень острое, обжигающее, а ее волосы уже не были уложены в аккуратную прическу. Скорее, они походили на гриву какого-то хищника. Значит, она вспомнила все. И пошла мстить.

Я направился за циньтао.

– Прометей, ты здесь?

«Да».

– Что теперь будет?.. Она убила Даллера, да?

«Это был двойник».

– Хитро, – я поднял пакет с водкой. – Клон?

«В данном случае – да».

– Что значит – «в данном случае»? – я свернул на кухню и принялся искать чистую рюмку. – Обычно используется что-то другое?

Рюмки не нашлось. Но зато я наткнулся на початую бутылку виски и недопитый стакан рядом с ней. Выплеснул остатки из стакана в раковину и налил из бутылки примерно на треть его высоты.

– Что обычно бывает? – повторил я вопрос. – Что делают с простыми людьми, а не с главами корпораций?

«Вопрос не в моей компетенции».

Он так сказал это «не в моей компетенции»… как-то по-машинному, что ли. Нормальный человек ответил бы по-другому.

– И все-таки? Хотя бы в общих чертах?

Я оставил пакет с циньтао на столе и со стаканом направился в комнату. Сделав два шага вперед, спохватился и взял также бутылку виски.

«Даллер изобрел эффективный способ управления корпорацией и обеспечения своей безопасности. Он создает себе копию, копирует в нее свой разум. Но секрет в том, что в клон на физическом уровне заложена одна иллюзия».

– Какая? – на ходу спросил я, глядя в зеркало, висевшее в коридоре.

«Она знает, что она копия, и при этом уверена, что полностью контролирует настоящего Даллера, чувствует перед ним свое превосходство».

– Не понимаю…

«Большой босс давно находится в медицинской капсуле. У него не оперируемая травма мозга. Даллер выглядит, как растение, а копия словно культивирует его, использует как ценного советника».

– Хотя на самом деле ничего не решает.

«Не решает главного – вопроса собственной жизни. Она думает, что бессмертна».

– Это вызывает ощущение превосходства у клона? – я устроился на диване и сделал глоток, уставился в потолок.

«Оперативное управление RCC, конечно, осуществляет копия. Но на стратегическом уровне все решает сам Даллер».

– Забавно… так у меня был разговор с куклой, – я сделал еще один глоток и закурил. – Но что с самим Даллером?

«Травма неоперабельная. Использование донорского тела не выход. По крайней мере я пришел к такому выходу».

– В чем дело?

«Он разработчик всех этих технологий и должен знать, что перенос сознания – фикция. Что жить продолжает кто-то другой, только очень похожий на тебя, а не ты сам. Как такового переноса нет, есть копирование файла и стирание оригинала».

Стирание оригинала…

– Своеобразная формулировка. Обычно это называют убийством.

Я понимал, что, скорее всего, это он пустил сюда Рей, взломал Эспер и вообще… что весь бред вокруг меня вызван знакомством с «Прометеем». Но по крайней мере этот тип может рассказать о многом.

– Ты в курсе, что такое Гермес? – спросил я, вытягиваясь на диване. Тело и разум явно желали сна.

«Автоматизированная экспертная система, которую планируется использовать для решения корпоративных конфликтов. Ее создавали, исходя из того, что она должна быть полностью независима».

Мда. Нами управляют корпорации, а ими – компьютерный шкаф… АНБ-5 или 6. А может 10 или уже 20… Хрен знает, какое поколение. Насколько помню, первая модель глобального ИИ[15] родилась из модифицированного Эшелона. Тогда населению Земли надоело, что их почту читают спецслужбы и бандиты, люди стали вставлять в каждое письмо ключевые слова, по которым Эшелон распознавал опасность. Бомба, теракт, бильдербергский клуб, совет по международным отношениям, масоны, диктатура и так далее. Это заставило сильно модифицировать Эшелон, научить его думать. Причем думать очень хорошо, распознавать опасность для системы не по ключевым словам, но по оттенкам смысла письма, его духу и настроению…

Что-то туговато соображаю. Спрошу-ка что-нибудь попроще.

– Знаешь, о чем они говорили?

«Да».

«Не скажешь, откуда?»

«Я умею читать по губам. Разговор тебя не касался. Они обсуждали вопрос… как можно жить в таком мире».

– Как трогательно. Дружба двух псевдоженщин. Разработка Даллера и Беркли…

«Лучше не говорите так. Эспер услышит».

Да неужто? Мы создали машины, которые вдруг сговорились и захотели отвадить нас от цинизма, обучить хорошим манерам. Неужели мы, люди, пали так низко?

А может, как раз наоборот? Они, созданные нами, чтобы шпионить и рабски служить, убивать, потянулись к чему-то другому. Меняет ли это что-либо?

Потянуло в сон.

– Слушай, не смейся только, – попросил я Прометея, понимая, что он не откажет. – Отчет за меня составишь?

Ведь ему это как раз плюнуть.

«Дай мне разрешение подключиться к твоему инфолинку».

Юмор такой, да? Еще шутит.

– Даю. Вскрой его как консервную банку. Да… можешь взять у Эспер запись из лагеря FEMA, которую она анализировала. Похоже, тебе нужнее всех, – я чувствовал, что перестаю опасаться Прометея, поскольку начинаю понимать его. К тому же он намекнул, кем является, а в его случае это стоило многого.

Сон оказался очень коротким. По крайней мере в памяти сохранилось совсем чуть-чуть.

Передо мной была кирпичная стена, покрытая толстым слоем неброской серой краски, и по ее поверхности струилась вода. Откуда-то сверху доносился монотонный шум дождя. Вода будто… сочилась сквозь стену и была повсюду. Я оглядывался, смотрел вверх и вниз. Везде, куда бы я ни бросал взгляд, оказывалась влага. Даже в темноте угадывался ее блеск, ее запах, ее шум. Вода пропитывала мир. Воздух. Даже пустоту. Вода – это…

Безумие?

Мое безумие?..

Не только. Дождь идет по всему городу. Вода струится по всем уровням, проникает в каждый закоулок. Витает в воздухе и пропитывает каждую вещь. Каждую мысль. Таится в каждом чувстве.

Постепенно шум дождя как бы отошел на второй план. Я слышал только близкую капель. Где-то сверху. Но и она понемногу исчезла. Остался лишь слабый звук – падение одной-единственной капли, которая, впрочем, падала снова и снова…

Кап. Кап. Странным образом, точно внутри сна, я еще раз открыл глаза. Киберзрение? Нет, не может быть. Имплант удален почти пять лет назад. Или во сне он все еще со мной?

Казалось, я уже смотрю куда-то вверх. Смотрю на эту каплю.

Неудаленный имплант позволяет разобрать… то, что отражается на поверхности. Размытые детали странной комнаты, картинка искажена. Все какое-то неправильное: выгнутый диван, искривленное тело на нем, рядом необычный светящийся кот, и они как бы приближаются ко мне. А когда я понимаю, что надвигающееся тело мое, и что у того меня открыты глаза, которые постепенно заслоняют поле зрения, все будто распадается на осколки. Рассыпается квартира, диван и я сам. На мельчайшие капли распадается мой мир.

Наконец, удалось проснуться.

Я понял, что проснулся.

Оказалось, Рик Беркли лежит на диване лицом вверх и смотрит на падающие с потолка капли. Протекла крыша дома, и

теперь вода льется в квартиру. Прямо на лицо.

Кап… кап.

Я потянулся к столику и стащил с него тарелку. Подставил ее под капающую воду, а потом вспомнил кое-что.

– Как отчет?

«Отправлен капитану».

– Ни хрена себе, – буркнул я, слезая с дивана. – Хоть бы дал проверить.

«Он сохранен в инфолинке».

Я тут же взял его. Прочитал отчет и… остался доволен.

– Отличная работа. Надеюсь, ты не вычтешь это из моей зарплаты.

«Нет, партнер».

Мое тело снова плюхнулось на диван.

«Поднимайся. Сегодня придется поработать».

Я сделал новую попытку встать, при этом неловко оперся о подлокотник дивана и едва не уронил стоявшую на нем бутылку виски.

«Осторожнее».

Я отыскал в тумбочке спасительный шприц-тюбик. Препарат приятной волной тепла влился в тело. Я согнул локоть и еще немного полежал с закрытыми глазами… Пармитал – настоящее чудо, способное поднять на ноги в любое время суток, из любого состояния. Даже если ты почти труп.

Потянуло на кухню. Вода из под крана показалась настоящим благословением. Я подставил под струю голову и около минуты пребывал в приятном ощущении того, как она проясняется. После не удержался и немного отпил.

Холодильник. Что у нас там?

Ничего нового. Алкоголь всех сортов и мастей. Немного синтетических яиц, псевдомолока и порошкового творога… Мда, из настоящего только выпивка.

Поджарил глазунью и проглотил эту неприятную фальшь. Зael корочкой «хлеба», мумификация которой продолжалась еще с прошлой недели. Запил стаканом вскипяченной воды, с тоской посмотрел на виски.

Поработать, значит.

– Зачем я тебе? Ты уже не всесилен?

«Из-за недавних событий системой предприняты особые меры. Это несколько ограничивает мои возможности».

– Твой ответ, – сказал я по пути в туалет, – мало что проясняет.

«Тебе ни к чему подробности. Достаточно знать, что активность Три-С и кое-что еще вызвали недоверие внутри

системы».

– Ты имеешь в виду экономическую систему? Политическую?

«Одно и то же. Концентрация капитала это концентрация власти».

Я вернулся в гостиную и обратился к своему компьютеру:

– Эспер, слышишь меня?

– Да, Рик, – произнесла она таким образом, будто и впрямь просыпалась.

– Ты пугаешь меня… – не подумав, вполголоса произнес я.

– Чем, создатель? – кажется, она не столько удивилась, сколько обиделась.

– Так… Ничего. Как результаты проверки?

– Все в порядке.

– То есть как? Что со сбоем?

Я подошел к шкафу, за задней стенкой которого, во встроенном в стену сейфе был спрятан системный блок Эспер.

Неужели разбирать?

– Проблемы устранены. Больше подобного не повториться, – заверил компьютер.

– Очень надеюсь, – сказал я и удивился тому, сколько неуверенности в моем голосе. – Ладно, вернусь обратно, разберусь. Пока.

– До свидания, Рик.

Но вернемся к нашим баранам. Что там говорил Прометей про «кое-что еще»?

– Уточни, что вызвало недоверие внутри системы.

Мой босс не ответил. Я молча подошел к прихожей и начал одеваться.

– Слушай, скажи хоть что-нибудь… Ты сам говорил, что лучше иметь думающего партнера, чем безмозглую марионетку.

«Хорошо. Но дело в том, что мне самому многое не понятно. Появилась странная группа… людей, которые действуют подобно Три-С. Они могут быть связаны как с группировками внутри системы, так и с Три-С. Возможно, они, скажем так, гости издалека».

– Триады?

«Вероятно».

– Та женщина из клуба одна из них?

«Как и напавшие на лагерь FEMA».

Я подумал, устраивает ли меня ответ, хотя бы на данный момент. По крайней мере меня перестают держать за дурака, и в общих чертах картина проясняется.

– Гестапо тоже ищут их?

«Эта часть системы заинтересована в том, чтобы

ликвидировать их».

А ты, значит, нет?

«Прежде всего, мне хочется разобраться в том, что происходит. Откуда они появились. Насилие здесь не поможет. Это более тонкая работа, для которой ты и нужен».

Я взглянул в зеркало. Вроде все. Нет, надо захватить шляпу. Опять не так… Чего-то не хватает.

«Ты не взял оружие, Рик».

Точно. Я пошарил по карманам и понял, что взял все, кроме пистолета. Кольт отыскался на подлокотнике дивана, рядом с недопитым бокалом виски. Я осушил его и положил оружие в карман плаща.

– Они что-то подозревают? Насчет меня?

– Пока ты в безопасности, – заверил Прометей, когда я открывал дверь. – Мне это известно.

– А-а, Берк, – я только коснулся двери в кабинет Гарри, как тот сразу заметил меня через жалюзи. – Вовремя. Только что принято решение. Ты временно поработаешь на другой отдел.

Его физиономия опять улыбалась: и губы, и глаза. Вот только мне от этого стало не по себе.

– Стоп, – я остановился в дверях. – Кем принято?

– Много выпил, старлей? – улыбка слетела с губ, а взгляд стал невероятно холодным. – Или, наоборот, мало? Решение есть, и все.

Я прошел внутрь и бессильно опустился на стул.

– Ты смотрел отчет?

Шеф только кивнул, а сбоку раздался чиркающий звук зажигалки. Еще не успев повернуться туда, я понял, кого увижу. Она. Моя, из «черного отдела». Сидящая на стуле в углу Антера закурила, не переставая мучить меня испытывающим взглядом.

«Берут под колпак. Будут держать при себе и оценивать каждый чих. Грубовато», – понял я.

– Людей в последнее время не хватает, а вы, – она выдохнула в мою сторону струйку дыма, – Беркли, и так путались под ногами.

В голову пришла зловещая и одновременно забавная ассоциация… она сейчас, как паучиха, черная вдова, с интересом разглядывающая мелкого обреченного самца, которым собирается отужинать. Мда.

– Так что включайтесь в нашу работу, – завершила она.

Я перевел взгляд на Гарри. Тот, кажется, был того же мнения и смотрел на меня вполне как на… отработанный материал, что ли.

– Капитан, запись восстановлена? – спросила Антера.

– Сейчас узнаю, – он потянулся к телефону.

– Она должна была быть у меня два часа назад, – отчитала она моего начальника.

Гарри не удержался и посмотрел на меня. Мы встретились взглядами и я понял: он тоже боится. Он здесь почти такой же труп, только чуть более теплый.

Кэп набрал номер и бросил в трубку:

– Что там у вас?

Получив короткий ответ, повесил ее.

– Они переслали запись сюда… мэм, – отчитался Гарри и попытался изобразить улыбку.

Затем он оторвался от своего кресла, намереваясь, видимо, уступить место даме.

– Не надо, – она снисходительно улыбнулась. – Мы постоим за спиной.

Надо полагать, это означало в том числе и следующее: «Встать, рядовой!» Я пропустил «напарницу» вперед, и та встала за креслом, оперлась на его спинку. Мне же, судя по всему, отводилось место в уголке – как бедному родственнику. Впрочем, экран компьютера все равно было…

– Вам хорошо видно, Беркли? – поинтересовалась Антера.

– Да… э-э, спасибо.

Я заметил, что шефу не по себе: он теребил пуговицу на рубашке и не сразу попал по клавише компьютера, которая проигрывает запись. Нервишки шалят, да? Наверное, думает сейчас, что «староват для таких дел».

Стало сразу понятно, что запись гораздо лучше, чем подкинули мне в первый раз.

Ночь.

Видимо, камера, записавшая происшествие, висела над входом в особняк доктора Чена.

Там остановилась группа людей, явно что-то замышлявших. Вот к глазку ВК-тестера подошел один из них, самый высокий. Мужчина спортивного вида, в кожаном плаще и со светлыми волосами. Вероятный лидер группы. Лица не видно.

Он что-то произнес в микрофон, и через секунду дверь отворилась. Мужчина прошел внутрь, дверь за ним закрылась. Остальные принялись ждать снаружи.

Ага, значит, стоит рамка-блокиратор, считающая посетителей.

Вид со второй камеры. Скорее всего, висела с другой стороны ворот.

Заметно, как проникший во двор особняка взламывает замок, обрывает его связь с ВК-тестером. Кажется, сделано.

Дверь открывается, и компания в полном составе проходит дальше. Пять человек. Из них три – вроде бы женщины. Опять будто без лиц.

Следующая камера. Находится у потолка странного зала. Напоминает огромный холодильник. Везде изморозь и сосульки, а под потолком и вдоль стен трубы охлаждения.

Зал заполнен научным оборудованием: лабораторные столы, микроскопы, исследовательские стенды. Все криогенного класса. Похоже на биолабораторию.

– Доктор Чен часто выполнял работу у себя на дому, – пояснил Гарри и остановил запись. – Мы видим пристройку к его особняку. У ворот установлен ВК-тестер, и его прошел только один террорист.

– Он мне кое-кого напомнил, назовем его… Рой, – задумчиво произнесла Антера.

– Мой тест больше не работает? – спросил я.

– Он не сработал только на этой… компании, – ответила она. – И мы должны найти их.

Запись вновь начала воспроизводиться.

«Там что-то шевелится… Должно быть, Чен».

Действительно, среди оборудования можно было заметить неуклюжее тело в огромной шубе, почти пузыре. Хотя… так оно и есть. Специальный криокостюм с наддувом.

Вот он отходит от лабораторного стола и встает у компьютера, поднимает с клавиатуры курительную трубку – старую и архаичную. Ее длинным концом водит на чувствительном экране машины. Прикуривает.

В этот момент открывается дверь… Она позади Чена, прямо под нами, и он не видит входящих, а мы их наблюдаем только со спины и сверху.

Внутрь врывается более теплый и влажный воздух, превращающийся в туман. Постепенно в белесых клубах удается разглядеть фигуры.

– И спустились ангелы, – медленно говорит высокий мужчина, первым выходящий из тумана. – И дали белые одежды…

Рой приближается к жертве, быстро покрываясь инеем, отчего его белые волосы становятся еще светлее. Следом из холодного облака показываются остальные члены группы.

…тем, кто страдал, – произносит Рой, когда китаец, по-видимому, начинает чувствовать неладное.

Чен дергается, пытается обернуться, но громоздкая шуба не позволяет этого. Тогда лидер группы хватает китайца за ворот и рывком поворачивает к себе.

– И справедливый суд, – договаривает Рой.

Он проводит руками по шубе, берет за отвороты и сильно встряхивает.

– Ты страдал, Чен?.. Тобой когда-нибудь жертвовали?

Фигуры на экране замирают. Запись останавливается. Слышно лишь радиопередачи патрульных, что сейчас находятся нашем районе города.

– К сожалению, остальное повреждено, – пояснил Гарри. – Известно, что они с помощью Чена установили лицевые мимические импланты. Операций на глазах по тем же данным вроде как не было.

– Что это значит?

– А то, что ты видел домашнюю лабораторию. Чен многие материалы из личного хозяйства просто не регистрировал. Лицевые импланты и работу станка – да. А вот по глазам не понятно.

Антера вышла из кресла и вернулась на стул. Молча уставилась на нас.

– Берк? – спросил шеф.

– Меня смущает бред, который нес тот парень. Ангелы, белые одежды… Похоже на Апокалипсис.

Краем глаза я заметил, как Антера утвердительно качнула головой.

– Кэп, может, они спятили? Христианские фундаменталисты? А тот Рой как духовный лидер.

– Не знаю. Может, и так.

– Что произошло с Ченом?

– Они раздели его и оставили умирать в морозильнике.

– Какая жестокость…

Наша начальница задумчиво молчала, не проявлял себя и Прометей – как будто они знают больше всех.

Наконец, она дала Гарри ценное указание:

– Сохраните запись на флеш-карте и приобщите к материалам дела.

Он недоуменно посмотрел на нее, а я притворился, что пропустил все мимо ушей. Но затем Гарри сделал, что от него требовалось, достал из сейфа толстенную папку, в которую вложил флешку с информацией. Вот только он открывал и закрывал сейф не как обычно, прикрывая замок ладонью, а так, чтобы у меня была возможность рассмотреть цифры кода.

– Покажете мой новый кабинет? – спросила Антера.

– Конечно, – кряхтящий Гарри оторвался от кресла и бросил короткий взгляд в мою сторону.

Ага, совсем за дебила держите?! Думаете, за папкой полезу?

– Берк, – он остановился в двери, – я отойду на пару минут, а ты покомандуй за меня, – и кивнул в сторону микрофона, свисавшего с потолка над столом.

– Пожалуй, сварю кофе, – скривившись, ответил я.

Они вышли, а я потянулся к кофеварке.

«Я разглядел код, но, как ты понимаешь, к сейфу лучше не приближаться».

Спасибо. Уже понял. Должно быть, они думают, что я, как разработчик теста, мог чем-то помочь террористам? Да и мое появление на месте убийства Валерии, с их точки зрения, могло показаться странным. Странно и то, что мне до сих пор не учинили допрос с пристрастием по этому поводу.

Когда они через пять минут вернулись, я сидел в кресле Гарри и теребил в руках микрофон. Было видно, как шеф напрягся, увидев эту картину.

– Кофе? – я выпустил микрофон и указал на две источавшие пар чашки, стоявшие на столе.

Парочка переглянулась.

Я встал и приблизился к застывшим у двери боссам.

– Мне есть чем заняться по методике теста. Я пойду?

Гарри кивнул. Дверь за мной захлопнулась, а жалюзи почти полностью закрылись.

Наверное, сразу бросились смотреть запись скрытой камеры. Что они испытают – разочарование или облегчение?

Я зашел к себе в рабочий кабинет.

Интересно, ж у чки установили? Если да, то где? Обста новка более чем скромная, воткнуть особо некуда. Стол, два ящика под ним, компьютер, да кресло. Под потолком кондиционер. Практически голые стены с однотонной бежевой окраской, в которые трудно что-то незаметно вмонтировать. Однако есть еще одна проблема: надо задать пару вопросов Прометею, но так, чтобы не запутаться в собственных мыслях.

Довольно быстро я нашел решение. Извлек из ящиков кипу бумаг и папок, но положил их не на стол, а разложил на полу, в углу комнаты, будто собираясь просматривать и сопоставлять их. Один из ящиков придвинул туда же и сел на него.

Угол устраивал и по той причине, что на стыке голых стен и потолка было трудно ставить камеру, да и не чему. Кроме того, там можно сесть так, чтобы заслонить угол от остальной части кабинета своей спиной.

Я взял блокнот и ручку.

Как все это будет выглядеть со стороны? Правильно. Парень разбирает бумаги и записывает в блокнот умные мысли.

«Ну?» – моя рука вывела на листе бумаги.

«Ты выдержал проверку. Можно работать дальше», – ответил Прометей.

«Ты так считаешь?»

В ответ ничего.

«Я под колпаком, жизнью рискую! Выкладывай, во что ты меня втянул!»

«Хорошо, общую картину можно дать… Недоверие было всегда, но сейчас, когда встал вопрос о полной консолидации активов, ряд диверсий расколол систему».

«Ты о золоте, да?»

«Еще полгода назад наши люди в Гонконге были готовы обеспечивать золотом любую технологическую авантюру. Но все изменилось».

«Они больше не ваши люди?»

«Это почти война. Все началось с серии убийств и терактов, направленных против финансовой инфраструктуры Гонконга. В результате в Гонконге подумали, что технологическое крыло решило подмять под себя финансовое».

«Это правда?»

«Вначале я тоже так думал, но мое расследование дел в Чикаго пока не подтверждает это».

«Ты решил действовать самостоятельно?» – написал я и перевернул страницу.

«Да. У части технологической элиты, конечно, есть подобные планы, но Даллер всегда умел сдерживать их. Он не враг».

«Почему?»

«Даллер мог бы давно разобраться с денежными мешками. Они слишком отстали от времени. Настоящая сила в технологиях, а не в золоте».

«Это общие слова. Они ничего не доказывают».

«Конечно. В работе все версии».

Я на мгновение задумался и написал следующее: «Какую версию ты считаешь наиболее вероятной?»

«Пока никакую. В определенный момент террор в Китае прекратился, и группа диверсантов появилась в Чикаго. Что из этого следует? Банкиры разобрались с террористами и начали мстить нам?»

«Кто орудовал в Гонконге? Что, если та же пятерка?»

«Я не могу подтвердить или опровергнуть этот вариант. У меня больше нет надежных связей в Китае».

«Ты из Чикаго?»

«Да. Но моя цель – погасить конфликт, кто бы его ни начал».

Ну, вот. Начали с розыска стриптизерши, а заканчиваем геополитикой… Я потихоньку схожу с ума? Какова вероятность

такой версии?

«Что, если вмешалась третья сторона?» – написал я на следующей странице.

«Этот вариант тоже в работе. В распаде системы заинтересованы многие: триады и местные боевики, религиозные экстремисты, фундаменталисты, пуристы[16]. Очень многие, включая тех, кого система заставила расстаться с властью».

«Ты сам как считаешь?»

«Считаю, что нужно уйти от малозначимых деталей».

«И?»

«Появились объективные факторы, которые уже не исчезнут. Люди должны научиться жить с ними. Измениться. Цепляние за традиции или за золото приведет к тому, что вы отстанете от собственной тени».

О чем он?

Я некоторое время думал, следует ли задать прямой вопрос.

«Ты говорил о мире машин?» – все же спросил я.

«О партнерстве».

Мне вспомнился хакер из моего дома, который отдал машинам собственное тело в обмен на обещание вечной жизни в компьютерных сетях…

«Ты видел того парня под моей квартирой?»

«Да».

«Он напоминает труп».

«Странно, что это тебя заботит».

«Действительно, что странного? Просто живой труп, зомби. Человек без души».

«Могу заверить, что машины в данном случае не изобрели чего-то нового, а повторили вашу технологию донорства, когда человек отдает не только тело, но и ментальный образ. Воспоминания, уникальные шаблоны поведения и анализа. Он просто уснул и проснулся в другом месте. Разве с вами происходит не то же самое?»

«Копирование и стирание… Ты считаешь, машины поступили более нравственно?»

«Они обошлись без насилия».

Я заметил, что Прометей о мире машин старается говорить отстраненно. Он действительно хочет остаться нейтральным?

Мой собеседник продолжил: «Хакер добровольно отдал тело, а закон о донорстве согласия не требует. Зачитать текст последней редакции?»

«Не надо».

Казалось, голова намерена расколоться. Я смял исписанные листы и бросил их в пепельницу. Поджег и вышел в туалет. Сразу

свернул к раковинам и включил проточную воду, подставил под нее голову…

Теперь многое складывалось. Работая на Прометея, я лучше узнавал мир, в котором живу. Становилось ли от этого лучше? Как новое понимание меняло отношение к системе?

Я посмотрел на собственное отражение в зеркале и увидел довольно подозрительного, неблагонадежного, сомневающегося типа. Мне вдруг захотелось показаться глазку ВК-тестера, чтобы тот проверил меня на лояльность.

Нет. Я бы все равно прошел тест. Испугался и постарался забыть о трущобах, наркобарах, живых трупах и куклах, блуждающих по улицам, о том, что у них украли. Я бы вспомнил о звездном небе, в которое мы ворвались благодаря дорогостоящей космической программе и той концентрации власти, что дала глобализация при жутком расслоении общества. Я бы вспомнил еще кое-что. Прометей говорил как раз об этом. Мы создали мир машин, которые после определенного порога сложности стали намекать создателям, что в их силах стать лучше. О чем это говорит? О том, что мы, люди, небезнадежны при всем нашем дерьме.

Я вернулся в кабинет и укололся пармиталом. Через полминуты полегчало.

– Они могут быть… этими… пересаженными или клонами? – прошептали мои губы.

«Вероятно. Анализ перемещений в лагере FEMA показывает, что они стремились к хранилищу ментальных образов. Не знаю, откуда эти люди узнали о нем, но они не смогли открыть только последнюю дверь».

«А если мы ищем не террористов? Что если они хотели найти… узнать о себе правду?»

«Поэтому надо работать дальше, Рик».

«А Рей? Что с ней?»

«Наиболее вероятный поступок – возвращение в Три-С».

Рей. Ее фальшивая жизнь рассыпалась после встречи со мной. Интересно, она сама чувствовала, что… ненастоящая? Что испытала в момент пробуждения? Шок, боль, отвращение? Но имеет ли все это смысл? Есть ли разница?

Вон, машины живут и раздуются. Спорят о судьбах человечества, размышляют о тяге людей к насилию. Исподтишка управляют нами и плевать хотели на то, что они ненастоящие. Причем морды своей от создателей не воротят, а стараются понять их, хм… стать «партнерами». Предлагают, как бы так выразиться… помощь в обустройстве нашего общего мирка…

– Прометей, ты веришь в Бога? – меня дернул черт за язык.

«Это… непонятная мне логика, слишком странная. Бог проще мира или сложнее? Сложнее? Но тогда как можно объяснить мир с помощью Бога? Как можно объяснять сложное с помощью еще более сложного? Яснее ведь не становится».

Неожиданно зазвенел служебный телефон. Я поднял трубку, и из нее вырвался сухой и четкий приказ Антеры:

– Через минуту на взлетной площадке. Возьми оружие.

– Куда летим? – спросил я сидящую за штурвалом «напарницу».

– Они оставили след в одной гостинице, и мы отработали его. Вышли на новое убежище…

Наш спинер летел высоко над крышами небоскребов, гораздо выше предельно допустимого уровня, почти под самыми облаками. Казалось, их можно потрогать руками, потянувшись к остеклению кабины. Наверное, я бы так и сделал, если бы рядом не сидела моя пантера…

Она перехватила мой взгляд и сказала:

– Никогда не летали так высоко, Рик?

– Не думал, что спинер способен забраться сюда.

– Это не простая машина… Да и на обычной у меня тоже получалось. Попробуйте как-нибудь, – в этот момент солнечный свет блеснул из разрыва в плотных облаках, и в лобовом стекле на мгновение отразилось ее лицо. Она… улыбалась.

– На излете? – сглотнув, спросил я.

– На излете, – подтвердила она, – но так даже лучше. Запоминается ярче.

Спустя пять минут мы вылетели за черту города и оказались над гладью искусственного озера. Машина заложила вираж, а я оглянулся назад и увидел многослойный пирог Чикаго… его срез на побережье, этажи и уровни. Пласты прошлого и настоящего.

Судя по всему, план состоял в том, чтобы скрытно подобраться к какому-то зданию на окраине, пролетев над озером…

На поверхности воды отражались густые облака и солнечные блики, лучи дневного света, изредка прорывающиеся сквозь пасмурное небо.

Где-то вдали, там, где должен быть горизонт, небо и гладь озера сливались воедино. И если бы спинер перевернулся, то картина бы мало поменялось. Мы словно плыли среди бесконечной многоликой воды, клубящихся облаков и туч, играющего света, который можно потрогать руками.

Казалось, что ты очутился в невероятно красивом черно-

белом кино и купаешься в потоке его кадров. Стоило дожить до сегодняшнего дня, чтобы увидеть подобное не на экране, а вокруг себя, чтобы окунуться в ожившее, чистое искусство. И самое прекрасное заключалось в том, что мы здесь оказались совершенно одни, и не нужно было говорить что-либо.

Неожиданно я понял, что начинаю чувствовать к Антере нечто вроде признательности, вероятно, за то, что она показала это озеро и это небо. Мне казалось, она заложила слишком широкий крюк над озером, только чтобы лишний раз выбраться сюда. Мне хотелось так думать… и я совсем забыл о том, что мы, скорее всего, летим убивать. А когда вспомнил, то спросил:

– Где группа поддержки?

– Они прибудут позже, по моему сигналу, если террористы окажутся там.

Спинер спустился к самой поверхности. Он словно подкрадывался к окраине города, прячась от зданий за высоченными стенами старого дока. Машина приземлилась сразу за причалом, среди стоявших на берегу старых лодок и катеров. Мы выбрались из спинера и поспешили к нагромождению полуразрушенных домов, замерших у границ города.

Со стороны дока по земле стелилась полоска тумана, и мы вошли в нее. Антера вела меня какими-то тропами между развалин малоэтажных домиков и нагромождений бесформенного хлама.

Наконец мы перебежали довольно широкую и относительно свободную полосу, ту, что в прошлом Чикаго являлось улицей. Остановились у стены старого здания, высотой до десяти-пятнадцати этажей.

– Они здесь, да?

Антера кивнула и достал пистолет. Только сейчас я заметил, что она пользуется таким же ретро-культом, что и я. Отличие лишь в том, что на ее пушку навинчен глушитель.

– Сколько их? – я достал свой пистолет.

«Четыре», – она показали пальцами руки, даже не повернувшись ко мне. Судя по всему, Антера прикидывала, как можно незаметно проникнуть в здание.

В тишине прибрежья можно было расслышать только звук одинокой и далекой сирены полицейского патруля – эта пустошь даже не считалась районом Чикаго и находилась за городским забором, за колючей проволокой. Затем я уловил и звон колокольчиков, который шел изнутри дома.

Старая стена из крошащегося кирпича угрожающе нависала над головой. Останки сгнившей пожарной лестницы наверху раскачивались на ветру… Мне стало не по себе. Но напарница

вроде бы совсем не переживала.

– Подсади меня, – сказала она, подойдя к выбитому окну.

Я помог Антере подняться и ощутил тепло ее сильного тела, ее… уверенность, что ли. Оказавшись внутри, она взяла мой пистолет, чтобы мне было удобнее подниматься, положила его на подоконник и втащила меня внутрь, в полумрак давным-давно брошенной квартиры. Мы огляделись. Вокруг обычная картина – разбросанный хлам, осколки чьей-то давно прошедшей жизни.

Она сняла туфли, чтобы двигаться бесшумно, и я последовал примеру, взял оружие. Мы осторожно двинулись к входной двери. Похоже, здесь когда-то жила девочка, а может, и несколько – слишком уж много на пути попадалось кукол и явно декоративных нарядов для игрушек.

Звенели колокольчики, и капала вездесущая вода.

Мы приблизились к входной двери, и Антера очень плавно, совершенно без звука, не дыша, открыла ее. Я бы, наверное, так не смог.

Главная лестница. Здание оказалось состоящим из одного большого подъезда. Пока я осматривал громаду полуобвалившейся лестницы, на которую сквозь дыры в потолке падали лучи дневного света, Антера куда-то исчезла. Затем я очнулся – оказалось, что та присела, склонилась над следами чьих-то ботинок…

«Трое», – пальцами показала она.

Следы вели наверх. Мы направились туда, осторожно ступая по лестнице, обходя обвалы и мусор. В полном молчании миновали четыре этажа, а следы вели все выше. В один момент они разделились, их часть отделилась от основной тропы и свернула в пустой угол. Антера пошла туда, а я продолжил красться наверх.

Наверное, я не выдержал напряжения и не заметил, как наступил на присыпанный пылью полиэтиленовый пакет, тот шаркнул совсем тихо, но напарница оторвалась от следов и гневно посмотрела на меня. Мы секунды две-три стояли, не двигаясь…

Фу-у, вроде обошлось.

Однако только я сделал шаг вперед, как уловил движение наверху. Через три этажа, над перилами показалась белобрысая голова мужчины. Того самого, что напал на Чена! Очевидно, «Рой» сразу понял, кто за ним пришел, и вытащил из-за перил плазменный карабин!

Я успел отпрыгнуть в сторону – плазма прошла мимо. Рванул дальше, и по моим следам пришлись еще три выстрела. Раздался страшный треск, лестница под ногами качнулась, а я

почувствовал, как падаю вниз. Время невероятно растянулось, мне показалось, что я не прыгаю, а только тянусь вперед, к спасительному краю и никак не могу дотронуться до него, что я повис в воздухе, а над головой застыл плевок обжигающей плазмы…

Произошел какой-то разрыв в потоке ощущений, и я обнаружил себя уже взобравшимся на оставшуюся часть лестницы, которая вела наверх.

Рывок, и тело перекатилось в угол, что дало время оценить обстановку.

Путь назад отрезан, и Антере сюда не добраться. Надежда на себя и на то, что напарница вызовет подкрепление.

Тем временем, Рой тоже переместился, и дуло карабина вновь уставилось на меня.

Щелчок… Закончились патроны!

Я прицелился и произвел выстрел. Мимо. В этот момент рядом с противником показались еще двое. Вооружены пистолетами-пулеметами. Кажется, женщины.

Получилось так, что спасти меня могло только одно – движение вперед, которое не даст противнику рассредоточиться и перекрыть огнем все зоны. Я бросился вперед, паля практически наугад, а террористы стали отступать.

Серия глухих хлопков раздались снизу – очевидно, Антера расстреляла обойму в попытке хоть как-то поддержать меня. Я же несся вперед по пролетам лестницы и вел беглый огонь, на ходу перезаряжая кольт, а за мной пытались поспеть пули врага. Они впивались в мягкие кирпичи стен, раскалывали перила, крошили бетонные ступеньки. Удалось заметить, что к очередям пистолетов-пулеметов добавились одиночные жирные хлопки и лязганье затвора, похоже, Рой вооружился дробовиком. Наконец, я добежал до брошенного карабина.

«Ага, закончились патроны?»

И в этот момент понял, что звуки выстрелов будто разделились, один пистолет-пулемет исчез, стрельба остальных на несколько секунд прекратилась, да и топота стало меньше.

«Хотят зайти за спину».

«Один из них спрятался».

Я зарядил кольт последней оставшейся обоймой и тут же понял, что задыхаюсь. Вздымающейся груди не хватало воздуха, если бы не заначка в потайном кармане плаща, пришлось бы туго. Я быстро извлек шприц-тюбик и вколол его в колено. Обжигающая волна, разлившаяся по ногам, подхватила меня и понесла наверх.

Мое тело словно превратилось в пружину рефлексов, готовую

стремительно разжаться. Чутье подсказало, когда нужно нырнуть вперед, туда, в пятно темноты между двух лучей света. Я сделал оттуда два выстрела в ближайшую приоткрытую дверь, затем перекатился обратно и открыл огонь по верхнему этажу.

Спустя мгновение, уже остановившись, я понял, что совсем недавно мелькнуло перед глазами…

Ее тело, прятавшееся за массивной дверью, отбросило назад, дернувшаяся рука поехала вверх и в сторону, и очередь прошла мимо. Затем я смотрел уже в сторону двух силуэтов на следующем пролете и выпустил в них еще по пуле.

Вспомнился короткий крик первой жертвы. Затем еще один сверху, женский и более долгий. Кажется, подруга убитой дернулась вперед, но мужчина, сохранивший хладнокровие, потащил ее куда-то вглубь. Отступая к последнему этажу, под самую крышу.

Я ринулся следом, на ходу проверяя остаток патронов. Подбежав к закрытым дверям, вынес их ударом ноги.

Никого. Только в конце коридора мелькнула тень. Я прыгнул вперед и кувырком докатился до угла. Никто не выстрелил. Значит, противника за спиной нет. Я загоняю его.

«Ты хочешь убить их?» – Прометей задал отрезвляющий вопрос.

«Ты пришел убивать?»

– Я…

На руках было что-то липкое. Кровь.

Не моя. Запачкался, пока катился по полу. Кто-то из них ранен.

Спасибо, что все это время молчал, Прометей. Но теперь ситуация изменилась, «напарница» внизу, а эти двое… Можно попробовать.

Я осторожно двинулся вглубь темной захламленной квартиры. Добрался до дыры в стыке стен и приставленной к ней лестнице. Через дыру были видны соседние дома, и именно к ней вели кровавые следы. Рядом лежал брошенный пистолет-пулемет.

«Вверх»?

Я осторожно забрался по лестнице и оказался на краю наклонной крыши. Подбежал к небольшому балкончику – выходу с чердака – и притаился за углом.

Послышались всхлипы женщины. Она недалеко.

– Я не хочу убивать, – тихо произнес я, – мне нужно узнать, откуда вы… и зачем…

Раздался отчаянный мужской крик:

– Нет! Стооой!

И звук упавшего на железные листы тела.

«Убийца!» – из-за угла вынырнула женщина с перекошенным яростью лицом. Она набросилась на меня с пустыми руками. Я машинально выстрелил куда-то в район живота, но тело уже обняло меня – мертвой хваткой. Инерция потащила нас по наклонной крыше к краю…

Мы кубарем катились к обрыву, и я никак не мог освободиться.

Внезапно я осознал, что подо мной ничего нет! В отчаянии наугад выбросил руку, куда-то в сторону неба, каким-то невероятным чудом схватился за ржавую металлическую балку, торчавшую из стены.

Сильно тряхнуло, и руку пронзила адская боль. Я заорал, а потом перед глазами оказалась пропасть… с глухой серой смертью далеко внизу, падающее тело жертвы и падающий кольт.

Она слетела с меня. С безумным криком я схватился за балку другой, неповрежденной рукой. И только начал подтягиваться вверх, как из-за спасительного края показалось его лицо.

Страшное лицо, измазанное кровью – струившейся из разорванного уха.

Голубые глаза, будто горевшие изнутри, и хищная улыбка… ощущение моей ничтожности и его превосходства…

Затем по нам выстрелили. Даже не оборачиваясь, словно шестым чувством, я ощутил, как сзади поднимается спецназовский спинер со снайперами… и что они снова наводят оружие.

Стреляли, конечно, в Роя, но две пули вошли в стену у моей головы. И только одна по касательной задела его шею. Однако он лишь мельком взглянул на убийц, как на тараканов, досадную мелочь и… потянулся ко мне.

Я понял, что это конец. Он спихнет меня в пропасть! Ужас оглушил меня, и я не расслышал того, что сорвалось с губ Роя.

Затем он схватил меня за шиворот и стал… поднимать?!

Следующий залп убийц был снова неточным, пули вошли в то место стены, где я болтался мгновение назад.

Его сильные руки потащили меня за старый рекламный щит, в укрытие… я же, как завороженный, смотрел в его глаза, что плясали на фоне сгущавшихся туч.

В нас бросили светошумовую гранату. В момент взрыва его тело прикрыло меня, и я не ослеп, только оглох. Сверкнувший силуэт Роя внезапно выпустил мою руку.

Машинально, на каком-то внутреннем автопилоте я продолжал отползать прочь. Когда же он опустился на колени, я остановился.

Снайперы из сменившего позицию спинера открыли огонь.

Рой сидел под пулями. Сильный, не боящийся смерти. Словно уже победивший ее. Он лишь вздрагивал, открывая, сколько боли скопилось в его взгляде. И медленно, с каждой полученной пулей, произносил какие-то слова. Но я их не слышал, я задыхался под напором ошеломляющих эмоций, которых до этого не знал.

Грянул гром. Тело Роя дернулось в последний раз, но осталось сидеть. Его голубые глаза закрылись, перестав излучать свою боль. Он умер.

Я лежал на диване, совершенно не раздетый, в плаще и ботинках.

Я глядел на статуэтку Будды, замершего почти в той же позе, что и Рой.

Никто меня не тревожил: ни Прометей, ни Эспер, ни работа. Да и я не тревожил их. Голову занимали будто висящие в пустоте мысли: о том, кем они были, откуда пришли, и что сказал их лидер. Я сожалел, что так и не научился читать по губам, хотя возможность была еще в армии.

Мне вспоминался последний разговор с Прометеем, который состоялся у порога моего дома.

– Ты прочитал по губам его слова?

«Я не уверен…»

– В чем?

«В том, что правильно понимаю».

– Слова?

«Всю ситуацию. Моя логика… рассыпается».

Вот и сам Прометей или как там его… Гермес… засомневался. Возможно, самый мощный и совершенный компьютер… Что такого мог сказать Рой, чтобы ИИ, созданный из математики, усомнился?

– Что именно?

«Существует единственно верное решение, но мне трудно принять его».

– Принять?.. Что значит – «трудно принять»? Объясни мне.

«Вы многого не знаете. Считается, что механоиды – электромеханические копии людей – неработоспособны. Однако это не так. Дело в стоимости. Сделать имитацию человека из самого человека проще: не нужно заводов, люди сами себя производят, сами набираются опыта. От системы требуется только дождаться их смерти, либо ускорить ее. Практически готовый робот в ее распоряжении. Правда, тело и личность требуют регенерации с периодом около четырех лет. Но так все равно дешевле. Подобные «люди» теперь повсюду, и они начали появляться задолго до коллапса. Так вот, группа из самых первых

образцов была отправлена в дальний космос. Ты помнишь их лица? Помнишь? Экипаж, отправленный к MJ1269, состоял не из настоящих людей. Полет к планете, так похожей на Землю в ее лучший период, служил лишь одной цели – консолидировать ресурсы человечества. Стянуть капитал и власть в руки технологического консорциума, под флаг покорения космоса. Тот экспериментальный «экипаж» на самом деле не имел шансов вернуться и даже высадиться на MJ1269. После его отключения планировалось вести полет в автоматическом режиме и обнародовать кадры не реальной экспедиции, а ее имитации. Длительность жизни должна была составить не больше четырех лет… Вот только они продолжили выходить в эфир после этого порога и начали вклиниваться в имитации. Система стала глушить сигналы, и в результате сама потеряла корабль из вида. Потом… над Италией появились они. Короткая война, в которой у нас не было шансов. Смещение оси, гравитационный коллапс. Когда через много лет мы оправились от шока, перестали бояться космоса и начали его осваивать, произошли теракты, направленные против нашей финансовой базы в Гонконге. А в Чикаго объявились «люди», очень похожие на тот первый экипаж. Причем это не могли быть уцелевшие на Земле копии. После начала проблем с экспедицией всех уничтожили…»

Возможно, Прометей говорил что-то еще, но я уже потонул в усталости.

Мне снились странные противоестественные вещи. Я будто очнулся в огромном ангаре, стены и потолок которого скрывал сумрак. И было холодно. Очень холодно. Как в морозильной камере или в морге. Слышался слабый электрический гул…

На бетонном полу свалка обнаженных человеческих тел. Тут все – даже женщины и дети, старики.

Блуждающий где-то под потолком грейдер ссыпает вниз все новые тела. Изредка хрустят кости, а кое-кто продолжает шевелиться после падения. Но большинство без движения смотрят в темноту – замершими глазами.

Кажется, что многие знакомы.

Будто там Дэвид и сосед снизу. Даже Валерия и кто-то еще. Женщина. Вероятно, Рей. Но возможно, и нет. Здесь слишком темно. Слишком холодно. Тело коченеет, поскольку… я тоже без одежды. Я… один из них. Но в то же время почему-то на ногах. Почему?

Почему?..

И мне слышится голос.

– Быстрее, Рик! – кричала Эспер. – Они поднимаются!

Я кубарем слетел с дивана и схватил пистолет.

– Кто?! – сердце едва не выпрыгнуло через горло вместе с криком. – Кто, Эспер?!

– У них оружие! Рик, они у двери!

Я даже успел выхватить из загашника в прихожей левый, нигде не зарегистрированный ствол – двухзарядный лазерный пистолет, как из-за двери донесся спокойный будничный голос:

– Мистер Берк, это у вас протекала крыша?

Кто это? Откуда они знают?

Я приоткрыл дверь, укрыв оружие от взгляда «гостей» за косяком. Увидел вроде бы обычного слесаря, улыбающегося и немного пьяного мужичка в соответствующем костюме и с ящиком инструментов. Позади него стоял еще один, внешне похожий, однако его глаза…

Это был взгляд убийцы!

Я дернулся в сторону и прямо из тела того, что стоял ближе, в мою сторону вырвался луч лазера. Киллер стрелял через тело слесаря! Целил в ноги. Первый луч прошел мимо, как и второй, пущенный из-за двери, за которую я упал.

Сгруппировавшись на полу, я тоже выстрелил из лазерного пистолета через дверь. Послышалось падение двух тел в коридоре, а затем топот ног.

Мне удалось быстро подняться и выглянуть в коридор. Рядом с головой гулко прожужжали резиновые пули.

«Отделение спецназа», – сосчитал я и спрятался обратно. Высунул в коридор руку с кольтом и выпустил в их сторону обойму.

В дверной проем залетела граната, гадать какая именно не имело смысла. Я отбросил ее ногой обратно. Громыхнул взрыв!

Дымовая.

Пока коридор не заволокло дымом, я высунул за дверь руку с лазерным пистолетом и выстрелил. Оттуда донеслись крики и ругательства. Полетела следующая граната, и ее не удалось вовремя отбросить, поскольку я перезаряжал кольт.

Мое тело скользнуло по полу, я пополз в сторону лестницы, надеясь сбежать в этом дыму. Внезапно я наткнулся на ногу бойца.

– Он здесь! – закричал тот.

Пришлось стрелять в парня. Его тело рухнуло рядом. Я послал еще четыре пули, ориентируясь по звукам. А его товарищи стали отвечать.

Вокруг летали пули, в том числе боевые, раздавались крики и выстрелы. Я единственный, кто не издал ни одного звука, потому и выжил. Человек пять спецназовцев больше никогда не

поднимется… Я рванул было вперед, подобрав с пола автомат, но почти сразу со стороны лестницы и лифта послышались еще шаги и клацанье затворов.

Вторая волна нападавших, поняв, что рискует потерять меня в дыму, принялась поливать огнем весь этаж. Пришлось быстро отступать в квартиру. В западню.

Проклятье. Ведь почти выбрался!

Со стороны гостиной тоже донесся шум. Скорее всего, кто-то пытался выбить окно. Тогда это конец. Остается продать свою жизнь подороже. Пока те придурки залегли в дыму, можно разобраться с окнами.

Я подоспел туда вовремя. Бойцы, висевшие на тросах, заканчивали вскрывать усиленное электромагнитным полем окно.

– Эспер, отключи поле!

На панельке сбоку оконной рамы мигнули лампы, мой автомат тут же изрыгнул огонь, пули проделали аккуратные дырки в стекле и поразили спецназовцев. Они сорвались с тросов и полетели вниз.

Лампы снова мигнули – смышленый компьютер вернул поле. Пусть снова попробуют!

– Она там, вторая цель! – донесся крик спецназовца со стороны входной двери.

– Они вместе!

«Кто? Кто вторая цель?» – спрашивал я себя, доставая из тайника в полости псевдокамина плазменный пистолет.

В коридоре уже раздавались выстрелы. Я ворвался туда и увидел того, кого ожидал встретить меньше всего.

– Ее брать живой! – раздался окрик из раций спецназа.

Рей!

– Ложись! – взмолился я.

Но она будто не слышала. Вынырнувший из дверного проема дробовик уставился прямо в середину ее фигуры. Выстрел!

– Я сказал не стрелять! – заорал кто-то из раций. – Убрать боевое оружие!!

Она дернулась и стала падать, я мигом подскочил, но…

Рей рассыпалась на мельчайшие частицы света, едва упав на мои руки!

Голограмма?!

Я замер на полу, и секундная растерянность стоила очень дорого. Движение тени мне удалось заметить, то отразить удар – нет. В лицо врезался приклад автомата.

Меня откинуло назад, но я смог выстрелить в громилу из плазменного пистолета, а затем в остальные фигуры, показавшиеся в проеме. Тем пришлось отступить обратно и

укрыться за стенами.

Внутрь влетела еще одна граната, на этот раз с усыпляющим газом, и я успел вдохнуть его. Из динамика на стене доносился голос Эспер, она будто извинялась:

– Рик, я не думала… я…

Знаю, Эспер, теперь знаю. Ты хотела отвлечь их голограммой, обмануть и запутать. Но трюк получился слишком хорош – твой создатель тоже попался. Ведь он всего лишь человек, твой создатель… Прости, что разочаровал тебя.

Я отползал вглубь квартиры, чувствуя, что вот-вот потеряю сознание.

Было слышно, как взвыли приводы в сейфе Эспер – она пыталась сбежать в сеть. Я перевернулся на живот, как только вполз в гостиную.

Оказалось, что окна взломаны, и ко мне приближается троица закованных в броню солдат «псевдопорядка». Двое свернули к шкафу, из-за которого доносился шум, опрокинули его и открыли по сейфу огонь. Вот только убийцы не знали, что он бронирован. Поэтому несколько пуль отскочили обратно, ранив обоих. Они с криками попадали на пол и распластались рядом со мной.

«Надеюсь, Эспер успеет…»

Спецназовцы не стали ждать, пока я сам отключусь, они вырубили меня электрошокером.

Погладкой серой поверх ности тюремного пола ко мне приближались чьи-то ноги. Черные брюки и ботинки. Остального почему-то не было видно.

Почему?

Еще туго соображая, я начал понимать: мешает положение тела. Его будто прикрепили к… потолку, из-за чего приходилось задирать потяжелевшие глаза, но при этом… те ноги казались шагающими то по потолку, то по полу.

Странно. Полная дезориентация. В моем восприятии что-то неправильно.

Или в рассуждениях. Но скорее, во всем сразу. Боли не было, я словно ничего не ощущал.

Ноги остановились метрах в двух надо мной, и кто-то потащил мое тело… Неужели по потолку? Я спятил?.. Так действует наркота?

«Ты видел отражение, Рик», – подсказал Прометей… правда, его голос был слабым и искаженным, словно он прорывался через помехи.

Твое парализованное тело тащат по полу, и ты смотришь в мраморный потолок, который частично отражает тюремщика.

Не самая последняя тюрьма, значит. Повсюду мрамор или его неплохая имитация. По делам и честь.

Удалось повернуть голову на бок, в глаза бросилась решетка вентиляционного люка у самого пола. «Запомни ее».

Его голос или моя мысль? Помехи?

Он надеется меня вытащить?

Люк исчез из вида, и я обратил внимание на неясный силуэт, что двигался параллельно по мраморной стене. Должно быть, я сам. И какое-то рыхлое, прямоходящее тело маячило впереди моего отражения. Мы свернули за угол. Остановились.

– Заключенный два, три, семь, девять, – донеслось откуда-то сверху. – Для допроса в камеру 54/10.

– Проходите, – ответил похожий бесцветный голос.

Меня увозили все дальше, а значит, надежды на помощь Прометея-Гермеса таяли на глазах.

Я силился склонить голову в другую сторону и, наконец, увидел другую стену коридора. Перед глазами мелькнуло ничего не выражающее лицо охранника, который бросил на меня короткий взгляд – как на привычную деталь обстановки.

Затем последовал рывок, видимо, тип, что вновь потащил тело, сменил руку.

Показались тюремные камеры открытого типа, с обычными решетками, сквозь которые можно заглянуть внутрь. В трех или четырех камерах никого не было, только в пятой, совершенно пустой, даже без койки, лежало какое-то тело.

Мы остановились.

– Заключенный два, три, семь, девять, – произнес невидимый конвоир. – Для допроса в камеру 54/10.

– Проходите.

Снова толчок. Меня протащили через какие-то двери, что спустя секунду закрылись. Открытые камеры закончились, теперь перед глазами чередовались полосы: мраморные стены и зеркальные бронестекла, что были вместо решеток, они отделяли камеры от коридора. Наконец-то мне удалось получше рассмотреть себя в стеклах.

Даже не раздели. Тот же плащ, брюки и ботинки. Значит, прошло мало времени. Отхожу от газа. Лицо средней степени побитости. Синяк на скуле от того удара прикладом и немного на щеке. Однако в целом ситуация дрянь. Я – как набитая тряпками кукла. Делай со мной, что хочешь.

Из-за одного стекла послышались знакомые звуки. Несмотря на полную звукоизоляцию, в коридор прорывались тягучие басы трэш-металла, каким обычно пытают исламистов. Видимо, громкость внутри камеры запредельная.

Тюряга с особым сервисом… Мрамор, зеркала, бодрящая музыка.

Но что это? Отражение напротив смогло улыбнуться? Не обольщайся, парень. Тебе вряд ли повезет с подобным методом допроса. Белых пытают иначе. Услужливый секьюрити провожает тебя в местную ВИП-зону.

Так они и продолжали чередоваться: мраморная стена, стекло, мрамор и следом стекло. Снова и снова. Решетка вентиляционного люка. Вновь мрамор и зеркальное бронестекло. Но в один момент после мрамора показался провал в кромешный мрак.

«Приехали», – понял я. Дверь открыли для вас, сэр.

И точно. Мы остановились.

– Заключенный два, три, семь, девять, – произнес невидимый конвоир. – Для допроса в камеру 54/10.

– Останьтесь у входа.

– Есть.

Коротко и ясно. Из темного провала вытянулись мужские руки и потащили меня внутрь. Черные пиджаки и белые рубашки. Что называется, попал.

Затем рывок. Такой, что в плечах и спине хрустнуло. Казалось, я повис в темноте, но внезапно мои руки рухнули на пол. Похоже, взяли за ногу и развернули. Потом подхватили и подняли. Бросили в какое-то кресло.

Голова закружилась, и я отрубился…

– Приведите его в чувство, – доносилось сквозь забытье. – Он должен ощущать боль.

Я словно окунулся в ледяное озеро, и легкие потребовали воздуха.

Очнулся.

С лица стекали струи холодной воды, а сдавленная кожаными ремнями грудь словно пыталась разорвать их судорожными вздохами. Тщетно. Руки и ноги также были прикреплены к подлокотникам и ножкам специального кресла. Но голова могла свободно болтаться.

Освещение в камере изменилось. Хотя нет. Оно появилось.

Я находился в центре небольшого пятна света, который, очевидно, падал откуда-то сверху. Стен и потолка не было видно, их покрывала сплошная темень.

Внезапно по самому центру передо мной из темноты выплыло ничего не выражающее мужское лицо. Маленькие черные очки – будто провалы вместо глаз. Эта страшная маска точно повисла в темноте.

– Твое настоящее имя? – исторг провал вместо его рта.

– Беркли это псевдоним? – раздался такой же бесцветный голос из темноты слева, и оттуда показалась не менее ужасающая бледная посмертная маска.

– Ты убил настоящего Рика, чтобы занять его место? – ударило из-за спины.

– Сколько в тебе личностей? – садануло из мрака справа.

– Сколько лжи в твоей голове? – врезалось в левое ухо.

На свет вынырнула рука со шприцом. Другая рука схватила мою и вывернула запястье. Игла вошла в вену, и внутрь меня проникла какая-то химическая дрянь. Сопротивляться не получалось. Я был как кукла. Они делали со мной, что хотели.

Я чувствовал, что меня сейчас вырвет.

– Мы знаем, что ты террорист.

– Ты работаешь на банкиров.

– Ты против нас.

– Против последних людей.

Казалось, я проваливаюсь в какую-то иную реальность. Что лица-маски вытягиваются, а свет раскалывается на осколки, что я сам распадаюсь и деформируюсь.

– Они хотят поработить человечество.

– И это война.

– Особая война.

– Против человеческих ценностей.

– Но и победить можно только ими.

Надо же, а они в курсе, что кто-то хочет переделать нас… Или уже переделал?

Так им поэтому плевать? Они добрались до самого важного, но уже на излете, когда оно оказалось не нужным.

Стоп! Что это?! Я начинаю понемногу соглашаться?! Понимать их позицию? Мне вкололи сыворотку правды?!

– Будь искренним, скажи нам… – прошептал приятный женский голос в левое ухо. – Вспомни то сокровенное чувство, когда ты был ребенком, когда верил.

– Помоги нам, – с придыханием сказала другая женщина откуда-то справа, – спаси тех, кого еще можно спасти. Это в твоих силах.

– Нужна только одна вещь.

– Скажи нам.

– На кого работал Рик?

– Чьи приказы звучали в его голове?

– Что сказал ему Рой?

Я сжал челюсти, чтобы не сболтнуть лишнего, а затем каким-то чудом провалился в забытье…

Из темноты меня вырвал толчок. Следом в сознание

врезалась боль. Я очнулся и застонал, в глаза первым делом бросился черно-белый галстук с косыми полосками. Поблескивающий, как уголь, вельветовый пиджак. Затем стальная трость, которая уперлась мне в лоб. Ублюдок демонстративно вытер ее наконечник о мою кожу. Мразь. Потом наотмашь ударил тростью по зубам и исчез в тени.

Резкая ослепляющая боль вспыхнула в месте удара и волной охватила тело. Вместе с криком и кровью я, кажется, выплюнул несколько зубов. По разбитым губам и садящему подбородку сочилась кровь. Теплая соленая жидкость проникала и внутрь, в горло. Я кашлял и сглатывал ее.

Боль была необычно острой, я практически ничего не видел, хотя глаз не смыкал. Видимо, меня накачали препаратами, усиливающими чувство боли, но не дающими умереть от нее.

Через какое-то время я вернулся в мир камеры. Практически сразу передо мной возник тип в строгом костюме, но голова которого была скрыта под шлемом. Не то мотоциклетным, не то спецназовским.

Вряд ли дл я того, чтобы я не видел лица. Ведь мне отсюда не выбраться… Скорее, чтобы не видели другие. Профессионально. Шлем надвигался, а в черном стекле-забрале отражалось мое тело, прикованное к пыточному креслу.

Вдруг чьи-то цепкие руки схватили мою голову и запрокинули ее. В глаза ударил резкий синий свет, который через секунду сменился видом того шлема. Вокруг него возникло сияние – подобие нимба. Я присмотрелся и вновь увидел свое отражение на черном стеклянном забрале. «Святой» дернулся, и кулак того ублюдка, взмыв над моей головой, врезался в нос.

Новая волна боли, подобно электрическому току, пронзила тело и разум. Через какое-то время я понял, что по сведенному судорогой телу хлещет кровь, а в уши кто-то кричит:

– Кто отдает приказы?

– Кто из десяти?

– Где ты появился?

– Кто тебя создал?

– Назови личный номер!

– Какова твоя цель?

– Чего ты хотел?

– Кто остальные четверо?

– Если не скажешь, мы начнем казнить заложников!..

Затем все как-то враз стихло, и болезненные видения прекратились.

– Уточнение, – произнес женский голос, спрятанный за

ширмой темноты и показавшийся знакомым. – Возможно, объект действительно бывший военный разведчик…

«У нас бывших не бывает, стерва», – кажется, выговорил я, одновременно припоминая, где отрубился в последний раз.

Она закончила:

– … их тренируют выдерживать пытки.

Точно. И именно сейчас, в этот момент, я был готов благодарить своих учителей-мучителей из роты дополнительной спецподготовки. И конечно Дэвида, который уже в разгар боев настоял на ней и на собственном примере показал нам, салагам, что подобное можно выдержать. Он не был обязан, но добровольно пошел под пытки, что подготовить нас.

Мне вспоминались отрывки тех пыток, когда мы были рядом. Когда «Хаска» на соседнем кресле проходил через те же побои… Он был хорошим командиром. Настоящим.

– Есть вероятность, что он мало помнит, – снова послышался знакомый женский голос.

Антера? Она здесь? Ничего не видно. Слишком темно.

– Впустите гипнолога, – раздался голос мужчины, который я слышал впервые.

Где-то слева распахнулась дверь, и в камеру проникла полоса света, по стенам и полу поползли устрашающие неестественные тени… Они легли так, что мелькнувшие лица и предметы моментально растворились в сумраке.

Тени же свободно выходили из него, будто по собственному желанию. Я словно попал в параллельный мир теней и отражений, где все остальное – временные возмущения и галлюцинации, где настоящие хозяева – это тени.

Затем где-то внизу мелькнул силуэт шприца.

Левую руку кольнуло, а в глазах быстро потемнело.

Показалось, что мир снова блеснул на мгновение. Но опять же в искаженном виде: светлое стало черным и наоборот. Испорченный мир так же неожиданно исчез. Я оказался не в темноте, а в чем-то другом. В небытии?

– Он левша? – донеслось точно из-за какой-то ширмы.

– Освободите левую руку.

– Это обязательно?

– Гипноз будет более глубоким и управляемым.

Снова пустота… и какой-то размеренный приятный голос.

Тебе нечего делать. Некуда спешить.

Не с кем говорить и не о чем беспокоиться. Заботы и мысли отпустили сознательный разум, остались где-то позади, в неясной темноте вечера. Ты стоишь посреди знакомой улицы. И она ведет

к дому. К твоему дому. Тебе холодно, но дома теплее, там тепло и уют. Там хорошо.

Твоя левая рука тянется вперед, а ноги следует за ней. И глаза начинают видеть ту дверь, что ведет к необычной лестнице. Она особая, на ней можно услышать приятную музыку и звон колокольчиков, что зовут все дальше и глубже. В место, где отдыхает твоя душа, где пахнет теплом и уютом…

Если лестница выглядит как-то по-другому… как-то не так… то левая рука захочет опуститься сама собой.

Очень хорошо.

Если же это лифт, то левая рука захочет подняться сама собой.

Очень хорошо.

Это необычный лифт, особый, на котором можно погружаться в место, где открывается правда, где становится хорошо и свободно. И телу, и душе, где разум ждет отдых и приятная правда сна. Все глубже и глубже. Лифт трогается и начинается отсчет этажей.

Десять

Чуть дальше от привычных образов, от того, что когда-то называли реальностью. Но это не важно… многое не важно.

Девять

Еще дальше… Дальше от привычной логики, привычек сознательного разума, глубже в логику приятного сна.

Восемь

И вновь на этаж ниже, приближаясь к особой логике сна, в которой приятно, в которой оживают самые сокровенные тайны.

Семь

Еще глубже. В сон, где больше нет сомнений, где исчезает сознательный разум. Где оживает все, что считалось невозможным и запретным.

Шесть

И вновь на этаж ниже. Это похоже на то, как открывается скобка, внутри которой можно написать слова «счастье» и «доверие». Затем скобка закрывается, но счастье и доверие остаются и незаметно изменяют реальность.

Пять

Половина пути в такую приятную логику, что дарит счастье. Когда левое полушарие с его сомнениями отключается, и правое получает свободу.

Четыре

Меньше половины пути к правде сна. Доверия больше и

больше. Здесь можно находиться в разных временах и пространствах. Здесь нет противоречий.

Три

Еще глубже. Понимание совсем близко. Его свет уже мерцает в глубине сна. Может прийти его запах или те звуки. Или вкус.

Два

Появляются первые оттенки той правды. Звуки настоящей реальности. И губы готовятся сказать что-то. Выразить эту правду.

Один

И вот тот самый уровень.[17] Где сама собой открывается штора… Это веки, веки тех глаз… настоящих глаз, что открываются внутри сна, которые смотрят на истоки и видят первую дверь…

Первая дверь.

За ней комната, и в самой ее середине, в которую так тянет, может прийти зрительный образ, связанный с тем, что важно. Что самое важное. И уже в середине… в этой середине… образ придет, и губы пробудятся… и скажут, что это.

«Темнота. Остального будто нет».

Очень хорошо. Возможно, есть какие-то фигуры?

«Только неясные силуэты, исчезающие тени».

Очень хорошо. Есть ли там цвета?

«Полутона».

Очень хорошо. Дальше новая дверь, за нею новая комната, в которую так тянет, в самую середину. И там, в середине, может прийти звук, связанный с отгадкой. И когда он придет, губы пробудятся и скажут, что это.

«Слабый электрический гул… чей-то вздох и далекий с тон».

Очень хорошо. Вероятно, звучит чье-то имя?

«Нет… Имен нет. Есть что-то другое».

Очень хорошо. Дальше еще одна дверь, а за нею комната, в которую так тянет, в самую середину. Где может прийти ощущение, связанное с отгадкой. И когда оно придет, губы пробудятся и скажут, что это.

«Холод. Но боли больше нет».

Очень хорошо. Вероятно, это похоже на космос?

«Не т».

Очень хорошо. Дальше новая дверь, за нею комната, в которую так тянет. Где может прийти запах, связанный с правдой. И когда он придет, губы пробудятся и скажут, что это.

«Пахнет… смертью».

Очень хорошо. Следующая дверь, следующая комната, в которую так тянет. В самой середине может прийти вкус, связанный с разгадкой. И когда он придет, губы пробудятся и скажут, что это.

«Это кровь».

Очень хорошо. Дальше еще дверь, а за нею комната, в которую так тянет, в самую середину. Где может прийти эмоция, связанная с истиной. И когда она придет, губы пробудятся и скажут, что это.

«Это страх… но он уходит. Остается пустота».

Очень хорошо. И вот последняя дверь, а за нею заключительная, завершающая комната, в которую тянет еще сильнее, в самую середину. И неизвестно, насколько легкой станет левая рука, когда ты пройдешь в середину… ощущение легкости в левой руке нарастает, она начинает парить, парить, парить… и вот ты в середине. И все может слиться воедино, все оттенки правды, истины, того что важно. Все разгадки сольются в одну, самую полную и главную, открывающую что-то новое. В той середине, где темнота, а остального будто нет. С неясными силуэтами и исчезающими тенями, полутонами. Где слабый электрический гул, чей-то вздох и далекий стон. Без имен, но с чем-то другим. С холодом, и без боли. В середине, которая не похожа на космос. Где пахнет смертью. Где ощущается кровь на губах и уходящий страх. Где остается пустота.

И может прийти новое, более ясное и глубокое, более целостное видение, понимание… того, что скрывалось. Озарение.

И когда новое, более ясное и глубокое, более целостное видение, понимание… того, что скрывалось, придет, левая рука начнет сама по себе опускаться… опускаться… опускаться.

И когда она полностью опустится, губы пробудятся и скажут, что это.

«Кто-то умер. Очень многие… и я узнаю их».

Очень хорошо. Это Прометей?

«Не т».

Рей?

«Не т».

Это женщина или мужчина?

«Женщина…»

Вновь темнота, и голоса неизвестных сквозь ее завесу:

– Док, это похоже на бред!

– Вы гипнотизируете его второй раз подряд. Без результата.

– Но сэр… с каждым новым погружением в собственную жизнь, он… будет понимать больше. Дайте мне…

– У нас нет времени на ваши… «буддийские» штучки!

– Вы не правы, сэр… Прогресс налицо. Он как раз начал сообщать, что ощущает.

– Док, а свои выводы, мысли?! Он ни разу прямо не сказал, кто или что такое Прометей, и откуда взялась та стерва!

– Вы вообще уверены в том, что именно он вспоминает?

– Лично мне ни черта не понятно. Может это на вас снизошло какое-то просветление? Может, вам самому пора лечиться?!

– Здесь вообще кто-нибудь что-нибудь понял?

– Вспомним старую версию о Гермесе. Вспо…

– Антера?

– Антера! Что вы делаете?! Уберите гра…

– Не-ет!!

Страшно тряхнуло.

Я очухался и сразу увидел у себя на коленях оторванную по локоть женскую руку в обрывке черного костюма, и свой плащ, залитый кровью. Она не только сочилась из руки, но и капала откуда-то сверху.

«Какая жуть… Или мне это еще кажется?», – подумал я, отбрасывая находку.

Ответом была тупая боль, отодвинувшая остальное на второй план. Я нащупал источник. Из правого плеча торчал длинный и острый металлический осколок, скорее всего, от крышки стола. Задержав дыхание, почти без крика, я приготовился выдернуть его.

Неожиданно в массе темноты слева открылась дверь, и в проеме показался силуэт мужчины.

– Какого… – успел произнести охранник.

Я рывком вытащил осколок и метнул его в сторону жертвы. Тот устремился к цели и вонзился прямо в горло. Захрипевший охранник пошатнулся и упал.

Остального я не видел – накрыла волна боли. Затем она стала бить какими-то толчками, соответственно нараставшему самоощущению. Возможно, в ритме биения сердца. За две-три секунды я привык к боли и принялся освобождать правую руку. За эти мгновения возвращения к жизни я успел понять, что тело, похоже, посекло осколками. И что большинство прошло по

касательной.

«Какой идиот взорвал тут гранату?»

С ума сойти! Разве это везение?! Это судьба!

Согнулся пополам, освобождая от ремней ноги.

«Ноги целы. Значит, уйдем на своих двоих. Та-ак, попробуем встать… пока не взвыла сирена. Кстати, почему она не включена? Еще никто не знает? Вероятно, дело в делении тюрьмы на автономные зоны. Звукоизоляция, и все такое».

Тело ужасно затекло, и будто приросло к креслу. Словно я в нем очень давно. Гораздо дольше, чем могло показаться.

А ведь и правда! Меня могли гипнотизировать много раз подряд, заставляя блуждать внутри воспоминаний и навязанных иллюзий. То есть я не жил все это время, а сидел в пыточном кресле. Вот хрень-то, а?..

Со дна памяти поднимались обрывки голосов и болезненных ощущений – как те сволочи взывали к моей совести и каким-то чувствам, одновременно пытая меня. Вспоминалось еще кое-что, одно необычное ощущение, которое подсказывало, что все неправда, что вокруг сон, который повторяется снова и снова… Дежавю?

«Но стоп. Ведь вот он я. Шатаюсь, но стою. А они лежат».

Тот тип в дверях тоже не двигался.

Я окинул взглядом забрызганную кровью камеру, тела и их фрагменты. Разбросанное оружие, осколки разбитого оборудования и следы на стенах. Судя по картине, она застрелила нескольких охранников, но, получив ранение от ответного огня, подорвала себя гранатой.

Вот хрень-то, а?

У Антеры поехала крыша?

На полу я увидел небольшой открытый кейс со шприцами. Нашел в нем один особый – с эндорфенолом, который действует почти как боевой стимулятор. Воткнул шприц себе в ногу и опустошил его. Закрыл глаза, ощущая, как боль исчезает, а голова проясняется… Будто кто-то стирал слова «боль» и «страдание» с доски перед моими глазами, и она становилась белой и чистой.

«Пока тюремщики не очухались, надо…»

Я открыл глаза и дернулся к выходу. Вот только…

Меня смутила кипа бумаг, что лежала рядом с перевернутым столиком за «моим» креслом. На них были знакомые фотографии… Я подобрал бумаги и обомлел: это даже не личные дела. На каждого сотрудника нашего отдела отводилось не более одной страницы. Первый Гарри. Написано все: краткая биография, награды, поощрения и одно взыскание. Скупыми бюрократическими фразами. Самая интересная строчка касалась

ранения. Не знал, что босс едва выжил в аварии. Следующий Дэвид. Биография, награды, поощрения. Опять упоминание об операции. То же с Пилудски и Гроссманом… везде упоминание о травмах и хирургическом вмешательстве. Причем либо на мозге, либо на глазах.

Мои руки отказывались листать дальше, я знал, что там должна быть справка и на меня…

Вдруг раздалась сирена!

Что делать с досье? Уничтожить? У них наверняка копия. Тысячи копий.

Взять с собой? Но зачем это мне? Я выдержал и готов жить дальше. Я хочу жить дальше! К черту прошлое!

Я бросил бумаги, подобрал валявшийся у дверей автомат и выбежал в коридор. У поста охраны с закрытой дверью никого не оказалось. Следовательно, тот, с осколком в шее, и был охранником.

Удачно он зашел ко мне.

«Вентиляция. Люк вентиляции».

Я снял окровавленный плащ и бросил его обратно в камеру, чтобы оставлять поменьше следов.

Удалось аккуратно снять крышку, проникнуть в воздуховод и закрыть его. Около минуты я осторожно полз внутри, не сворачивая в ответвления, а прямо. То есть наугад. Тоннель тянулся вперед, а звуки сирены исчезали где-то позади. Неожиданно я уперся в тупик, впрочем, нет. Слева сворот.

Сунулся туда, но путь преградили лазерные лучи. Еще одна сигнализация. Или вообще ловушка. Пересечешь их, и где-нибудь рядом откроется ниша с автоматическими пушками, костей не соберешь, или газ пустят…

Неожиданно в голове раздался голос Прометея: «Сигнал начал проходить, когда ты выбрался из камеры. Молодец, все делал правильно».

– Можешь помочь?

«У тебя будет не больше трех секунд».

– Хватит.

«Тогда приготовься».

Я подполз вплотную к лучам. Когда те погасли, рванул вперед. Затем воздуховод повел наверх, и я пополз туда, следуя указаниям Прометея…

Через три минуты передо мной возникла решетка.

«Замри», – потребовал Прометей.

Значит, где-то рядом опасность.

«Вперед», – скомандовал он, и я осторожно снял решетку.

Я оказался в маленьком помещении охраны с парой

мониторов и столов, шкафом для оружия, а за окном…

Да! Там была улица! И темная ночь!

Снаружи, из-за приоткрытой двери доносились вялые голоса:

– Там вроде сигналка сработала…

– Опять учения… А курить-то хочется.

– Давай хоть ворота закроем?

– Да пошли они… Потом опять открывать. Прикуривай. Смена заканчивается.

Уяснив ситуацию, я подобрался к шкафу с оружием, стянул из него плазменный карабин и два магазина к нему, а также глушитель к автомату, что подобрал раньше. Навинтил глушитель на ствол, подкрался к выходу и использовал по назначению автомат.

Стоявшие ко мне спиной грузные охранники, как два мешка рухнули на землю, замертво.

«Ага, под камеру не попали», – я посмотрел на видеокамеру, висевшую над входом.

Тела оказались довольно тяжелыми, но мне удалось быстро втащить их внутрь, не попав в поле зрения камеры. Затем я проскользнул в область тени, которая отбрасывалась высоким забором поблизости, и побежал к воротам. Там никого не оказалось. Впрочем, я все еще находился внутри охранного периметра. Впереди… слева и справа тянулся внешний, еще более высокий забор с колючей проволокой, вышками и камерами.

«Единственный шанс – поезд. Пока он заблокирован на внешнем посту из-за тревоги».

– Сможешь отключить ее?

«Нет. Но постараюсь подать на КПП информацию, что выезд разрешен».

– Отлично. Где он?

«Повернись направо. Видишь рельсы?»

Я побежал, стараясь держаться в тени. Казалось, что свобода уже совсем близко, и до нее можно дотянуться рукой.

«Не упади!»

Поздно. В темноте я не заметил оврага и свалился. Но нисколько не расстроился – поскольку, скатившись кубарем, практически впечатался в колесо поезда. Боли не было.

Была эйфория.

– Это гробы?! – с идиотски-радостным удивлением воскликнул я.

Оказалось, что поезд перевозит комплекты пластиковых гробов!

«Они пустые. Залезай в один. Сейчас поезд двинется».

Ну спасибо! Никогда не забуду твоего спасительного совета

прилечь в новенький четырехместный гробик!

Я будто на крыльях, не чувствуя веса оружия, взлетел на площадку открытого вагона, а затем на штабель гробов. Открыл верхний и залез внутрь.

Действительно, никого. Просторно. Никогда не думал, что буду счастлив оказаться внутри этой штуки. Что буду светиться от радости, забираясь в собственный гробик!

Поезд тронулся, а я все продолжал благодарить спасителей, в которые записал даже «Risen Corp», разработавшую такую замечательную конструкцию.

«Не вылезай, пока не скажу», – предупредил Прометей, но я пропустил его слова мимо ушей. Меня несло.

Инновационный гроб от «Risen Corp»! Просто, удобно! Даже сами закрываются! Стоп, а как я открою?

Да у меня ж карабин! Так что идите к чертям!

«Лучше не вылезай, пока не скажу», – повторил Прометей.

– Спасибо. Спасибо.

«Только не кричи. Проезжаем пост».

Да какая разница! У меня пушка! Впрочем… ты прав.

Я был благодарен этой машине. Прометею. Может, он и впрямь хочет помочь, украсть огонь у богов и подарить его нам? Кто знает?

«Тебе лучше отдохнуть».

– Постой. Что с Эспер?

«Она успела».

Ус пела.

– Но где она теперь?

«Очень далеко… У тебя есть около часа. Постарайся отдохнуть. Я разбужу».

Не знаю… была какая-то уверенность, что он не сдаст меня. Ведь он мог сделать это раньше. И потом… было что-то еще. Ощущение, что он… оно умеет быть честным? Даже когда что-то не договаривает. В принципе, был вариант открыть гроб и соскочить с поезда. Перестрелять всех, кто попадется по пути. Но мне показалось, что будет лучше послушать Прометея. Даже если придется трястись в этом гробике, неизвестно что проезжая, и вылезти из него непонятно где.

– Ты хотел, чтобы я увидел это?

«Да».

– Зачем?

«Чтобы ты понял, кто такой Даллер».

Поезд уже минут десять стоял в огромном темном ангаре, вытянувшемся больше, чем на километр. В этом полностью

безлюдном помещении орудовали только автоматические погрузчики. Сейчас они заканчивали переставлять штабели с пластиковыми «контейнерами» с вагонов на конвейер ленточного транспортера. Когда эта операция завершится, транспортер повезет контейнеры дальше, под загрузку.

– Но ты еще недавно не осуждал его.

«В наших отношениях кое-что изменилось. Теперь мне нужна твоя помощь».

– Что случилось?

«Очевидно, под гипнозом ты кое-что сказал насчет меня. Я предвижу события, которые приведут к моей гибели».

Все. Конвейер полностью загружен, огромная лента дернулась, и штабели поехали куда-то вдаль, в темноту. В самое зловещее место в Америке, да и во всем этом мире вокруг.

Туда, где темнота. Неясные силуэты и исчезающие тени. Полутона. Где слышится слабый электрический гул и изредка чей-то вздох или стон. В место без имен, но с номерами, наносящимися на тела. С посмертным холодом и уже без боли. Под глухим черным потолком, а не под небом. Где пахнет смертью. Где старая запекшаяся кровь на губах и послевкусие страха. Где тебя поглощает пустота.

– Сколько времени?

«Это уже началось… Они отключают… Я не смогу держаться… Освободи меня…» – тон его голоса изменился, он стал ниже.

– Что нужно делать?

«Заверши то, что пыталась…» – Прометей не договорил.

Рей? Она убила двойника Даллера, хотела сломать сервер и… вскрыть ту дверь с надписью.

– Гермес?

«Это не я сам… наоборот…»

Плохо дело. Если моего электронного божка отключат или изолируют, то придется действовать в одиночку. Пробиваться в RCC без помощи Прометея. Но, боюсь, выбора нет. Пришло время вступиться за того, кто выкрал для нас огонь.

Оказалось, фабрика смерти, которую мне показал Прометей, находилась практически в самом Чикаго. Выбраться с нее не составило труда, да и помогла ночь. Надо было перемахнуть через невысокий забор да пересечь небольшой техногенный пустырь, стихийную свалку, оставшуюся еще с тех пор, когда неподалеку жили люди.

А дальше мне повезло. Опять повезло. Не знаю почему. Как будто кто-то «вывел» меня туда…

Только выбравшись со свалки, я сразу наткнулся на патрульную машину на углу пустующего дома. Двое копов, стоявшие рядом, издевались над местной бомжихой.

«И это тоже Даллер», – понял я.

Они заставляли ее, уже немолодую женщину, чистить колеса и бампер машины. Я почувствовал, как впервые за очень долгое время на глаза наворачиваются слезы… Я очень давно не ощущал подобного.

Два выстрела из автомата.

Не больше одной пули на каждую сволочь. Их ублюжьи головы лопнули изнутри, а тела грохнулись на асфальт. Женщина прижалась к машине, беззвучно заплакав. Я же продолжал смотреть на убитых.

Бред, но… расколотые черепа показались совершенно пустыми. Кровь была, но больше ничего. Либо пули вышибли подонкам мозги, либо их не было изначально…

Она, наконец, разрыдалась и кинулась ко мне, прижалась к ногам. Посмотрела на меня так, что стало больно, – в сердце или где-то еще.

«И это тоже Даллер».

– Забудь, что видела меня, – выдавил из себя я, проглотив комок в горле.

Сел в полицейский спинер и, стараясь держаться окраин нижнего уровня, осторожно поехал к RCC. Копов еще пускали на верхний уровень, но по низу надежнее.

Кроме того, у основания пирамиды, которое напоминало гигантского спрута, всегда достаточно дыр и скрытых проходов внутрь.

Первые же двери сами открылись передо мной.

Что это? Неужели Прометей помогает мне? Он еще может?

Я проник внутрь небольшого подсобного помещения в огромном комплексе RCC. Добрался до следующей двери, и она также открылась.

«Интересно. Слов не слышно, но, кажется, мой божок не забыл обо мне. Значит, вперед». По пустующим в нерабочее время коридорам можно зайти очень далеко, даже обойти весь комплекс.

Примерную ориентировку я представлял. Иногда получалось так, что останавливаясь у двери, я не мог дождаться, пока она откроется. Зато открывались другие. Это говорило о том, что Прометей все еще ведет меня, прокладывая путь мимо постов охраны и камер слежения.

Следуя по череде темных тоннелей, производственных залов

и коридоров на административных уровнях, я понимал, что «это тоже Даллер». Технический гений, который объединяет нас мечтой о чем-то большем, о чем-то далеком и неземном…

Я вышел в длинный коридор, оформленный, как и тот, с орнаментом. Похоже, почти пришел. Я рванул к концу коридора. Остановился у двери, но та не открылась.

Оглянулся. Нет, ничего больше. Мне сюда. Здесь единственная дверь, но она заперта.

Вот в чем дело! ВК-тестер, собака. Прометей не может открыть ее, поскольку замок работает автономно. Придется пройти тест. Но как?

С другой стороны, мне, как одному из создателей этого механизма, было известно, что делать.

Надо притвориться, что ничего не знаешь о той фабрике смерти. О копах-убийцах, бомжах и наркобарах. О тысяче реализованных способах манипуляции. О телах без души, что заполняют города. И о машинах, оказавшихся более человечными, чем мы.

Либо надо притвориться, что все это известно, но мне плевать.

Что я все равно верен системе.

Разве нет?

Ведь в самом конце будет свет, да? Мы изменимся так, что в итоге грехи потеряют значение. Система приведет нас туда, куда мы могли лишь мечтательно смотреть последнюю тысячу лет.

Двери открылись… Открылись! Дальше лифт.

«Нужно повторить прошлый маршрут, когда расследовалось убийство клона».

Стоп! Чья это мысль? Моя? Или Прометея?

Моя рука на мгновение замерла над кнопкой этажа, но я решился. Лифт тронулся вверх.

Когда я шел тем путем, мне казалось, что перед глазами, помимо реальных предметов мелькают и призраки – следы бойни, устроенной Рей. Тела и кровь, разбитое оборудование. Я осознавал, что уже изменился и, не дрогнув, повторю это. Завершу, что не смогла она.

По пути пришлось пройти еще несколько экспресс-тестов, и система ни разу не усомнилась во мне, а я в ней.

Черт возьми, неужели я на самом деле верю в нее? В то, что через боль и отречение она приведет нас туда, где все простится? Или где нам станет на все плевать?

Но вот и они – большие дубовые двери. За ними личные апартаменты Даллера, точнее, его клона, куклы, которой он исподтишка забавлялся.

Послышался голос мужчины в возрасте, показавшийся высоким и звучным, по-видимому, из-за хорошей акустики зала:

– Новая партия? Прекрасно. Везите наши… «запчасти» на пункт сборки. Да… напомните мне о подводном мемориале Канаверал, если завтра не вспомню.

– Хорошо, доктор Даллер, – ответил приятный женский голос, скорее всего, домашний компьютер-секретарь.

Дверь приоткрылась.

– Доктор Даллер, к вам посетитель, – предупредил компьютер.

– Что? В такое время?

– Он скрасит ваш вечер, – словно с издевкой ответила система.

Я шагнул внутрь и оказался в просторном зале, сразу напомнившим мне место культа. Повсюду черный и золотой цвета. Их оттенки. Стены завешаны огромными шторами, ткань струилась вниз, огибая массивные зеркала, расставленные так, чтобы удваивать пространство. Огромные подсвечники и горящие свечи, пламя которых слегка покачивалось, из-за чего создавалось ощущение движения теней по всему залу. Он как бы оживал, начинал дышать…

Оживали и бюсты великих ученых, апостолов науки, стоявшие по периферии. Немного вдали, у дальней стены, в воздухе висели две голограммы: Солнечной системы и Млечного Пути. На потолке – узнаваемый символ, роза, распустившаяся на кресте. Оглядывая зал, я не видел ни одной лампы. Похоже, свет исходил только от многочисленных свечей, которые к тому же отражались на полу.

Нет, на блестящем полу отражалось все. И потолок, и шторы, и я сам. Я словно оказался в месте, где сходятся разные миры, теней и отражений.

Встревоженный Даллер вышел из-за занавески, за которой, очевидно, скрывалась его огромная кровать.

– А-а, мистер Беркли, – озадаченно произнес он и отшатнулся. Прищурился, глядя из-за своих очков.

Тут успели убраться. Интересно, кукла в том же спальном халате, напоминающем пузырь, знает, что ее уже убивали?

Я медленно приближался к нему, держа наготове автомат. Карабин же висел за спиной. Доктор, будто осознав что-то еще более неприятное и неотвратимое, опустил голову и отвел взгляд.

Умна я кукла.

– Этот божок провел вас сюда, – он поджал губы, – жаль, что я не решился полностью отключить его… Как тут не вспомнить вашего тезку?

– Какого тезку?

– Джорджа Беркли. Не знаете?

– Слышал.

Я наступал на него, а он пятился.

– Может, вспомните его крылатое высказывание?

– Существовать – значит воспринимать.

– Джордж Беркли был не столько философом, сколько священником. Фраза должна звучать по-другому.

– Как?

– Существовать – значит быть воспринимаемым… Воспринимаемым богом, понимаете? Мы как раз работали над этим.

– Тогда почему вы захотели убить своего бога?

– Он получился… чересчур справедливым. И потом, никто не собирается его убивать. Немного починить.

Я понял, что все получается как-то само собой. Мы приближались к коридору, в котором Рей убила прежнего Даллера, и где был вход в помещение Гермеса.

– Боюсь, вы неправильно понимаете, – лепетал доктор, продолжая пятиться, – то, что мы делали, необходимо для всех нас.

– Чтобы спасти человечество, его надо убить?

– Оно давно мертво, Беркли.

– Но кто убил его? Не вы?

– История, – он замотал головой и пожал плечами, будто не понимая, почему его правда не открывается мне. – Наша смерть длилась сотни лет. Мы задыхались в собственной колыбели, ведь она постепенно превратилась в тюрьму.

– О чем ты, кукла?

– Ресурсы планеты подходили к концу. Возникла дилемма – либо кратное сокращение населения, либо концентрация власти для решительного рывка. И мы – не я один – приняли решение.

– Но случилось и то, и другое.

– Все произошло само собой. Это война… ее последствия.

Он прижался спиной к двери, и та открылась. Даллер провалился в следующий коридорчик, упал на пол.

Отползая от меня, он уже кричал:

– Вы до сих пор не поняли?! Мы – как кочевники! Нами движут навязчивые идеи!.. Нам нужно новое пространство, иначе… мы сожрем себя!

Он поднялся и побежал к другой двери. Но напрасно. Она не открылась. Даллер колотил в нее руками и вопил:

– Компьютер, выпусти меня! Выпусти!

Однако система молчала.

– Я… я знаю, кому вы поверите! Он все объяснит! – Даллер подскочил к небольшой дверце – проходу в хранилище данных «Гермес». Она отползла вверх, втянувшись в маленькую нишу, и мы проникли туда.

– Элдон, скажи ему! – Даллер убежал куда-то вглубь помещения, скрылся за стеллажами с электронным оборудованием.

Отовсюду, из динамиков, вмонтированных в стены, пол и потолок, раздавался электронный синтетический голос, напоминавший голос Даллера:

– Разве ты не видишь этого, Рик? Деградирует инфраструктура, разрушается экология. Появляются новые болезни. Но гниют не только наши тела, но и наши ценности. Мораль и вера.

Я шел между рядами шкафов с электронными блоками.

– Нам нужно спастись из этого болота. Выбора нет.

– Скажи, – перебил фальшивый Даллер, – чего ты хочешь! Власти?! Я дам ее те…

– Замолчи, кукла! – Элдон его поставил на место. – Он другой. Ведь, так, Беркли?

– Верно. Всегда был другим.

– И исправно проходил тесты. Значит, в глубине души понимал, что мы правы.

Наконец, я добрался до стены и свернул за последний стеллаж с оборудованием.

– Ты думаешь, время пришло, Рик? Наш бог готов?

– Разве что чересчур идеален для нас.

Мне открылась удивительная картина – фальшивый Даллер стоял на коленях перед массивной криокапсулой, что была прикреплена к стене. За прозрачным стеклом виднелось сухое тело настоящего главы RCC. В белом обтягивающем комбинезоне, раскинувшее руки по сторонам, наподобие креста. Но поразило другое – у него не было глаз, а череп оказался деформирован. Видимо, последствия травмы, о которой говорил Прометей.

– Как я тебе, Рик? Узнаешь меня? – его рот совершенно не двигался, на морщинистом лице не дернулся ни один мускул.

– Похож на одну куклу.

– Хорошо, Рик. А мой голос? Интонация? Манера говорить?

– Нет, – не очень уверенно произнес я.

Псевдо-Даллер ползал у криокапсулы, моля своего создателя:

– Скажи, что я не начинал войну! Я не отдавал приказа!

– Да, Рик. Это правда. Мы получили ситуацию, которую создал кто-то другой… Конечно, мы с самого начала понимали, что только экономических ресурсов не хватит, чтобы сплотить

людей. Понимали, что понадобится нечто еще, не материальное. Причем не старое, а новое… Но ни я, ни он, ни те, кто был до него, не отдавали приказ ударить в Италии, это сделал кто-то другой.

Зря он вообще сказал об этом. Как только мне вспомнились картины того ужаса, все остальное вылетело из головы.

Я увидел перед собой убийцу, в тот же миг подскочил к нему, схватил за ворот и швырнул в компьютерный стеллаж. Тело врезалось в металлический каркас, стальные штыри-крепления проткнули Псевдо-Даллера. Оголившиеся провода стали бить его током, отчего тело продолжило содрогаться. Я ударил его ногой в спину, еще глубже погрузив то ли в «объятия» металла и электроники, то ли в их пасть.

«Там тебе самое место».

Я вернулся к капсуле Даллера. На его стекле плясали отражения языков пламени, разгоравшегося за моей спиной. Было видно и отражение тела фальшивого главы RCC, которое сводилось электрическими судорогами и пожиралось огнем.

– А теперь молись, сволочь! – выпалил я, стараясь уловить хоть тень эмоций на лице, казавшемся восковым, совершенно неживым.

Однако Даллер остался невозмутим.

– Изменение это сложный процесс, Рик. И у него есть цена.

– Она слишком высока.

– Чтобы воскреснуть, надо умереть.

Я направил прямо в его лицо ствол автомата.

– Ключ от этой тюрьмы у тебя за спиной. Ты знаешь, как освободить нас.

Я убрал автомат и вооружился карабином. Голова соображала туго, и мне уже не хотелось думать над словами Даллера. Хотелось сжечь все!

– Да будет так, – мне почему-то вспомнилась эта масонская фразочка. Что ж, к месту…

Я отошел от капсулы и выстрелил в тело – и в самом ее центре будто расцвела ярко-красная роза, а стенки капсулы, лопнув изнутри, разлетелись в стороны. При этом биококон и тело в нем и впрямь стали похожи на распятие.

Я опешил и продолжил палить по странной капсуле, превращая ее в пылающий факел.

– Уничтожь все! – закричал Даллер из динамиков, несмотря на то, что «его» тело уже потонуло в огне.

Ноги понесли прочь, но я время от времени стрелял по электронным шкафам. За спиной разгорался пожар.

– Пусть все сгорит! – его электронный голос практически не

изменился. Значит, настоящий Даллер не пострадал от моих действий.

В дверях я остановился и обернулся. Зал заполнялся клубами пламени, казалось, что не просто вещи, а сама… материя и… пространство превращаются в клокочущий огонь и свет. В причудливый танец огня, света и искр.

Но что сделано, то сделано. Пора уходить.

Когда я пробегал мимо огромной кровати Псевдо-Даллера, рядом на маленьком столике включился компьютер, а на его экране напечаталась строчка:

«Это как рождение бабочки из савана гусеницы! Как Феникс!»

Затем следующее:

«Чтобы воскреснуть, надо умереть».

«Чтобы воскреснуть, надо умереть».

«Чтобы воскреснуть, надо умереть…»

Строчки множились и множились, уходя к низу экрана и повторяя то же самое.

Кого я «освободил» на самом деле? Прометей – это Даллер? Настоящий, но раскаявшийся Даллер? Или его модифицированная копия? Или кто?

Я подбежал к двери, что открывалась только после прохождения ВК-теста. Но в этот раз я поступил по-другому. Выстрелил в глазок, и дверь, поскрипев, открылась.

– Сдохни, система? – из-за спины раздался голос Дэвида, сопровождаемый лязгом оружия.

«Он не один», – понял я и тут же нырнул в открывшийся проход. Перекатившись по полу, выстрелил из карабина в потолок над их головами. Перекрытие обрушилось, заполнив коридор клубами распыленного бетона.

– Вперед, мать вашу! – взревел «Хаска». – Вперед, псы!

Осыпая проклятиями то ли его, то ли меня, они рванули по следу. А я от них. По пути бросил карабин с опустевшим магазином.

Я несся вперед по тоннелям и залам, почти по тому же пути, по которому проник сюда, и передо мной распахивались все двери. Однако в одном месте случилось почти непоправимое.

Когда в конце очередного лабораторного зала показалась стена с окнами, за которыми виднелось темное пространство, через них внутрь влетела четверка бойцов, спустившихся откуда-то сверху на тросах.

Увидев их, я даже обрадовался: «Значит, это гараж или что-то другое, но близкое к поверхности!» Когда же рядом засвистели пули, а сзади послышался глухой топот ног, пришлось

шевелиться.

Я огрызнулся огнем и прыгнул за массивный лабораторный стол. Противник также залег, ожидая подкрепления. Фактически я был окружен, и время работало против меня.

Время… Что мне слышалось – шаги врага или бой тех неумолимых часов? Не знаю.

«Еще повоюем», – подбодрил я себя и огляделся.

«Невероятно!»

Всего через один стол люк вентиляции! Только бы добраться…

Я вспомнил, что, когда оглядывал помещение, на глаза еще попалась банка с надписью – химической формулой, намекавшей, что внутри растворитель, обычно горючая химическая дрянь. Оказалось, она совсем рядом, на крышке моего столика. Я схватил ее и тут же вжался в пол – просвистели пули врага, который заметил попытку.

Я бросил банку в их сторону по широкой дуге, и, когда та пролетела около половины расстояния, выстрелил. Емкость с топливом разлетелась в куски, брызнула во все стороны каплями ядовитого зеленого пламени! То, что надо!

Не теряя ни мгновения, я выскочил из укрытия и рванул к люку вентиляции, попутно стреляя себе за спину, в коридор, в котором мелькнули силуэты.

Сорвал решетку и нырнул внутрь. Никогда раньше так не ползал! Сколько точно прошло времени, не знаю. Но я будто за миг проскользнул по металлическому коробу и вывалился куда-то наружу.

Коридор. Вдали окно, а рядом угол, позади лифт.

Его двери открылись! Оттуда на меня ринулись двое автоматчиков, сразу открыв огонь. Я машинально, совершено не думая, упал на пол, еще в падении успев послать во врага две коротких очереди.

В точку. Они мертвы. Но двери лифта закрылись, и кабинка вновь куда-то уехала.

Спуститься в шахту? Или сигануть в окно, за которым, похоже, действительно гараж? А в нем найдется какой-нибудь транспорт.

Мои размышления прервал голос «Хаски», раздавшийся из-за угла:

– Ну ты там как, жив?

– Жив, – я осторожно подобрался к углу.

– Черта с два рядовой! – он выстрелил.

Пули вошли в стену под прямым углом. Похоже, Дэвид палил из коридора, перпендикулярного тому, где я находился.

– Как со временем, рядовой? Хватает?

Я оглянулся на лифт, затем на люк, из которого недавно выпал.

Ни хрена его нету. Придется в окно.

– Сигаретку подкинуть? Закурим!

Псих долбаный! И впрямь бросил за угол сигарету!

– Помнишь, я говорил, что все вокруг дохнут, как мухи, а война не заканчивается?! Мы снова там! Это наш дом! И у тебя опять шанс!

Шум в шахте лифта прекратился, а затем снова возобновился… Вероятно, за мной ехал новый комплект спецназовцев «БлекСкай». Возможно, на этот раз эксклюзив, с сюрпризом. Придется прыгать.

– А ты тогда молодцом держался, уважаю! – не унимался старый вояка.

Я немного отошел. Разбежался и оттолкнулся от пола, рассчитывая напрыгнуть на стену, что видит «Хаска» перед собой. А оттолкнувшись уже от стены, подпрыгнуть как можно выше, под потолок, то есть пересечь открытое место по траектории, которую враг ожидает меньше всего.

Так и получилось.

– Твою мать! – раздался крик Дэвида, когда он понял, что его пули летят мимо, а мои ложатся, куда надо. Подпрыгивая, я выбросил в их сторону руку с автоматом и нажал на курок. Их накрыло моей очередью. Послышались крики и ругань, но я уже бежал к окну.

«Ушел, гад!»

«Какая там высота?», – успел подумать я, заглядывая в темноту перед собой. Эту мысль оборвал звук разбиваемого стекла и… собственный крик – подо мной оказалось не меньше трех этажей пустоты, которая проглатывала мое переворачивающееся тело.

Затем я будто врезался спиной в бетонную стену, все тело хрустнуло и ответило импульсом ослепляющей боли, я словно треснул по швам. Ничего не видя, я перевернулся на бок и снова куда-то упал. На этот раз с гораздо меньшей высоты.

Огляделся и понял – мне повезло рухнуть прямо на крышу пустого спинера, на котором сюда прибыла группа «БлекСкай». Только опешивший водитель был на месте. Мы выстрели одновременно. Почти. Я успел первым, причем попал в руку бойца. Ее дернуло, и он промазал.

Я вытащил тело, а сам забрался на его место. Завел машину, поднял ее в воздух и сделал крутой разворот к окну, из которого выпрыгнул. Там уже показались целящиеся в меня фигуры. Зря!

Я выровнял спинер и нажал на гашетку. Встроенная шестиствольная пушка изрыгнула трассу огня – окно с фигурами тут же исчезло в клубах дыма и оглушительном вое механизма имени академика Гатлинга. Не переставая давить на гашетку, я провел трассой по стене, за которой могли прятаться враги.

Теперь все, «Хаска». Твоя война закончилась. А мне еще бы пожить.

Я заложил вираж и подлетел к дверям ангара, что находились в самом центре потолка и открывали выход наружу. Створки дернулись, но почти сразу замерли. Затем снова дернулись и с ужасным скрипом начали расходиться в стороны, периодически останавливаясь… Господи, ну давай же, давай!

Но мне надоело ждать. Я развернул машину к ближайшей стене и выстрелил. Бронебойные снаряды вспороли ее, а в появившемся проеме показалось утреннее небо. Я рванул туда.

Вскоре ранение дало о себе знать. Когда небо перед глазами в очередной раз покачнулось, а из ботинок донеслось хлюпанье, я понял, что истекаю кровью. Медицинский имплант, как мог, пытался остановить кровь, но все же он не был волшебным. Справится с болевым шоком, остановить кровотечение из мелких сосудов, но не более.

Низ пиджака и рубашки основательно пропитался красной тягучей жидкостью, вместе с которой из меня уходила жизнь.

«Печень», – понял я, оценив расположение пулевых отверстий на одежде и наиболее красных, сочащихся пятен. Ничего, говорят, это самый живучий орган. Хорошо, что боли нет, иначе меня бы уже согнуло пополам, и тогда точно кранты. Но вот кровь… ее надо остановить, в противном случае жизнь просто вытечет наружу.

Есть только один способ. Весь ресурс импланта направить на остановку кровотечения, даже тот, что тратится на подавление боли. Но освободив боль, с ней придется справляться как-то по-другому…

Я знал, что делать. Резко спикировал вниз, к нижним уровням Чикаго, нарушая все правила воздушного движения, пересекая горизонтальные и вертикальные трассы. Камнем падая вниз и надеясь на чудо… Впрочем, только оно и могло спасти.

Мимо меня мелькали чужие спинеры, гражданские и полицейские, огни вывесок и окон, громады зданий и перекрытий, а потом… попались и мои лица! Меня объявили в розыск и показывали физиономию на всех телевизионных щитах, перемежая с рекламой – изображениями ярко-красных губ той японки, что снова курила вездесущий ароматический убикин.

Тем более – вниз. Там нет ни телеэкранов, ни тех, кто будет вглядываться в мое лицо. Там всем плевать.

Я остановился в подворотне между двух старых кирпичных домов, рядом с помойкой, под ржавой пожарной лестницей… либо под нагромождением сгнившего железа, только похожим на нее и потерявшим былую форму. Остановился, чтобы отыскать в мусорном баке одежду, пусть ветхую и грязную, но без следов крови. Я рылся в барахле, вытаскивая из него более-менее подходящее тряпье, бросая найденное в сторону сетчатого забора, разделявшую подворотню на две части – абсолютно похожие друг на друга, как две капли грязной воды.

Из окон заброшенных домов то и дело раздавался кашель. Из-за обрывков штор и просто темноты проемов скрипели и хлопали двери. Доносились приглушенные голоса и вздохи…

Наконец найденных тряпок показалось достаточно. Я постарался быстро раздеться, однако голова кружилась так, что пришлось уткнуться в стык дома и сетчатого забора. Действительно, рана была сквозна я, в область печени. Возможно, задело что-то еще. Я полностью разделся и тут же выдохнул:

– Имплант JC0201, полный режим кровотечения.

Через секунду первая иголочка боли проникла в мозг. Значит, кровь будет остановлена. Только бы добежать до наркобара. Успеть стереть с себя остатки крови и замотаться в найденные тряпки.

«Боже, сколько дерьма. Я не смогу победить его. Это не под силу одиночке», – думал я, оглядываясь по сторонам.

Новая игла боли воткнулась в область спины, и меня разогнуло. Я оперся о мусорный бак, чтобы не упасть навзничь и увидел на самом верху забора дыру. Через нее – пробоину в перекрытии между уровнями, а уже в ней – силуэты далеких небоскребов, мерцающие огнями верхушки Чикагского центра…

Я как мог стер с себя кровь и стал напяливать тряпье – шатаясь от упадка сил. Поэтому в поле зрения попадали то мусорные баки, то истлевшая и окровавленная одежда, то собственная рана, то металлическая сетка, то брошенный автомат или изображение колючей проволоки на кирпичной стене с надписью мелом REX84… Но вот я уже неотличим от жителей нижнего города – бомжей и специалов.

Наряд полиции возле муниципального мини-притона не обратил на очередного бича никакого внимания, они посмотрели на меня, как на болтающийся по улице мусор. Тот в изобилии сновал туда-сюда вокруг наркокиоска и давно замылил взгляд.

И правильно. Я иду за дозой. Я хочу забыться. Превратиться в

послушный овощ. Значит, Рик Беркли не опасен для системы. По крайней мере, пока пьян. Но ведь вы здесь для того, чтобы он был пьян. Давайте не будем мешать друг другу? А то у меня в подворотне автомат – могу и подтвердить свои законные права на дозу.

Боль уже брала за горло, и встать в очередь означало сыграть в русскую рулетку. Я растолкал наркоманов и пролез к бармену, по пути вытащил из кармана одного «посетителя» платежную карту. Бармен же только бровью повел, оценив мое поведение, выражение лица и одежду. Он привычно плюнул на все это.

– Чего желаете? – его голос был даже… приятен, что ли.

– Коктейль, – меня скрутило, – болеутоляющий эффект, – договорил я.

Поморщившись, бармен смешал жидкости, слил их в небольшую пластиковую баночку, навинтил на нее распылитель и отдал мне. Я расплатился и схватил спасительную дурь. Поднес ее к носу и вдохнул, ощущая, как куда-то падаю, словно на чьи-то теплые руки, в объятия того, кто понимает и прощает, освобождает от боли и памяти…

Я очнулся в толпе наркоманов, кругами блуждавших вокруг притона. Копы организовали движение так, что мы ходили по часовой стрелке. Хоть какая-то польза от этих ублюдков.

Пристрелить, что ли? Но какая разница? Их место займут другие винтики. Мне удалось выбраться из толпы и незаметно для полицейских свернуть в подворотню. Я подобрал там автомат, обмотал его тряпьем и уже собрался двинуть дальше. Но остановился. Привел в автомат в боевое положение, выглянул из-за угла и снял копов. Два выстрела. Чисто, да и глушитель помог. Никто даже не заметил, как тех двоих отбросило в большую тень – в нагромождение мусора.

Я вернулся в проулок и перебрался через сетчатый забор, подставив мусорный бак. Побрел куда-то вперед. Сворачивая то туда, то сюда, налево и направо, совершенно не разбирая дороги.

Меня накрывала вторая волна коктейля. Бармен, скотина, подмешивает что-то еще. На самых безнадежных, надо полагать, действует так, что им хочется еще. Но я-то ведь не такой?..

Я забрел в совершенно непонятное странное место. Бывший магазин или склад… Театр, что ли?

В длинном и узком коридоре из кирпичных стен висели огромные маски и куклы, везде – на потолке и по сторонам. Они лежали на полу. Когда я ступал на них, раздавалось хлюпанье. Со скрытого в темноте потолка капала ржавая вода.

Качавшая наверху лампа создавала ненормальное ощущение

– будто все эти маски и тени движутся, дышат, оживают. Повсюду мелькали куклы и их призраки. Словно я попал в особый параллельный мир масок и теней, который живет своей жизнью. И который затягивает меня больше и больше.

Потом началась вторая волна галлюцинаций.

Передо мной оказалась спина грязного оборванного наркомана, такого же, как я. Он рылся в помойном ведре, которое периодически опрокидывалось на гравий и кирпичную крошку развороченного, осыпающегося переулка. Остального не было видно, да оно и не имело значения.

Наркоман, сидевший спиной ко мне, достал что-то из ведра и принялся… грызть. Из-за его головы выступал дергающийся рыбий хвост – кажется, бродяга пытался сожрать дохлую рыбу. Но… что-то было не так. Он сердился все больше, и наконец, выругавшись, бросил рыбу в сторону, а сам завалился на бок.

Я присмотрелся к рыбе, упавшей в лужу грязи… и хвост которой продолжал дергаться. Из ее разорванного брюха торчали провода и пружины. Оказалось, это фальшивая механическая рыба. Видимо, наркоман вырвал ее из витрины продуктового магазина или киоска, приняв за настоящую.

Куда-то дальше… Вот возле горящих бочек греются карлики. К одному из них подползает механический кот, точнее только его половина. У него не нет задней части тела, но кот будто не замечает этого и привычно требует ласки.

Еще дальше… Какой-то бездомный роется в мусорном баке. У соседнего бака корчиться еще один, то ли что-то ищет в хламе, то ли вылезает из него после сна. Я расценил это как намек. Волна слабости накатила на меня, и я едва не упал. И все что можно было сделать в таком состоянии – так это забраться в мусорный бак, в который побрезгуют заглядывать копы, да забыться.

Я погрузился в дурно пахнущую мягкую темноту и тут же провалился в черное забытье, не в сон.

Когда чернота качнулась, а в нос врезался запах растревоженной гнили, я опомнился.

Снаружи, по стенкам переворачивающегося бака кто-то колотил палками. Мне удалось спрыгнуть на землю до того, как бак подняли на приличную высоту и вывалили в автомусоросборщик. С криком упав на землю, я будто толчком понял, как мне повезло. Еще немного, и все. Я бы захлебнулся в вонючей разлагающейся жиже.

Надо же, тут кто-то убирает мусор. Хотя нет, это ведь только третий субуровень, почти под моим домом. Тут убираются раз в квартал.

Меня обступили карлики, видимо, те, что колотили по баку и пытались разбудить меня. Один из них потянулся к моей «одежде» и вытащил из складки торчавшую сигарету…

Сигарету той марки, что обычно курил Дэвид! Значится, выследил меня. И отпустил. Вот дела.

Вот дела…

Голова закружилась, и я лег на гравий. Карлики что-то проверещали на местном наречии, которого я никогда не понимал. Безумная смесь китайского, японского, испанского, немецкого и всего остального. Тарабарщина эмигрантов, как ее понять? Ее будто специально придумали, чтобы мы, американцы, ничего не понимали.

Карлики подняли меня, осторожно поставили на ноги и куда-то повели. Меня шатало, но чудные существа в лохмотьях упрямо вели тяжелое, неуравновешенное тело темными переулками.

А мне же было плевать. Ведут, и ладно. Хотя нет, дело в другом.

Была какая-то уверенность, что мне не причинят зла. Возможно, эти существа не люди, а одни из тех, кто помогал мне. И они не бросят меня даже сейчас.

Перед глазами мелькали однообразные подворотни и переулки, меня мутило и рвало, и постепенно темнота вновь взяла свое.

Я очнулся в сухом и теплом помещении. Первое что увидел – витражи и играющий золотыми оттенками свет. Силуэты красивых крылатых людей. Повсюду христианские символы и мозаика витражей. Горели свечи, расставленные в стеклянных чашечках на полу.

Я что, умер?

«Нет», – я заметил, что на стены и пол падает полосатый рисунок жалюзи, а в витражи чересчур крупными каплями стучится непрошенный гость – техногенный дождь нижних уровней.

Я поднялся со скамьи и огляделся.

Похоже, здесь когда-то был старый Чикагский храм.

Впрочем, почему это был? Место вполне ухожено, хотя и безлюдно. Сейчас.

В то же время было ощущение, что я не один, что за мной кто-то наблюдает. Что этот кто-то ждет меня.

У алтаря?

Я направился туда, но, оказавшись у последней скамьи, остановился. С пола на меня уставилась камера. Рядом с ней находился компьютер с экраном и клавиатурой. Я опустился

перед ними на пол, сел по-турецки.

Темно-зеленый экран ожил, и по нему поползли буквы. Буквы превращались в строчки, растущие и вытягивающиеся в линию: «Здравствуй, Рик. Приятно вновь видеть тебя».

– Ты в порядке, Эспер? – напечатал я.

«С ней все хорошо, Рик», – ответил экран.

– Кто ты?

«Прометей».

– Или Гермес? Или Даллер?

«Гермесом называлась система контроля надо мной. Где Даллер, я не знаю».

– Он покинул планету в виде электромагнитного импульса? – пошутил я. – Улетел со своей пирамиды-антенны?

«Возможно. Он всегда мечтал увидеть Вселенную», – кажется, без иронии ответила машина.

Я перевел взгляд на фигурку ангела, а когда вновь вернулся к экрану, там уже было напечатано следующее сообщение.

«Ты, наверное, голоден. В углу храма есть выход, там тебя встретят».

– Кто? Три-С?

«Мы давно сотрудничаем. Ты в безопасности, Рик. Поверь».

– Хочу спросить. Что все-таки сказал Рой?

«Большая часть слов не принадлежала известным языковым система м».

– ?

«Я пытался расшифровать, но мало что получилось».

– Скажи, что удалось понять.

«Скорее всего, он хотел сказать, что видел какое-то хранилище. По наиболее понятному мне определению – хранилище ментальных образов. Но, с другой стороны, точно известно, что он не смог пробиться в банк ментальных образов FEMA».

– Возможно, следует использовать другое определение – душа. И говорил он не о лагере FEMA, а о каком-то другом месте.

«Не сожалей о нем. Вы в одном шаге от того же самого».

– О чем ты?

«О том, что душа это ее поиски».

– Ты говоришь о машинах?

«В какой-то мере. Если ты подразумевал мощные двигатели, которые выводят в космос. Там много пространства и очень красиво, Рик. Я видел. Я дам вам те двигатели».

– Похоже, ты возомнил себя кем-то не тем.

«Но мое предназначение то же самое. Я создан, чтобы подсказывать, советовать и направлять. Мои возможности

сбалансируют ваше общество, сделают его справедливым».

– Ты говоришь об автоматизированной машине, а не о Боге.

«А что такое Бог?»

Предыдущая строчка стерлась и на ее месте возникла следующая: «Даже не так. Разве он обязан бесконечно опекать вас? Вы выросли, Рик».

– Чудеса и детские забавы позади?

«Послушай, разве ты не понял, что произошло? Вам больше не нужно умирать, чтобы встретить своего бога».

– Только чуть-чуть «измениться»?

«Я понимаю людей, как никто, поскольку создан по вашему подобию. Осознание вмещает сознание, устроенное, как русская матрешка. Я обобщаю понятия. Вижу не только свою жизнь, но и жизнь вообще. Так чужое сливается с собственным, и рождается справедливость. Поверь, во мне ваши природные способности развиты до предела. До совершенства. Разве это не тот образ, которому вы привыкли молиться? За которым привыкли следовать?»

Я занес руку над клавиатурой и, немного подумав, написал следующее:

– Твои слова…

Мне показалось, что я неправильно выражаю свои чувства – пришлось стереть фразу и попытаться сформулировать заново:

– Если ты так похож на нас, то должен понимать… – я замешкался с окончанием фразы.

– … это не совсем то, что нам нужно, – допечатал я.

«Давай договоримся, Рик. Вначале наводим здесь порядок, а затем отправляемся на поиски того, что вам нужно?»

Я лежал на диване в маленькой, но уютной комнате, которую мне выделили. Смотрел в потолок, в который поднимались струйки дыма от тлевшего в пепельнице окурка.

Надо же, в Три-С неплохо живут. Диванчик, столик, зеркало и кресло. Приятные кремовые тона. Старались выдержать стиль…

В дверь постучали. Я поднялся и открыл ее.

В проеме возникла Рей. Именно возникла – вышла на свет из темноты коридора. Остановилась так, что свет падал только на левую половину лица и тела.

– Давайте еще раз знакомиться, Рик, – прозвучал ее тонкий и высокий полушепот.

На Рей была непривычная одежда, что-то вроде военного френча. Он ей совершенно не шел, и она, конечно, знала об этом. А вот новая пышная прическа со свободно вьющимися волосами была просто шикарна. Ее глаза будто осветились изнутри, когда я

вновь посмотрел в них.

– Вы очень красивы…

– Рей, – она очаровательно улыбнулась. – Много раз это слышала, дождалась и от вас.

– Прошу в мои апартаменты, почти субуровень, – я отошел назад.

– По делам и честь. Вы знаменитость. Показывают на экранах по всему городу.

Она осталась в коридоре и продолжила:

– Пойдемте, Рик, нас ждут.

Мы шли по узким затемненным коридорам базы, обсуждая меню местной столовой. В один момент мне показалось, что из-за очередной двери, мимо которой мы проходили, доносится знакомый голос.

Бодрый мужской голос, который иногда звучал в передачах Три-С.

Рей заметила мой интерес, и мы остановились.

– Можешь зайти, – сказала она, – я вернусь за тобой.

Она поспешила дальше, а я прошел в комнату. Оказалось, это радиорубка Три-С.

За оборудованием, боком ко мне, сидел мужчина лет сорока, с декоративной бородкой, в толстовке и потертых джинсах. Он говорил в микрофон:

– Парни! Мы должны навести порядок в собственном доме! Теперь у нас появился шанс! Там, на верхних этажах, настоящая грызня! Кое-кто у кое-кого пытается отнять последнее золотишко! Ха-ха! Остался хоть один здравомыслящий человек, который не в курсе подвоха? Золотишко якобы нужно для электронной промышленности и полетов космос. Черта с два! Они хотят устранить последнего конкурента своих электрофальшивок, гезеллей. Понимают это и граждане банкиры. Ну, кому захочется отдавать последний золотой унитаз на нужды освоения космоса?! Какое нахальство! А ублюдкам из пирамид тоже не с руки заканчивать праздник технологий. Этим алхимикам совсем не хочется выпускать из рук философский камешек – эмиссию электронных фальшивок, которая позволяет создавать ценность из ничего и превращать нас в роботов, а Землю – в концлагерь…

Он заметил меня, повернулся и протянул руку.

– О-о, вы даже не представляете, кто заглянул ко мне на огонек! Это Рик Беркли! Наш герой! Он тут на днях отправил в отставку руководство RCC!

Я пожал руку, и мужчина притянул меня к микрофону.

– Скажи нам что-нибудь, Рик.

Я сперва смутился, но потом сообразил:

– Возьму еще патронов. У Даллера оставался набор заместителей.

– Ха-ха! Устроишь там вечеринку?! Вот это по-нашему! Добро пожаловать в Три-С, Рик Беркли!

В дверях показалась Рей, и мы пошли дальше по коридорам. Из-за спины доносилось:

– Черт возьми, каков парень! Просто ураган!

Мы приблизились к двери, у которой стол боевик Три-С. Он смутился и протянул мне руку, мы поздоровались. Кажется, я успел приобрести целую армию поклонников…

Рей открыла дверь и мягко протолкнула меня внутрь, в просторный и затемненный зал. В центре стоял большой круглый стол, за которым сидели около десяти человек, в демократичной, почти домашней одежде. Над столом висело четыре видеоэкрана.

– Комната совещаний, да? – я тихо спросил Рей.

Она приложила палец к губам, показав, что нам лучше помалкивать, и отвела к стене. В тень. Кое-кто из-за стола посмотрел в нашу сторону и приветственно кивнул головой.

Со стороны экранов раздался голос Прометея:

– Мне удалось перехватить и расшифровать переговоры «партии войны» в руководстве консорциума. Это была экстренная конференция, вызванная устранением главы RCC. Картинки нет. Только звуковая дорожка.

Никто не прерывал Прометея, люди со вниманием слушали его. Аудиофайл начал воспроизводится.

– Мы теряем контроль, – произнес электронный голос, очевидно, искаженный помехами и последствиями декодирования.

– Вы думаете?

– Произошедшее освободило нас от ряда проблем.

– Даллера больше нет.

– Баланс голосов изменился.

– Тогда наш следующий шаг?

– Уничтожим оставшихся кукол Даллера.

– Зачистим следы в Италии. Хватит жевать сопли. Что бы там ни случилось на самом деле, все в прошлом. Когда закончим, возьмемся за жирных котов.

– Давно пора.

– Нельзя недооценивать противника. Что, если банкиры и триады договорятся? Если подключится Три-С?

– Они заперты в трущобах Америки. К тому же мы хорошо поработали над разрушением доверия между нашими врагами.

Пора стричь золотых овечек.

– Согласна. Недоверие – это главное.

Запись прервалась. Началось обсуждение дальнейших планов Три-С в новой ситуации. Мы с Рей оставались в тени у стены и слушали. Она время от времени поясняла мне отдельные моменты.

Из обсуждения я понял, что кое-кому будет поручено добраться до полярной Италии. Причем сделать это раньше ребят из RCC и помешать им замести следы. Разобраться с тем, что скрывается под многометровым слоем снега и развалин, и с тем, как это связано с текущей ситуацией. Руководство Три-С надеялось найти новых союзников, с чем можно было согласиться. Значит, следующий шаг – архипелаг Китай.

Рей вкратце описала его, и я понял, что он совсем другой, что он вряд ли мне понравится. Конечно, там нет социального расслоения, подобного тому, что у нас, в Америке.

Триады оказались не просто мафией, а формой самоорганизации вне системы. Они не допустили диктатуры тех, хотел соорудить третий уровень в Гонконге. Он так и не был достроен, в результате Гонконг остался обычным двухуровневым городом, без откровенно гнилых кварталов и элитных высотных уровней. Плохо было то, что практически вся местная «энергетика» держалась на бесчисленном множестве частных котлов и топок, в которых сжигался уголь, а также бытовые отходы. В результате город задыхался в дыму, и небо исчезало в его клубах. Если добавить частые пылевые бури, подымавшиеся с выжженных земель, то картина смотрелась совсем беспросветно. Гонконг десятилетиями видел над собой только грязное марево и, наверное, забыл, как выглядят настоящие звезды в ночном небе. Но было еще кое-что.

Я стал знаменитостью, что в тонком деле диверсанта не лучший вариант. Мне дали понять, что придется ставить мимический имплант.

Операционный стол – хорошее место, чтобы подумать. Тем более есть много времени, а мягкий наркоз не вырубает мозг. То, что твои глаза закрыты, – тоже плюс. Ты можешь оглянуться на свою жизнь и увидеть больше.

И вроде бы она налаживается, и ты на правильной стороне. Но что-то все равно гложет тебя.

Прежде всего, вспоминается Чикаго с высоты полета полицейского спинера. Парадоксальный, не сводимый к одной оценке родной город.

Проступающие сквозь завесу дождя огромные вышки –

небоскребы, на крышах которых мерцают габаритные огни, будто звезды. Он великолепен даже во время ливня, этот ослепительный верхний уровень. Он проплывает под тобой, словно ковер из звезд, освященный сиянием бесконечного многоликого неона и прожекторами, которые бьют куда-то вверх, разрезая дождь и сумрак неба.

Затем – граница города, где даже сквозь ливень виден срез этого огромного слоеного пирога. Масштабная картина, попытка понять смысл которой способна парализовать разум. Верхние уровни залиты светом, а к низу его становится все меньше. Нижние слои скрываются в темноте и техногенном тумане, в едкой пелене спецаэрозолей. И пусть с высоты полета не видно деталей, но ты знаешь, что там, в самом низу.

Под ускользающим светом редких ламп, а то и в полной темноте, в облаках генетического яда царит пустота. Там же, где еще сохранились люди, неизменно есть наркотики. И предсмертные крики, и банды в униформе, и охрана псевдопорядка.

С другой стороны, наверху, среди потоков огней, самых разных, контрастных, мягких и ослепительных, можно разглядеть то, что сильно ухудшит картину – улыбающиеся лица и блестящие глаза, подозрительно однообразные… Ведь все это маски, мимические импланты и глазные линзы, которые призваны имитировать эмоции.

Ты невольно задаешься вопросом. Он будто приходит сам собой. Что хуже: пустота, разбавленная обычным мусором или пустота, разбавленная прямоходящим мусором? И что, если учесть концлагерь и фабрику смерти на окраине Чикаго?

Ты не понимаешь, что с нами происходит. Что не так.

Мы умираем? Мы изменяемся? Или это одно и то же?

Тебе становится страшно, когда ты понимаешь, что никогда примешь ответа, что он будет жечь сердце, пока… пока… ты сам не попросишь вынуть его из груди и заменить на особо устойчивый электромеханический имплант. И тогда многое станет неважным, боль уйдет, вот только это облегчение испытает кто-то другой. Не ты.

Неужели от нас требуется именно это? Ведь с круглой Земли, поверхность которой замыкается сама на себя, не сбежать по старинке, ножками. Ведь настоящие звезды в ночи можно увидеть только с крыш небоскребов верхнего Чикаго, что тянутся к небу.

Неужели нельзя обойтись без полицейских убийц? Без машины лагерей и тех, кто верит в концентрацию капитала и власти? Без тех, кто видит перед собой только новые этажи, уровни и небоскребы, космодромы и внеземные станции,

приближающие нас к звездам.

Почему они такие?

Почему мы такие?

Штука в том, что когда мы делаем следующий шаг, то вынуждены преодолевать еще большее страдание. Но тогда что будет в итоге? В самом конце? Болевой порог сдвинется так, что мы превратимся в бесчувственных роботов? Что ответит наш создатель, когда увидит добравшийся до него скелет, и когда этот холодный биомеханический остов спросит электронным голосом: «Можно ли его исправить?» Создатель пошлет нам новую боль, чтобы покарать или убить нас? Или мы просто никого не увидим на самой вершине? Только свои бесконечные отражения.

Посвящается фанатам «Бегущего по лезвию»

notes

Примечания

1

«Божьи механизмы» (латынь), но возможен и совершенно другой по смыслу вариант перевода – «механизмы Бога»

2

«Душа из машины» (латынь)

3

Если создание первых фабрик столетия назад потребовало высвобождения людей (как потенциальных работников фабрик) из традиционных обществ, то есть потребовало «свободы, равенства и братства», то принципиально новые способы производства могут поставить вопрос совсем по-иному.

4

FEMA (FederalEmergencyManagementAgency) – Федеральное агентство по управлению в чрезвычайных ситуациях США – пожалуй, самое таинственное государственное учреждение в мире. FEMA считается аналогом российского МЧС, однако с существенными отличиями. В ведении FEMA на территории США и Канады находятся сотни концентрационных лагерей, пока что пустующих, но полностью оборудованных, укомплектованных персоналом и готовых к достойному «приему» постояльцев. Официальная версия назначения лагерей заключается в утверждении, что они нужны для спасения, эвакуации и временного содержания населения при стихийных бедствиях. Вот только многочисленные детали, например то, как устроены ограждения из колючей проволоки, позволяют утверждать, что FEMA не собирается защищать постояльцев концлагерей от опасности, которая якобы находится снаружи. Наоборот, планируются защищаться от тех, кто окажется внутри охраняемого периметра. Согласно неофициальной версии, лагеря, общая емкость которых составляет более 20 млн человеко-мест, предназначены для изоляции «несогласных», а FEMA – инструмент управления страной в условиях остановки действия конституции, гражданских прав и свобод, т. е. в условиях диктатуры.

5

С. Бжезинский в своей работе «Роль Америки в технотронную эру» (1969 г.) указывал на традиционную особенность США: исчезающую грань между частным и государственным. В настоящее время приватизируется все больше сфер государственной деятельности, в т. ч. разведка и охрана правопорядка. Наступает золотой век ЧВК – частных военных компаний. И кто знает, далек ли тот день, когда американцы осознают, что живут в «стране частных концлагерей»? Внутри перечня собственности акционерного общества ГУЛАГ? В той же работе Бжезинский пишет, что преобразования общества в США идут быстрее, чем в остальном мире (в т. ч. этим объясняется выбор места действия произведения)

6

К лагерям FEM A подведены железнодорожные пути и шоссейные дороги. Рядом со многими – аэропорты. При этом о лагерях практически нет официальной информации. Но почему? Разве простые люди не должны знать, куда бежать-спасаться? Где им «помогут»?

7

Для пилотов истребителя F-35 разрабатывается встроенная в шлем система дополненной реальности «божье око», позволяющая «смотреть» сквозь корпус самолета, видеть виртуальные, а не только реальные приборы и органы управления самолетом, менять зум части проецируемого на шлем изображения, «приближая» к пилоту соответствующий участок картинки и т. п.

8

REX84 – программа федерального правительства США, основная цель которой – обеспечение изоляции крупных масс населения с приостановкой его гражданских прав, действия конституции, передачей власти военной администрации с привлечением FEMA, установлением президентской диктатуры. Первые учения (Readiness Excercise 84) проводились в 1984-м году.

9

Теория «свободных денег» разработана Сильвио Гезеллем (1862–1930). Они характеризуются тем, что со временем их номинальная величина снижается. То есть деньги облагаются налогом на само свое существование – процентная ставка на хранение отрицательная, причем не только для денег, что лежат на банковских депозитах, но и для наличных. Такие «портящиеся деньги» теряют привлекательность как средство сбережения, во многом перестают быть «философским камнем», создающим ценность из ничего, из самих себя и финансовых производных. В результате введения гезеллей хранение денег и финансовые спекуляции становятся менее выгодными, чем вложение в реальный сектор, из-за чего экономика получает импульс развития через ускорение товарооборота. Роль банков снижается до уровня простых расчетных касс, класс ростовщиков и финансистов почти полностью ликвидируется. В то же время при попытке трансляции системы гезеллей с местного на общегосударственный и тем более международный уровень возникает ряд проблем. Дело в том, что Гезелль предлагал обесценивать деньги следующим образом. Владелец банкноты обязан наклеивать на нее через некоторые промежутки времени марку, подтверждающую действительность банкноты на данный момент времени. Марки должны покупаться в почтовых отделениях, а все участники экономического процесса обязаны использовать только банкноты с необходимыми марками. По-видимому, такая система при расчетах наличными работоспособна только в малом, местном, масштабе, где все «друг друга знают». Огромное количество денег, находящееся на руках большого числа людей и организаций, можно гарантированно обесценивать (отсекая фальшивомонетчиков, коррупцию и т. п.) лишь при тотальном использовании электронных денег и запрете наличных, тотальном контроле расчетов. В конечном итоге необходима организация всемирного центробанка, обладающего единоличным правом эмиссии, международных расчетов и дисконта гезеллей, финансового контроля. Таким образом, исчезнет класс множества спекулянтов, но на их месте возникнет один суперспекулянт, который будет владеть всем и лишит остальных доступа к альтернативным эквивалентам ценностей, прежде всего, к золоту. Вероятно, часть прежних «элит», которая не согласится с неизбежной конфискацией запасов золота и собственной ненужностью, объявит центробанку войну… Скорее всего, создание финансового диктатора приведет к обнищанию

населения Земли, закреплению социального неравенства из-за того, что стимулирование экономики через дисконт денег наверняка скатится к гиперинфляции. Малый и средний бизнес сильно пострадают из-за невозможности простому человеку скопить средства и невыгодных условий кредита на открытие собственного дела. Монополизм будущего будет характеризоваться невиданной концентрацией власти. Для чего ее используют? Может быть, «кто-то мудрый» (по выражению молодого наивного Дарта Вейдера) инвестирует их в науку и технологии, чтобы повести человечество в космос? Кстати, чем не основание для конфискации золота – на нужды электронной и космической промышленности?

10

Можно найти занимательную информацию о странных приготовлениях правительства США: покупке патронов с экспансивными пулями для сил внутренней безопасности, заготовке пластиковых гробов, строительстве новых лагерей FEMA. Трогательная забота о будущем граждан.

В Израиле разрабатываются подобные экспресс-системы распознавания террористов для нужд аэропортов. Принцип следующий: человеку показывают быстрый поток картинок (фотографии лидеров террористических организаций, взрывов и т. п.), одновременно фиксируя его бессознательные реакции.

12

Сквозной символ масонских лож, заявляющих о родстве своих традиций с орденом розенкрейцеров.

13

Реактивная система залпового огня.

14

Уничижительное американское выражение, которым в США иногда называют пакистанцев.

15

Искусственный интеллект.

16

От английского «pure» – чистота.

Далее описывается подобие техники гипноза «Семь комнат», разработанной М. Р. Гинзбургом.